ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 40

2026

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Адрес сайта журнала: http://legallinguistics.ru/

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права	
Дерябин А.Г. ***ЦИФРОВОЙ ПЕРЕВОД ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА ФАКТОРОВ ВАРИАТИВНОСТИ***	6
Вольфсон В. Л. ***ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ***	12
Дудко Н.А., Кулаевский А.В. ***ПРЕНИЯ СТОРОН В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ, КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, ЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ***	18
Калашник Н.И., Тимофеев Е.И., Тимофеева В.В. ***ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ КОНЦЕПЦИИ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ***	27
Юридическая герменевтика	
Беседина Е.С. ***ИСТОКИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Ю.Ф. САМАРИНА И УЧЕНИЕ О РОЛИ ПРАВЯЩЕГО СЛОЯ В ЕГО ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ НАСЛЕДИИ***	32
Гайворонский А.В. ***О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «УСЛУГА» КАК ПРИЗНАКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 238 УК РФ***	36
Гилёв Р.Д. ***МЕТОДОЛОГИЯ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВА В.Н. ЛАТКИНА: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ОРИГИНАЛЬНОСТЬ***	41
Якушева Т.В., Анисимова И.А., Суханова Л.Г., Горовой С.А. ***СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В ПРАВОСУДИИ***	48
Корчагин А.А. ***К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ И ПРЕДМЕТЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ***	54
Юридическая техника	
Коренная А.А. ***УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПРИВИЛЕГИЯ: ПОНЯТИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ***	58
Меккауи Зубейр ***ЮРИДИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОХИЩЕНИЯ И УБИЙСТВА ДЕТЕЙ В АЛЖИРСКОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ***	63
Правовая коммуникация	
Коваленко Е.Ю., Платунова Т.Л. ***ПРАВО ПОТРЕБИТЕЛЯ НА ПРОСВЕЩЕНИЕ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН***	70
Лингвоэкспертология	
Федосеев А.А. ***СЕМАНТИЗАЦИЯ СПОРНЫХ НОМИНАЦИЙ ЛИЦ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ***	77

Речевые правонарушения	
Белоусов В.Н., Непомнящих Е.А. ***ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЗАМЕНЫ АНГЛИЦИЗМОВ В РАМКАХ ЗАКОНА «О ЗАЩИТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ГОСУДАРСТВЕННОГО» (НА МАТЕРИАЛЕ ФИТНЕС-ИНДУСТРИИ)***	82
Кирюшина Л.Ю. ***ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ***	88
Напреенко Г.В., Солдатова В.Д. ***ТЕЛЕФОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ***	94
Сибирская А.С. ***ФЕНОМЕН «МОШЕННИЧЕСТВО» КАК МАНИПУЛЯТИВНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ ПРАКТИКА***	103
Язык и право	
Ерохина Ю.В. ***РУССКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ: НА ПРИМЕРЕ БЫЛИН ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ***	107
Ситников К.А., Попов В.И. ***ГОСУДАРСТВО И ПРАВО МАГИЧЕСКОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ОПЫТ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ.К. РОУЛИНГ***	113

CONTENTS

Language of Law	
Deryabin A.G. ***DIGITAL TRANSLATION OF LEGAL DISCOURSE: ON THE PROBLEM OF SEARCHING FOR VARIABILITY FACTORS***	6
Volfson V.L. ***FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF THE THEORY OF ABUSE OF RIGHTS***	12
Dudko N.A., Kulaevsky A.V. ***PLEADINGS OF THE PARTIES IN A JURY TRIAL: CRIMINAL PROCEDURE, FORENSIC, PSYCHOLOGICAL, LOGICAL AND LINGUISTIC ASPECTS***	18
Kalashnik N.I., Timofeev E.I., Timofeeva V.V. ***TERMINOLOGICAL APPARATUS OF THE ACTIVE LONGEVITY CONCEPT***	27
Legal hermeneutics	
Besedina E.S. ***ORIGINS OF Y.F. SAMARIN'S WORLDVIEW AND ROLE OF THE RULING CLASS AS CONSIDERED IN HIS POLITICAL AND LEGAL HERITAGE***	32
Gaivoronsky A.V. ***ON THE INTENSION OF THE CONCEPT OF "SERVICE" AS AN ELEMENT OF THE CRIME IN VIOLATION OF ARTICLE 238 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION***	36

Gilev R.D. ***METHODOLOGY IN ACADEMIC RESEARCH OF HISTORY OF RUSSIAN LAW BY V.N. LATKIN: SUCCESSION AND ORIGINALITY***	41
Yakusheva T.V., Anisimova I.A., Sukhanova L.G., Gorovoy S.A. ***THE CONCEPT OF STATE PROSECUTION IN JUSTICE***	48
Korchagin A.A. ***ON THE OBJECT AND SUBJECT OF CRIMINALISTICS***	54
Legal Techniques	
Korennaya A.A. ***CRIMINAL-LAW PRIVILEGE: CONCEPT AND IMPLEMENTATION IN CRIMINAL LAW***	58
Mekkaoui Zoubeyr ***THE LEGAL TREATMENT OF CHILD ABDUCTION AND HOMICIDE UNDER ALGERIAN AND INTERNATIONAL LAW***	63
Legal Communication	
Kovalenko E.Yu., Platunova T.L. ***CONSUMER'S RIGHT TO EDUCATION IN THE FIELD OF PROTECTION UNDER RUSSIAN AND FOREIGN LEGISLATION***	70
Linguoexpertology	
Fedoseev A.A. ***SEMANTIZATION OF DISPUTABLE NAME-CALLINGIN LINGUISTIC EXPERTISE***	77
Speech Offenses	
Belousov V.N., Nepomniashchikh E.A. ***PECULIARITIES OF LEXICAL SUBSTITUTION OF ANGLICISMS WITHIN THE LAW 'ON THE PROTECTION OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS THE STATE LANGUAGE' (CASE STUDY OF FITNESS INDUSTRY)***	82
Kiryushina L.Yu. ***FEATURES OF INTERNET COMMUNICATION OF MINORS***	88
Napreenko G.V., Soldatova V.D. ***TELEPHONE FRAUD: LINGUA-PRAGMATIC MECHANISMS OF SPEECH INFLUENCE***	94
Sibirskaia A.S. ***THE PHENOMENON OF "FRAUD" AS A MANIPULATIVE COMMUNICATION PRACTICE***	103
Language and law	
Yerokhina Yu.V. ***RUSSIAN HEROIC EPIC AND ITS ROLE IN SHAPING IDEAS ABOUT THE STATE AND LAW: CASE STUDY OF THE EPIC POEMS ABOUT ILYA MUROMETS***	107
Sitnikov K.A., Popov V.I. ***THE STATE AND LAW OF MAGICAL BRITAIN: THE EXPERIENCE OF THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF J.K. ROWLING'S WORKS***	113

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 40, 6-11, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4001

ЯЗЫК ПРАВА *УДК 81'33, ББК 81.1, ГРНТИ 16.31.41, Код ВАК 5.9.8*

Цифровой перевод юридического дискурса: к проблеме поиска факторов вариативности

А. Г. Дерябин

Кемеровский государственный университет

ул. Красная, 6, 650000, Кемерово, Россия. E-mail: artemdin7@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению вариантов переводов законодательного дискурса, осуществленных цифровыми переводчиками. Актуальность исследования обусловлена активным внедрением искусственного интеллекта в деятельность переводчика и правоприменительную практику, а также противоречием между множественностью переводных вариантов, которые порождают цифровые переводчики, и требованием однозначности юридического смысла. Цель исследования – выявить факторы, влияющие на вариативность вторичных текстов при переводе юридически маркированных единиц. Материалом исследования послужили фрагменты статьи 1 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Предметом исследования являются выполненные программами искусственного интеллекта DeepSeek и ChatGPT переводы, а также используемые в переводных текстах вариативные языковые единицы и синтаксические конструкции и детерминирующие этот феномен факторы. В результате исследования установлено, что вариативность переводов, выполненных программами искусственного интеллекта (цифровыми переводчиками), обусловлена совокупным воздействием алгоритмических, синтаксических, лексико-терминологических и культурно-правовых факторов. Выявлено, что программы искусственного интеллекта используют различные переводческие стратегии. ChatGPT адаптирует исходный текст к англоязычному законодательному дискурсу, используя приемы экспликации, терминологической нормализации и синтаксической перестройки. DeepSeek ориентируется на буквально-структурный подход при переводе, который сохраняет синтаксическую организацию и понятийную структуру русскоязычного законодательного текста. Данные различия приводят к неодинаковой степени эквивалентности текста-перевода. Установлено также, что ключевую интерпретационную нагрузку несут собственно-юридические и социально-этнографические термины, которые обладают культурно-правовой спецификой и не имеют прямых эквивалентов в англоязычной правовой системе. Полученные результаты позволяют рассматривать цифровой перевод юридического дискурса как интерпретационный процесс, который порождает варианты вторичного текста и требует обязательного контроля со стороны экспертов при дальнейшем использовании в нормативно-, международно-правовой практике.

Ключевые слова: цифровой перевод, юридический текст, вариативность, юридический термин.

Digital Translation of Legal Discourse: on the Problem of Searching for Variability Factors

A. G. Deryabin

Kemerovo State University

6 Krasnaya St., 650000, Kemerovo, Russia. E-mail: artemdin7@yandex.ru

This article examines various translations of legislative discourse produced by digital translators. The topicality of the study derives from the active introduction of artificial intelligence into the work of translators and law enforcement, as well as the contradiction between the multitude of translation options generated by digital translators and the requirement for unambiguous legal meaning. The aim of the study is to identify the factors that influence the variability of target texts when translating legally marked units. The material for the study was provided by Article 1 of the Federal Law “On Guarantees of the Rights of Indigenous Numerically Small Peoples of the Russian Federation.” The subject of the study is the translations performed by the DeepSeek and ChatGPT artificial intelligence programs, as well as the variable linguistic units and syntactic constructions used in the translated texts and the factors determining this phenomenon. The study found that the variability of translations performed by artificial intelligence programs (digital translators) is due to the combined influence of algorithmic, syntactic, lexical-terminological, and cultural-legal factors. It was revealed that artificial intelligence programs use

different translation strategies. ChatGPT adapts the source text to English-language legislative discourse using techniques of explication, terminological normalization, and syntactic restructuring. DeepSeek focuses on a literal-structural approach to translation, which preserves the syntactic organization and conceptual structure of the Russian-language legislative text. These differences lead to varying degrees of equivalence between the source text and the translation. It has also been established that the key interpretative demand is met by legal and socio-ethnographic terms, which have cultural and legal specificity and have no direct equivalents in the English-language legal system. The results obtained allow us to consider the digital translation of legal discourse as an interpretative process that generates variants of the target text and requires mandatory control by experts for further use in regulatory and international legal practice.

Key words: digital translation, legal text, variability, legal term.

Введение

В современных условиях цифровизации машинный перевод все чаще востребован при работе с нормативно-правовыми текстами. Юридический текст представляет собой материал с высокой степенью формально-смысловой организованности, ориентацией на однозначную интерпретацию и нормативной закрепленностью значений. Анализ цифровых переводов показывает, что при сохранении формальной стабильности оригинального (исходного) текста наблюдается множественная вариативность его переводных версий, что, в свою очередь, создает противоречие между единственностью нормативного юридического смысла и вариативной множественностью созданных цифровыми переводчиками вторичных текстов, которые различаются не только формальными, но и содержательными характеристиками, что может спровоцировать правоприменительные коллизии.

Настоящее исследование выполнено в русле юридической лингвистики, интерпретационной и компьютерной лингвистики, деривационной вариантологии и переводоведения и является продолжением наших разработок, направленных на выявление факторов вариативности переводов текстов разных жанров [Ким, Дерябин 2025]. Важными для нас являются теоретические положения, согласно которым перевод включается в парадигму вариантологии: переводной текст является вариантом переводимого текста [Голев 2023: 97]. Согласно разрабатываемой Н. Д. Голевым теории вариантологии, «переводы исходных единиц продуцируют их вторичные варианты и дают возможность изучать вариантообразующий потенциал исходных единиц естественного языка с точки зрения их переводимости с дальнейшей проекцией результатов такого изучения на свойства вариантов и их типологию, на взаимоотношения членов вариантных рядов, в том числе с точки зрения предела их варьирования» [Голев 2023: 97]. Важным теоретическим основанием для анализа цифрового перевода юридического дискурса является концепция вариативности, которая трактуется в современной лингвистике как имманентное и нормативное свойство языковой системы. В рамках лингвистической вариантологии она рассматривается как на уровне отдельных языковых единиц, так и на уровне текста, выступающего как целостность коммуникативного образования [Голев, Ким 2009].

Цель исследования – выявить факторы, которые влияют на вариативность вторичных (переводных) текстов, посредством анализа результатов перевода программ искусственного интеллект (ИИ) ChatGPT и DeepSeek. **Гипотеза исследования** состоит в предположении о том, что вариативность цифровых переводов юридического дискурса как его цифровая интерпретация обусловлена воздействием лексико-терминологических, синтаксических, культурно-правовых и алгоритмических факторов.

В современном переводоведении перевод трактуется как сложный когнитивно-коммуникативный процесс, который выходит за рамки простой языковой подстановки. По В. Н. Комиссарову, «в переводе сталкиваются различные культуры, разные личности, разные склады мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки» [Комиссаров 2002: 23].

Современные технологии совершили революцию в переводческой практике и активно эволюционируют, изменяя как восприятие перевода пользователями, так и концептуализацию перевода производителями и теоретиками. Они развивают переводческую деятельность и переводческий рынок, а также предоставляют получателям перевода новые возможности для коммуникации и получения информации [Озюменко 2024].

Цифровой перевод – это новый вид перевода, представляющий собой «систему сетевого взаимодействия когнитивно-коммуникативной деятельности» [Гарбовский 2019: 10]. В новых условиях происходит изменение характера взаимодействия человека и ИИ, что неизбежно улучшает результат переводческой деятельности. Иными словами, цифровой, или дигитальный, перевод является по сути переводом, выполненным ИИ. Таким образом, на современном этапе развития переводоведения существуют два основных вида перевода – перевод, осуществленный переводчиком-человеком, и перевод, выполненный искусственным интеллектом. При традиционном переводе переводчик-человек бережно относится к каждому новому значению слова, метафоре или герундиальному обороту. Точность исполнения цифрового перевода обусловлена алгоритмом, разработанным человеком и заложенным в работу ИИ [Миньяр-Белоручева 2023]. Искусственные нейронные сети, как и мозг человека, способны создавать довольно сложные понятия из разных частей информации, выстроенной на основе иерархии. «Современный термин "глубокое обучение" выходит за рамки нейробиологического взгляда на модели машинного обучения. В нем заложен более общий принцип обучения нескольких уровней композиции, применимый к системам машинного обучения, не обязательно устроенным по примеру нейронов» *(здесь и далее перевод наш – А. Г.)* [Goodfellow et al. 2018: 32]. Обработка естественного языка (англ. *natural language processing*) позволяет компьютерам понимать, интерпретировать, генерировать и преобразовывать текст. Современные передовые модели, такие как

GPT-4o от OpenAI, Claude 3.5 от Anthropic и Gemini от Google, способны генерировать беглый и связный текст и демонстрируют высокий уровень понимания языка [Yolanda 2025].

Современные системы ИИ способны обрабатывать большие корпусы текстов с высокой скоростью, учитывать контекст фраз, что позволяет исключить ошибки в переводе. Однако эти системы все еще имеют значительные ограничения, например, допускают контекстуальные ошибки, чаще всего при переводе многозначных слов или фраз [Ермолаева 2020]. При переводе языковых единиц, которые отражают специфические правовые, национальные и культурные особенности исходного законодательства, алгоритмы ИИ нередко испытывают затруднения при переводе терминов и конструкций юридического дискурса.

Законодательные тексты представляют собой уникальный тип институционального дискурса, к которому принято предъявлять повышенные требования точности, однозначности и функциональной эквивалентности перевода. Согласно Б. Г. Вульфович, юридический дискурс принадлежит к институциональным дискурсам, организующим и регулирующим социальные отношения в обществе. Это значит, что формально и функционально он организуется в соответствии с социальной практикой и социальными ролями участников – автора и адресата этого вида дискурса [Вульфович, Дедюхина, Зиньковская и др. 2022]. Юридический дискурс выполняет следующие функции: 1) прескриптивную, т. е. юридические высказывания имеют предписывающее свойство; 2) декларативную, которая соответствует констатации социального факта; 3) информативную, состоящую в доведении до адресата какого-либо социального факта; 4) аргументирующую, выражающуюся в приведении доводов в пользу той или иной позиции [Вульфович, Дедюхина, Зиньковская и др. 2022: 254].

Перевод юридических документов означает передачу правовой информации на одном языке и культуре на другой язык и культуру, учитывая различия в правовых системах и целях перевода [Дрогайцева 2021: 226]. М. Галдия трактует юридический перевод как «перевод текстов правового содержания, который представляет собой ориентированный на адресата специализированный вид переводческой деятельности, основанный на использовании языка для достижения юридических целей, и в контексте права» [Galdia 2013].

Юридический текст как объект перевода обладает определенными стилистико-языковыми характеристиками, включая следующие: 1) тавтологическая когезия, состоящая в повторе одного и того же существительного (термина) в стоящих рядом предложениях [Алексеева 2001]; 2) преобладание форм глаголов в форме настоящего времени и пассивных конструкций, обеспечивающее объективность преподнесения правовой информации и возможность обобщать высказывания [Алексеева 2001]; 3) использование глаголов с модальным значением, что позволяет юридическому тексту выполнять предписывающую функцию [Ангар 2023]; 4) неприемлемость сослагательного наклонения, которое выражает желательность, сомнение, предположение или допущение; правовой текст по своей природе императивен и предусматривает употребление соответствующих языковых средств, однако собственно императивные формы глагола не употребляются, вместо них используются варианты типа *признается, предписывается, сохраняется* и так далее [Голев 2006]; 5) широкое использование синтаксических структур со значением причины и условия [Исаков 2000]; 6) отсутствие компрессивности (каких-либо сокращений, цифровых обозначений и так далее) за исключением общепринятых форм [Киндеркнехт 2015]; 7) общая эмоциональная нейтральность языка [Алексеева 2001].

Методы и материалы

Исследование выполнено на материале фрагментов статьи 1 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [О гарантиях прав… URL]. Выбор дискурсивного материала обусловлен его повышенной лексико-семантической и синтаксической сложностью и выраженной культурно-правовой спецификой. Выбранные нами фрагменты переведены на английский язык с использованием нейронных программ DeepSeek и ChatGPT, которые позволяют проанализировать различные стратегии интерпретации юридического дискурса и выявить «точки напряженности» исходного текста, влияющие на алгоритмы переводческих решений ИИ.

При исследовании материала применяется комплекс методов. Контент-анализ позволяет выявить структурно-языковые и лексико-семантические характеристики исходного текста; интент-анализ ориентирован на реконструкцию институциональной коммуникативной направленности законодательного текста и выявление реализуемых в нем модусных значений. Использование сравнительного анализа выполняет функцию инструмента сопоставления смысловой и формальной организации текста-оригинала и его переводных версий, которые были получены в результате машинного перевода.

Указанные программы (платформы) ИИ интерпретируют фрагменты статей Федерального закона при введении специальной команды PROMT (промт): *«Ты – профессиональный переводчик юридических текстов. Задание – перевести статью 1 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» с русского языка на английский. Учитывай все национально-культурные и правовые особенности Российской Федерации».*

Результаты и обсуждения

Статья 1 «Основные понятия» содержит 264 лексические единицы. Из них 78 слов составляют собственно-юридические термины (29,5%), 64 слова относятся к юридико-административной лексике (24,2%), 86 слов определяются как социально-этнографическая терминология (32,6%). Количество общеязыковой нейтральной лексики фиксируется на уровне 36 слов (13,7%).

Как показывают результаты анализа данных, в тексте статьи Федерального закона используется 101 лексическая единица, потенциально представляющая трудности для алгоритмов при переводе на английский язык. Наиболее частотными являются юридические термины, наименее частотными – общеязыковая нейтральная лексика. Подобные

нормативно-правовые термины могут иметь несколько вариантов перевода, которые предлагаются как человеком, так и ИИ. Соответственно, увеличение количества рассматриваемых лексических единиц, создающих «точки напряженности», коррелирует с ростом числа потенциальных вариантов перевода, что свидетельствует о повышении различных вариантов интерпретаций. Далее мы предлагаем переводы статьи Федерального закона, выполненные цифровыми переводчиками, где жирным шрифтом отмечены различающиеся фрагменты.

Перевод ChatGPT (переводчик 1):

Indigenous Small-Numbered Peoples *of the Russian Federation (hereinafter referred to as small-numbered peoples) – peoples* ***who reside*** *in the territories of the traditional settlement of their ancestors, preserve traditional ways of life, economic activities, and traditional occupations, number fewer than 50,000 persons within the Russian Federation, and recognize themselves as distinct ethnic communities;*

Traditional way of life of small-numbered peoples (hereinafter referred to as traditional way of life) – a ***historically established means*** *of sustaining life of small-numbered peoples,* ***based on*** *the historical experience of their ancestors in the field of* ***nature use****, distinctive social organization of residence, distinctive culture, and the preservation of customs and beliefs;*

Primordial habitat of small-numbered peoples – a ***historically established*** *area within which small-numbered peoples carry out their cultural and everyday life activities and which influences their self-identification and way of life;*

Communities and other forms of public self-government (hereinafter referred to as communities of small-numbered peoples) – forms of self-organization of persons belonging to small-numbered peoples, ***united on*** *the basis of blood-kinship (family, clan) and/or territorial-neighborhood principles,* ***established for*** *the purpose of protecting their primordial habitat and preserving and developing traditional ways of life, economic activities,* ***traditional occupations****, and culture;*

Authorized representatives of small-numbered peoples – natural persons or organizations that, in accordance with the legislation of the Russian Federation, represent the interests of these peoples;

Ethnological expert examination *— a scientific study of the impact of changes in the primordial habitat of small-numbered peoples and in the socio-cultural situation on the development of an ethnos.*

Перевод DeepSeek (переводчик 2):

Indigenous small-numbered peoples *of the Russian Federation (hereinafter – small-numbered peoples) – peoples* ***residing*** *in the territories of traditional settlement of their ancestors,* ***preserving*** *their traditional way of life, economic activities, and crafts, numbering less than 50 thousand persons within the Russian Federation, and identifying themselves as distinct ethnic communities;*

Traditional way of life of small-numbered peoples (hereinafter – traditional way of life) – ***a historically established*** *means of sustenance of small-numbered peoples,* ***based on*** *the historical experience of their ancestors in the sphere of* ***environmental management****, a distinct social organization of habitation, a distinct culture, and the preservation of customs and beliefs;*

Ancestral habitat of small-numbered peoples *–* ***a historically established*** *area within which small-numbered peoples carry out their cultural and everyday life activities and which influences their self-identification and way of life;*

Communities and other forms of public self-government (hereinafter - communities of small-numbered peoples) - forms of self-organization of persons ***belonging to*** *small-numbered peoples and united on the basis of kinship (family, clan) and/or territorial-neighbourhood principles****, established for*** *the purpose of protecting their ancestral habitat,* ***preserving and developing*** *their traditional way of life, economic activities,* ***crafts****, and culture;*

Authorized representatives of small-numbered peoples - individuals or organizations which, in accordance with the legislation of the Russian Federation, represent the interests of these peoples;

Ethnological expertise *- a scientific study* ***assessing*** *the impact of changes in the ancestral habitat of small-numbered peoples and the socio-cultural situation on the development of an ethnic group.*

Сравнительный анализ двух переводных вариантов текста показал, что ChatGPT ориентирован на англоязычную правовую традицию (т. н. *legislative English*), склонен к экспликации и нормализации формулировок. Представленный ИИ использует устоявшиеся клише международных правовых документов, а также иногда делает перевод стилистически более «юридически корректным» для англоязычной правовой системы, но это достигается за счет частичного смещения оригинального смысла и объема самих понятий. DeepSeek использует буквально-структурный перевод, максимально сохраняет синтаксис и понятийность исходного текста. ИИ следует логике русского законодательного определения, иногда переводной вариант звучит менее идиоматично для англоязычного права, но смысл не искажается, сохраняется эквивалентность.

При переводе **лексических единиц** можно отметить следующие различия. Термин *коренные малочисленные народы* ИИ переводят как *Indigeneous,* что является корректным вариантом, но ChatGPT капитализирует термин, что придает ему статус определенного юридического термина (*defined legal term*), что является типичным для общего права (*common law*). DeepSeek использует строчные буквы, что приближает к кальке. *Промыслы* переводчик 1 интерпретирует как *traditional occupations,* что является более широким и юридическим понятием. Переводчик 2 при переводе использует *crafts,* тем самым сужая значение, в результате утрачивается охота, рыболовство и т. п. *Исконная среда обитания* переводится как *primordial habitat и ancestral habitat.* Первый вариант редко используется в праве, а второй вариант является устоявшимся термином в документе ООН (*UNDRIP*). Переводчик 1 при интерпретации лексической единицы *природопользование* использует *nature use,* а переводчик 2 – *environmental management.* Первый вариант представляет из себя кальку, что является не идиоматичным вариантом для перевода, а второй вариант перевода – это нормативно устоявшийся термин. *Этнологическая экспертиза* интерпретируется как

ethnological expert examination и *ethnological expertise.* Первый вариант перевод звучит «тяжело» и калькируется с русского слова «экспертиза», а второй вариант является стандартным юридико-научным термином.

Говоря о **синтаксической структуре** вторичных текстов, следует отметить, что ChatGPT перестраивает фразы под английский дефиниционный канон, использует логическое членение и однородные ряды и вводит дополнительные связки, которые отсутствуют в исходном тексте статьи. DeepSeek почти полностью сохраняет иерархию членов предложения как в русском языке, использует последовательное нанизывание атрибутов и часто «перегружает» предложение для англоязычного реципиента. Использованные причастные конструкции по типу *народы, проживающие…, сохраняющие…, насчитывающие…, осознающие…* ChatGPT интерпретирует через относительные придаточные предложения (relative clauses), DeepSeek сохраняет причастную цепочку через *-ing* формы.

DeepSeek превосходит ChatGPT в точности перевода юридической терминологии и юридико-антропологической корректности, если дело касается международных документов. ChatGPT больше подходит для адаптации под англоязычный правовой дискурс, иногда ИИ «жертвует» точностью ради стилистической «гладкости».

Заключение

Анализ цифровых переводов фрагментов статей Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», которые были выполнены программами ИИ ChatGPT и DeepSeek, показывает, что вариативность вторичных текстов создается на уровне юридической терминологии и синтаксической организации дефиниций. Собственно-юридические и социально-этнографические термины, которые обладают культурно-правовой спецификой и не имеют прямых эквивалентов в англоязычном правовом поле, вызывают наибольшие трудности для алгоритмов ИИ.

ChatGPT реализует стратегию нормативной адаптации вторичного текста к англоязычному законодательному дискурсу, перестраивая синтаксис исходных дефиниций в соответствии с каноном английских дефиниций, в частности, используется экспликация и клише (англоязычная правовая традиция) и нормализуется терминология. Выбор данной стратегии перевода обеспечивает стилистическую связность и корректность перевода для англоязычного читателя, однако в ряде случаев это может привести к семантическим сдвигам, которые выражаются в расширении, сужении или переосмыслении объема исходных понятий. DeepSeek, напротив, ориентируется на буквально-структурный принцип перевода, при этом сохраняя иерархию членов предложения, цепочки причастий и понятийную структуру русскоязычного законодательного текста. Выбор данного принципа позволяет точно передать юридический и этнокультурный смысл дефиниций исходного текста, в который включены термины *environmental management* и другие. Однако перевод становится менее идиоматичным и более «тяжелым» для восприятия в контексте англоязычного правового дискурса.

Проведенное исследование позволяет определить, в какой степени сохраняются основные характеристики юридического дискурса во вторичных (переводных) текстах. Анализ двух текстов-переводов демонстрирует, что обе программы ИИ распознают специфику юридического документа, используя различные способы ее репрезентации.

ChatGPT ориентируется на англоязычный законодательный канон, обеспечивает логическую связность, нормативность модального текста и дефиниционность. При этом в отдельных случаях терминология и адаптационная перестройка синтаксической части приводят к смещению количества исходных понятий. DeepSeek стремится к сохранению формально-смысловой организации исходного текста, куда включены полные дефиниции и синтаксическая иерархия, что, в свою очередь, дает повышение точности перевода, но снижает его идиоматичность. Из этого следует, что цифровой перевод юридического дискурса носит интерпретационный характер. Вариативность вторичных (переводных) текстов обусловлена несоответствием приоритетов между структурно-смысловой эквивалентностью и функциональной адаптацией.

Таким образом, различия между переводами обусловлены различными приоритетами интерпретационной деятельности: во-первых, алгоритмы ориентируются на функциональную эквивалентность и правовую адаптацию; во-вторых, на структурную и смысловую эквивалентность; в-третьих, цифровой перевод актуализирует интерпретационную вариативность, где он выступает самостоятельным фактором формирования вторичных текстов. Полученные результаты позволяют ввести понятие «точки напряженности» исходного текста, которые понимаются как зоны наибольшей интерпретационной сложности. Установлено, что их виды и количество прямо коррелирует с ростом вариативностей вторичных текстов, так как такие зоны по-разному интерпретируются алгоритмами ИИ.

Литература

Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика: учеб. пособие. СПб., 2001.

Ангар Р. П. Юридический перевод как особый вид перевода / Актуальные вопросы современной науки. Уфа, 2023. – С. 19-25.

Гарбовский Н. К. Интеллект в цифровом переводе: искусственный или искусный? / Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2019. – № 4. – С. 3-23.

Голев Н. Д. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) / Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 27(165). – С. 12-20.

Голев Н. Д. Макромоделирование языковой вариативности: к расширению границ лингвистической вариантологии (аспектуализированный обзор работ российских лингвистов) / Научный диалог. – 2023. – Т. 12. – № 8. – С. 86-125.

Голев Н. Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка / Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации. Барнаул, 2006. С. 6-37.
Дрогайцева В. В. Проблемы перевода юридической терминологии в межкультурной коммуникации / Профессиональная коммуникация в поликультурном мире: образование, наука, технологии. Орел, 2021. С. 225-231.
Ермолаева А. А Полисемия в контексте нейронного машинного перевода / Молодой ученый. – 2020. – № 32. – С. 175-177.
Исаков В. Б. Язык права / Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. – С. 65-80.
Ким Л. Г., Дерябин А. Г. Перевод в эпоху искусственного интеллекта: маркирующие признаки машинного перевода публицистического текста / Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2025. – Т. 4. – № 2. – С. 103-114.
Киндеркнехт А. С. Особенности перевода юридических текстов / Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 5. – С. 123-127.
Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М., 2002.
Миньяр-Белоручева А. П. Особенности цифрового перевода аббревиатур в сфере связей с общественностью / Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2023. – Т. 16. – № 1. – С. 80-92.
О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/13778.
Вульфович Б. Г., Дедюхина А. Г., Зиньковская А. В. [и др.]. Язык и социум: динамика взаимоотношений. Краснодар, 2022.
Galdia M. Strategies and tools for legal translation. Comparative Legilinguistics. – 2013. – Vol. 16. – Pp. 77-94.
Goodfellow I., Bengio Y., Courville A. Deep Learning. 2nd ed. Moscow, 2018.
Yolanda G., Raymond P., Chapter 2: Technical Performance / Artificial Intelligenct Index Report 2025. - 2025. - №8. - P. 457.

References

Alekseeva, I. S. (2001). Professional training of a translator. St. Petersburg (in Russian).
Angar, R. P. (2023). Legal translation as a special type of translation. In Actual issues of modern science: Proceedings of the II International scientific and practical conference (Part 2, pp. 19–25). Ufa (in Russian).
Garbovsky, N. K., Kostikova, O. I. (2019). Intelligence in digital translation: artificial or artful? Bulletin of Moscow University. Series 22: Theory of Translation, 4, 3–23 (in Russian).
Golev, N. D., Kim, L. G. (2009). Variative and interpretative functioning of the text (on expanding the boundaries of linguistic variation studies). Bulletin of the Chelyabinsk State University, 27(165), 12–20 (in Russian).
Golev, N. D. (2023). Macromodelling of linguistic variation: toward expanding the boundaries of linguistic variation studies. Scientific Dialogue, 12(8), 86–125 (in Russian).
Golev, N. D. (2006). Legal communication through the prism of natural language. In Jurislinguistics-7: Language as a phenomenon of legal communication. Barnaul, 6–37 (in Russian).
Drogaitseva, V. V., Kosheleva, S. V. (2021). Problems of legal terminology translation in intercultural communication. In Professional communication in a multicultural world. Orel, 225–231 (in Russian).
Ermolaeva, A. A. (2020). Polysemy in the context of neural machine translation. Young Scientist, 32, 175–177 (in Russian).
Isakov, V. B. (2000). The language of law. In Jurislinguistics-2: The Russian language in its natural and legal existence. Barnaul, 65–80 (in Russian).
Kim, L. G., Deryabin, A. G. (2025). Translation in the era of artificial intelligence: markers of machine translation in journalistic texts. Virtual Communication and Social Networks, 4(2), 103–114 (in Russian).
Kinderknecht, A. S. (2015). Peculiarities of legal text translation. Scientific Notes of Orel State University. Humanities and Social Sciences Series, 5, 123–127 (in Russian).
Komissarov, V. N. (2002). Modern translation studies. Moscow (in Russian).
Minyar-Belorucheva, A. P., Sergienko, P. I. (2023). Features of digital translation of abbreviations in public relations. Bulletin of Moscow University. Series 22: Theory of Translation, 16(1), 80–92 (in Russian).
On guarantees of the rights of indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation. (n.d.). Available from: www.kremlin.ru (in Russian).
Vulfovich, B. G., Dedyukhina, A. G., Zinkovskaya, A. V., et al. (2022). Language and society: dynamics of interaction. Krasnodar (in Russian).
Galdia, M. (2013). Strategies and tools for legal translation. Comparative Legilinguistics, 16, 77–94.
Goodfellow, I., Bengio, Y., Courville, A. (2018). Deep learning (2nd ed.). Moscow.
Yolanda, G., Raymond, P. (2025). Technical performance. In Artificial Intelligence Index Report 2025 (Vol. 8, pp. 457).

Citation:
Дерябин А. Г. Цифровой перевод юридического дискурса: к проблеме поиска факторов вариативности // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 6-11.
Deryabin A. G. (2026) Digital Translation of Legal Discourse: on the Problem of Searching for Variability Factors. Legal Linguistics, 40, 6-11.
(cc) BY This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 40, 12-17, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4002

ЯЗЫК ПРАВА *УДК 34.04, ББК 67.0, ГРНТИ 10.07.61 , Код ВАК 5.1.1*

Основные положения теории злоупотребления правом

В. Л. Вольфсон

Юридический институт (Санкт-Петербург)

ул. Гаванская, д. 3, 199106, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: vwolfson@mail.ru

Интерес к тематике осуществления субъективных прав возник в начале нулевых годов и пережил период бурного роста: представителями различных научных специальностей были защищены десятки диссертаций, публиковались монографии и статьи. Не увенчавшись созданием теоретически состоятельных и практически работоспособных объяснений феномена злоупотребления субъективным правом, этот интерес столь же внезапно стал исчезающе мал уже к середине десятых годов. Исследователи переключились на прикладные области злоупотребления правом и проявлений недобросовестности, а желание поставить их в ряд, объединенный концептуальным воззрением, полностью сошло на нет. Как следствие, итогом предпринятых усилий так и не стало создание теории ненадлежащего правоосуществления. Причины и сущность явления не были раскрыты. Не предлагалась единая система мер по противодействию злоупотреблению правом. Доктрина, а ныне и законодательство, не видят различий между злоупотреблением и недобросовестностью. Расщепление интереса субъекта, действующего в поле позитивного законодательства, на вмененный и подлинный как причина явления не рассматривалось. В таких условиях не ощущалось и необходимости в исследовании языка догмы. Остались без объяснения частные виды злоупотребления и недобросовестности. Не были выявлены особенности злоупотребления в договорных правоотношениях, что приводит к ошибочному допущению злоупотребления правом, предусмотренному не основанным на императивной норме условием договора. Не появились научно обоснованные тесты на признаки злоупотребления и недобросовестности, а также целостное воззрение на меры судебной защиты. Автор статьи предлагает методологическое объяснение такого положения дел и в тезисном виде представляет свою теорию злоупотребления правом.

Ключевые слова: злоупотребление правом, подлинный и вмененный интерес, язык права, добросовестность, обход закона.

Fundamental Principles of the Theory of Abuse of Rights

V. L. Volfson

Law Institute (St. Petersburg)

3 Gavanskaya st., 199106, St. Petersburg, Russia. E-mail: vwolfson@mail.ru

The early 2000s saw the emergence of interest in the exercise of subjective rights which grew rapidly: dozens of dissertations were defended, and numerous monographs and articles were published across various fields of scholarship. Yet this interest waned just as abruptly by the mid-2010s, having failed to produce a theoretically coherent and practically workable explanation of the phenomenon of abuse of subjective rights. Researchers turned to applied issues of abuse and bad faith, and any pursuit of arranging them in line with a single conceptual approach disappeared altogether. Consequently, a general theory of improper exercise of rights has never emerged. The causes and essence of the phenomenon remain un-explored. No systemic set of measures against abuse of rights has been developed. The doctrine — and the legislation as well — draw no distinction between abuse and bad faith. The split of the right-holder's interest (in positive-law systems) into imputed and genuine interest has not been analyzed as a potential cause of abuse. Against this background, no need was felt to examine the language of legal dog-matics. Specific forms of abuse and bad faith have gone unexplained. The particu-larities of abuse in contractual relations have not been identified — leading to the mistaken view that a right conferred by a contractual term not based on a mandato-ry norm can be abused. Tests for abuse or bad faith have not been scientifically es-tablished, nor has emerged an integral approach to judicial remedies. The author offers a methodological explanation for this situation and outlines, in summary form, his theory of abuse of rights.

Key words: abuse of rights, imputed and genuine interests, language of law, good faith, evasion of law.

Сущность злоупотребления правом, как полагает автор, так и не уяснена нашей наукой. Судебная практика,

оставшись «один на один» с проблемой выбора критериев надлежащего осуществления права, обнаруживает неспособность с ней справиться. Такой итог, по мнению автора, объясняется методологическим несовершенством выдвинутых воззрений как в части выбора средств познания, так и в определении концептуального уровня исследования. Большинство из них следуют в своем восприятии предмета изучения подходу, который можно определить как метафизический. Речь идет о способе мышления, помещающем этот предмет в среду, где он теряет связь с другими явлениями и становится самодостаточным. Закрытость такой среды от верификационных цензов оборачивается вынесением заведомо неверифицируемых суждений, причем даже в двух смыслах: во-первых, в общем значении – денотат этих суждений по природе таков, что проверить их на истинность невозможно, во-вторых, они не относятся к изучаемой реальности, то есть к той единственной среде, феномены которой могли бы их верифицировать, каковой, по убеждению автора, является динамическая среда интереса в правоосуществлении. Метафизичность, кроме того, выражается и в статическом образе изучаемого явления, в отказе атрибутированным ему свойствам в изменчивости.

Все свойства метафизического метода неизбежно проявляются при обращении к правоосуществлению, как и к любому другому явлению, совместно, и все же меру проявления отдельных из них можно, в целях условной систематизации, принять как основание для различения теорий злоупотребления. К метафизике в первом из отмеченных смыслов тяготеют воззрения, связывающие злоупотребление правом с невыполнением морального долга или же в целом с безнравственным или эгоистичным поведением правообладателя (традиция, заложенная еще Ф. В. Тарановским). Метафизика второго толка усматривается в теориях, которые столь же условно можно поделить на две группы. Представители первой в субъективном праве видят инструментальную конструкцию, направленную к внешнему, общественно-значимому целеполаганию, но функционально служащую и удовлетворению частного интереса субъекта, а потому ненадлежащим признают правоосуществление, с этим имманентным целеполаганием расходящееся [напр., Сазанова 2009: 45-49]. Исследователи, условно относимые ко второй группе, соглашаются с тем, что субъективное частное право призвано служить частному же интересу, но полагают осуществлению права общественно-значимые пределы, нарушение каковых и образует злоупотребление [Радченко 2010]. А. А. Малиновский, автор единственной защищенной по теоретической специальности докторской диссертации по злоупотреблению правом, полагает, что коренится оно в «правовом эгоцентризме», и в целом понимает его как осуществление права в противоречии с его назначением, каковым он признает удовлетворение выраженного в праве интереса [Малиновский 2007: 355, 87]. Это последнее суждение само по себе не могло бы вызвать наши возражения. Но сущность назначения субъективного права, а значит и стоящего за ним интереса в теории А. А. Малиновского оказывается статичной, а значит и метафизической, как и вся концепция. Не случайно в его построениях не находится места для злоупотребления правом в условиях *недостаточности* интереса. Те же описания применимы и к выдвинутым в отечественной доктрине теориям добросовестности. Нет и не может быть ответа на вопрос о том, как верифицировать категорию «доброй совести» [Новицкий 1916]; и тем более непостижимо, как понятием с непроясняемым содержанием верифицировать надлежащее правоосуществление. Что же касается принципа добросовестности, о степени неопределенности в его понимании говорит то, что большинство исследователей вовсе отрицало присутствие этого принципа в дореформенном тексте ГК. Наблюдаются многообразные теории относительно целесообразности и способов закрепления такого принципа, не говоря о предложениях по его содержанию – должен ли он воплощаться лишь в презумпции добросовестности [Курбатов 2013: 36-43], является ли он легальной обязанностью [Коновалов 2016: 5], или же представляет собой некое облагораживающее начало догмы права. Сторонники последней группы теорий полагают, что принцип добросовестности [Скловский 2018: 94-97; Нам 2018: 88] пронизывает все без исключения установления законодательства и образует альтернативную легальную реальность.

Преодолеть метафизические представления о злоупотреблении правом необходимо еще и потому, что противодействие ему способно заблокировать правоосуществление, в том числе судебную защиту. Эта опасность всегда будет возбуждать непримиримое отношение к общим нормам, запрещающим злоупотребление и (или) недобросовестность. Появившись в дореволюционные годы [Муромцев 2004: 531; Покровский 1998: 106-119], эта традиция de lege ferenda не прерывалась и в советское время; сложилась школа доктринального отрицания злоупотребления правом как общеправовой категории, родоначальником которой был М. М. Агарков [Агарков 2002] и включавшая В. А. Рясенцева, С. Н. Братуся, Н. С. Малеина и других ученых, считавших, что эта категория надуманная, поскольку обозначает по сути правонарушение, разве что совершаемое в отношении пределов правоосуществления. В последующие годы некоторые авторы утверждали, что недозволенные действия могут быть пресечены специальной нормой [Пашин 2003: 35, 52, 58; Емельянов 2002: 60]. Но риторика, призывающая ужиться со злоупотреблениями как с меньшим, по сравнению с описанным положением, злом, аксиологически не состоятельна – системную проблему нужно исследовать и найти ей решение. В целом, школу отрицателей злоупотребления также можно считать метафизической в том отмеченном выше смысле, в котором метафизика принимает свойства объекта как априорную и статическую данность, а следовательно, не может увидеть и диалектику между вмененным и подлинным интересами.

Из очерченных выше подходов выделяются воззрения В. П. Грибанова [Грибанов 1972]. Они были подвергнуты критике теми, кто надлежащее осуществление права оценивает метафизически – включая как тех, кто признает феномен злоупотребления, так и его отрицателей. Между тем то была редкая попытка объяснить феномен злоупотребления из природы самого субъективного права. Однако внутренние пределы права в этой теории так и не были наделены иной сущностью, чем та, какая есть у любых его границ, что стирало различие между

злоупотреблением и правонарушением «как таковым». Но если бы это было сделано, оппоненты Грибанова, вероятно, упрекали бы его за то, что является его заслугой и слабостью их учения – за отказ примерять к правоосуществлению внешние и чуждые субъективному праву ценности.

Зарубежная наука также не сумела предложить всеобъемлющей теории злоупотребления правом. Кроме того, не все труды в области права, прежде всего англоязычные, могут быть как по эпистемологическим, так и по эмпирическим причинам приложимы к позитивному законодательству; не все сочетаются с принципами и категориями российского права. Это не препятствует тому, чтобы вдохновляться теми из них, что могут пройти через концептуальные фильтры отечественного правопорядка. Некоторые учения, несмотря на их влиятельность в зарубежной академической среде (напр., Жоссерана и Дюги), не возымели влияния на автора. Другие же, на наш взгляд, должны быть учтены для построения теории злоупотребления правом, особенно в части малоразвитого в нашей науке учения о природе языка догмы.

Преодоление непродуктивной методологии подразумевал выбор эпистемологического инструмента. Вкратце его можно было бы назвать требованием верифицируемых суждений. Автором выдвигались лишь гипотезы, семантически соотносимые со средой состояния подлинного интереса в его диалектическом, в том числе динамическом, отношении с интересом вмененным.

Но одной метафизической склонностью нашего правоведения не объяснить безуспешность попыток создать теорию злоупотребления; и сама аберрация не может объясняться одними лишь эпистемологическими установками. Наоборот, она является следствием того, что научные изыскания велись преимущественно во внутриотраслевой среде, редко выходя на уровень общеправового знания, т. е. теории права как такового. Такие явления, как субъективное право, правоосуществление, выраженный в праве интерес, минимумы и максимумы его вменения в рамки отраслевого исследования не помещаются; проблемы же языка догмы позитивного законодательства в принципе не могут быть изученными в рамках отраслевой науки. Поэтому еще одним методологическим решением стал выбор уровня абстракции для построения теории злоупотребления. Она создавалась как *общеправовое* учение, т. е. на метауровне по отношению к его отраслевой предметности. Такая методология не только не предполагает разрыв со средой более низкого уровня, т. е. со своим эмпирическим полем, но, напротив, всегда сохраняет обе среды в виде двух взаимосвязанных инстанций единой эпистемы. Метатеория правоосуществления и злоупотребления индуктивно возникает из анализа феноменов отраслевой предметности и объясняет их – хотя бы потому, что «просто права» не бывает; оно все – отраслевое. В свою очередь, гипотезы, изложенные на языке внеотраслевой среды, подвергаются верификации на отраслевом материале. Эмпирической средой для такой теории должны выступать преимущественно положения гражданского права и частные правоотношения. Злоупотребление субъективным *публичным* правом, за исключением прав конституционных, по умолчанию не представляется возможным (см. об этом ниже).

Далее представлены основные тезисы теории злоупотребления правом, полно и подробно изложенной автором в его монографиях и, в виде отдельных положений, в других статьях.

1. Суждение, содержащее оценку осуществления субъективного права, может указывать только на то, *насколько* осуществление субъективного права было направлено на удовлетворение интереса, выраженного в этом праве.

2. В правовых системах, где источником права служит позитивное законодательство, следует различать *вмененные* интересы, выраженные в тех субъективных правах, которые основаны на таком законодательстве, и *подлинные* интересы субъектов, участвующих в правоотношении. Субъективное право, основанное на нормах законодательства, представляет собой юридическое выражение вмененного интереса обладателя этого права в каком-либо благе. Предусмотренные законодательством юридические факты, образующие основание права, выступают вмененными значениями минимальной квоты интереса в том благе, получение (сохранение) которого это право обеспечивает. *Злоупотребление правом возникает при его осуществлении в отсутствии (при недостаточности) подлинного интереса в том благе, на достижение которого направлен выраженный в праве вмененный интерес*.

3. Если принять за данность уровень подлинного интереса, злоупотребление имеет место тогда, когда извлекаемая из права выгода (уровень удовлетворения интереса) превышает меру удовлетворения интереса (объем блага, извлечение которого путем осуществления субъективного права необходимо и достаточно для удовлетворения подлинного интереса). Если за данность принять объем предоставляемой правом выгоды, злоупотребление правом предстает как превышение минимальной квотой интереса в такой выгоде правообладателя его подлинного интереса в благе. Такой стандарт тестирования правоосуществления на признаки злоупотребления предлагается именовать абсолютным. В двустороннем (относительном) правоотношении оценка соответствия извлекаемых субъектом из права выгод той мере удовлетворения интереса, которая определяет долю подлежащего сохранению блага, или, если использовать иную переменную, оценка соответствия подлинного интереса минимальной квоте интереса, то есть проверка права (правомочия) на избыточность или же обязанности – на недостаточность не будет эффективным тестом на злоупотребление, если та или другая переменная, то есть либо мера удовлетворения интереса либо минимальная его квота, не будут учитывать, соответственно, меру лишения блага или квоту интереса противоположной стороны. При заданных условных величинах интересов сторон такого отношения, уровень удовлетворения интереса приобретающей выгоду стороны (или соответственно уровень лишения выгоды противоположной стороны) не должен оказаться выше, чем уровень удовлетворения интереса второй стороны в сохранении этого блага, даже если мера удовлетворения собственного интереса первой стороны не превышена извлекаемым удовлетворением; или, используя другую переменную, нельзя допустить положения, в котором

при заданном объеме извлекаемой из правового блага выгоды (для противоположной стороны – утрачиваемой выгоды) уровень интереса в этом объеме выгоды первой стороны оказался бы ниже уровня интереса второй стороны в сохранении этой выгоды, даже если уровень интереса первой стороны не окажется ниже соответствующей этому объему минимальной квоты ее интереса. Если это условие не выполняется, имеет место злоупотребление правом. Описанный стандарт тестирования именуется автором относительным.

4. Злоупотребление правом не возникало бы, если бы легальный текст позитивного законодательства понимался иначе, чем самоозначиваемая реальность. Любое суждение о содержании догмы («означаемом») позитивного законодательства должно исходить из принципов аксиоматичности, верификационной автономии, однозначной внятности. Все эти принципы определяются имманентно присущими легальному тексту такого законодательства свойствами. Каждое легальное правило обладает строго верифицируемым, распознаваемым, единственным и всегда проходящим проверку на истинность суждения о нем содержанием (*означаемым*). При таком понимании легального текста исключается вменение обладателям субъективного права иного интереса, чем тот, и только тот, что выражен в предусмотренном позитивным законодательством субъективном праве. Недопустимо телеологическое толкование текста позитивного права, тем более вменение ему «духа закона», «цели закона» и тому подобных метафизических, т. е. неверифицируемых, значений. Принципы суждения о догме позволяют также сформулировать общее правило ее толкования: должна приниматься та конструкция *означающего*, которая определяется схемой означивания, логически наиболее достоверно выявляющей волю законодателя. Схемы означивания, т. е. языки, применимые для «назначения» означающего, могут быть расставлены в иерархической последовательности соответственно силе их логической достоверности.

5. Объектами злоупотребления правом могут быть не только субъективные права в строгом смысле слова, но и другие правовые блага, постольку, поскольку их осуществление связано с удовлетворением интереса, выраженного в субъективном праве. К таким правовым благам относятся правомочие (возможность приобретения субъективного права, зависящая от волевых действий управомоченного лица) и отсутствующая субъективная обязанность.

6. Субъективные *публичные* права, за исключением прав конституционных, не могут быть объектами злоупотребления, поскольку в них выражается публичный интерес в распределении этих благ их получателям, а интерес получателя благ несубъектен и в юридическом смысле не существует. Правосубъектностью обладают лица, которые выступают получателями благ, но не получатели блага. Правосубъектные лица могут иметь интерес в публичном благе и публичные субъективные права, однако, ввиду того, что этот интерес не влияет на распределение благ, его величина принимается неизменной и учитывается лишь как формальное волеизъявление, т. е. как один из элементов юридического состава, необходимого для признания такого субъекта получателем публичного блага. Данное положение распространяется и на субъективные процессуальные права. Ввиду особенностей, присущих этим публичным правам, можно признать «злоупотребление процессуальными правами» как конвенциональную категорию, но не как научную проблему; в конечном счете за таким правоосуществлением стоит злоупотребление материальным правом на судебную защиту.

7. Стороны договора в дееспособном состоянии обладают, с оговоркой rebus sic stantibus, идеальной способностью распознавать и выражать эти интересы в условиях договора. Это и есть свобода договора. Субъективное право в договоре является юридической репликой выраженного в нем интереса. Кроме того, поскольку договор устанавливает равновесие интересов, любая мера стеснения не может быть понята иначе, чем условие для закрепления за собой меры возможностей. Поэтому злоупотребление субъективным правом, основанном на условии договора, которое предусмотрено диспозитивной нормой либо пребывает в поле общей дозволительности, невозможно.

8. Недобросовестность – это неустранимая конфликтность намерений обладателя интереса относительно обстоятельства, которое используется им как основание правопритязания. Не будучи синонимом злоупотребления права – категории, описывающей правоосуществление при недостаточности интереса в предоставляемом правом благе, – недобросовестность является категорией, указывающей на один из параметров состояния интереса. Это «диагноз» злоупотребления, позволяющий суду отказаться от предположения о соответствии подлинного и вмененного интересов.

9. Принцип добросовестности, являясь ментальной категорией, не может быть выражен в норме права иначе, чем в виде презумпции добросовестности; с учетом существа правоотношения, эта презумпция может и не применяться. Поэтому неуместен дополнительный «принцип добросовестности» (п. 3 и п. 4 ст. 1 ГК) в виде, соответственно, легальной обязанности и универсального стандарта правопритязания. О несостоятельности такого решения свидетельствует и само гражданское законодательство, когда специальным регулированием недобросовестность переводится в область дозволенного, поскольку режим долженствования, в котором принцип добросовестности ныне выражен, тотален и не допускает локальных выпадений.

10. Когда недобросовестность возникает в отношении незнания о правовом дефекте действия, к оценке поведения лица, притязающего на свое незнание, на признаки недобросовестности – т. е. на наличие намерений, состоящих в непримиримом противоречии с таким притязанием, – применимы два стандарта тестирования. В соответствии со стандартом долженствования («не знал, но должен был знать») ожидаются такие действия по обнаружению истины, которые не выходят за границы обычной заботливости; данные границы либо обозначены в нормах позитивного права и обычаев, либо прочерчиваются судом. Этот стандарт применяется тогда, когда имеет место такое несоответствие совершаемого действия предъявляемым требованиям, которое по умолчанию не выходит за область действительной или предполагаемой верификации другой стороны правоотношения, а потому пребывает и

вне нормы должного контроля правопритязателя. Стандарт осуществимости («не знал, но мог знать») подразумевает приложение посильных при данных обстоятельствах усилий (действий и умозаключений) по обнаружению истины. Этот стандарт подлежит применению тогда, когда верификация нарушения не может быть отнесена к области должной осмотрительности другой стороны.

11. Задача преодоления верификационных сложностей порождает парадигму модельного (нормативного) регулирования, в которой права и обязанности сторон возникают посредством вменения их предустановленных значений – юридических фактов, служащих основаниями прав. Вменение в обмен на верификацию – цена, которую позитивное законодательство принимает на себя. Диалектика вмененного и подлинного интересов в этой системе обуславливает противодействие злоупотреблению правом двумя методами – судебным и нормативным. Первый предполагает деятельность судов на основании общей нормы по воспрепятствованию злоупотреблению: при отрицательном результате проверки достаточности интереса в праве, защита которого испрашивалась, суд должен отказать в защите или признании права. Второй метод заключается в определении в самих нормах права, при наличии свидетельств устойчивого осуществления права субъектами, не обладающими достаточным интересом в праве, пороговых вмененных значений девиаций.

12. Для целей противодействия злоупотреблению правом время принимается как идеальный, ввиду как объективности, так и линейности, аргумент умозрительной функции объективной оценки интереса. Выбирается значение, соответствующее предельной величине падения интереса (вмененный *максимум* снижения). Срок исковой давности – это период, по истечении которого оценка интереса истца в судебной защите в ходе снижения принимает, в точке хронометрического вменения, то значение, что вменяется в этой же точке повышавшейся оценке интереса ответчика в определенности своего положения.

13. Общая норма ГК (ст. 10) о противодействии злоупотреблению правом в судебном порядке имеет три системных порока. Первый из них относится к объему понятия «злоупотребление правом», которое смешивается с категорией недобросовестности. Второй заключается в запрете «заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав» в условиях, когда законодатель (также, впрочем, ошибочно), придал режим легальной обязанности добросовестному осуществлению гражданских прав в п. 3 ст. 1. Третий же порок – предоставление автономного режима «действиям в обход закона с противоправной целью». Явления, на описание которых претендует теория обхода закона, подпадают под объем понятия «злоупотребление правом» без необходимости выделения какого-либо автономного режима *либо же* представляют собой правомерные действия. Чаще всего они являются притворными сделками.

14. Судебный метод противодействия злоупотреблению подразумевает использование двух стандартов тестирования (п. 3). Абсолютный стандарт, по общему правилу, применяется при осуществлении прав в абсолютных правоотношениях или при проверке правоосуществления в отношении неопределенного круга третьих лиц. Относительный стандарт применяется в относительных правоотношениях, в частности, во всех случаях защиты субъективных прав. Переходить к тестированию правоосуществления на признаки злоупотребления суд может лишь тогда, когда будет преодолена презумпция соответствия подлинного интереса условной величине вмененного интереса.

Литература

Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве. В кн.: Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х т. Т. 2. М., 2002.

Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1972.

Емельянов В. И. Разумность, добросовестность и незлоупотребление гражданскими правами. М., 2002.

Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М., 2007.

Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. В кн.: Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М., 2004.

Коновалов А. В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике / Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2016. - № 4. - С. 4-14.

Курбатов А. Я. Принцип недопустимости злоупотребления правом: к старым проблемам добавились новые / Закон. - 2013. - № 9. - С. 36-43.

Нам К. В. Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). Современный этап. Внутренняя систематика / Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2018. - № 7. - С. 83-14.

Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / Вестник Гражданского права. Петроград, 1916. № 6. С. 56-90. № 7. С. 85-106. № 8. С. 87-108.

Пашин В. М. Институт злоупотребления субъективными правами de lege ferenda / Актуальные проблемы гражданского права. Сборник статей / Под ред. О. Ю. Шилохвоста. Вып. 7. М., 2003. С. 28-62.

Покровский И. А. Проблема прочности права. Вопрос о субъективном гражданском праве и о злоупотреблении правом / Основные проблемы гражданского права. М., 1998, С. 106-119.

Радченко С. Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. М., 2010.

Сазанова И. В. Злоупотребление субъективным гражданским правом. Южно-Сахалинск, 2009.

Скловский К. И. Применение права и принцип добросовестности / Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2018. - № 2. - С. 94-118.

References

Agarkov, M. M. (2002). The Problem of Abuse of Right in Soviet Civil Law. In M. M. Agarkov, Selected Works on Civil Law. In 2 vols. Vol. 2. Moscow (in Russian).
Gribanov, V. P. (1972). The Limits of the Exercise and Protection of Civil Rights. Moscow (in Russian).
Emelyanov, V. I. (2002). Reasonableness, Good Faith and Non-abuse of Civil Rights. Moscow (in Russian).
Malinovsky, A. A. (2007). Abuse of Subjective Right (A Theoretical-Legal Study). Moscow (in Russian).
Muromtsev, S. A. (2004). Definition and Principal Division of Law. In Selected Works on Roman and Civil Law. Moscow (in Russian).
Konovalov, A. V. (2016). The Principle of Good Faith in the New Version of the Civil Code of the Russian Federation and in Judicial Practice. Law. Journal of the Higher School of Economics, 4, 4–14 (in Russian).
Kurbatov, A. Ya. (2013). The Principle of Inadmissibility of Abuse of Right: New Problems Added to the Old Ones. Zakon [Law], 9, 36–43 (in Russian).
Nam, K. V. (2018). The Development of the Principle of Good Faith (Treu und Glauben). Modern Stage. Internal Systematics. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation, 7, 83–114 (in Russian).
Novitsky, I. B. (1916). The Principle of Good Conscience in the Draft Law of Ob-ligations. Bulletin of Civil Law, 6, 56–90; 7, 85–106; 8, 87–108 (in Russian).
Pashin, V. M. (2003). The Institution of Abuse of Subjective Rights de lege ferenda. In O. Yu. Shilokhvost (Ed.), Current Problems of Civil Law. Collected Articles, 7, 28–62. Moscow (in Russian).
Pokrovsky, I. A. (1998). The Problem of the Certainty of Law. The Question of Subjective Civil Right and Abuse of Right. In Fundamental Problems of Civil Law, 106–119. Moscow (in Russian).
Radchenko, S. D. (2010). Abuse of Law in Russian Civil Law. Moscow (in Rus-sian).
Sazanova, I. V. (2009). Abuse of Subjective Civil Right. Yuzhno-Sakhalinsk (in Russian).
Sklovsky, K. I. (2018). Application of Law and Principle of Good Faith. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation, 2, 94–118 (in Russian).

Citation:
Вольфсон В. Л. Основные положения теории злоупотребления правом // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 12-17.
Volfson V. L. (2026) Fundamental Principles of the Theory of Abuse of Rights. Legal Linguistics, 40, 12-17.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 40, 18-26, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4003

ЯЗЫК ПРАВА *УДК 343.1 ББК 67.411 ГРНТИ 10.79 КОД ВАК 5.1.4*

Прения сторон в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей: уголовно-процессуальные, криминалистические, психологические, логические и лингвистические аспекты[1]

Н. А. Дудко[1], А. В. Кулаевский[2]

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: [1]dudkona@yandex.ru, [2]andrei8888.98@mail.ru

Статья посвящена институту суда с участием присяжных заседателей в Российской Федерации, который за два столетия занял особое место в уголовном судопроизводстве. Автор обращается к историческому наследию – трудам П. Сергеича (П. С. Пороховщикова) «Уголовная защита» и «Искусство речи на суде», классическим судебным речам А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако, В. Д. Спасовича и других выдающихся юристов Российской империи. Показано, что их рекомендации (хронологическая последовательность, доступность, образность, эмоциональная умеренность) не утратили актуальности и сегодня. В советский период аналогичные вопросы разрабатывали Е. А. Матвиенко, И. И. Мельников, однако они не учитывали специфику суда присяжных. Представлен анализ современных работ, посвященных исследованию суда присяжных. Авторы отмечают междисциплинарный характер научных исследований данной темы. Особенное внимание уделено прениям сторон как части судебного разбирательства с участием присяжных заседателей. Раскрываются исторические традиции судебного красноречия, а также современные процессуальные особенности, установленные ст. 292, 336 УПК РФ и разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ. Особое внимание уделяется комплексному характеру прений, объединяющему уголовно-процессуальные, криминалистические, психологические, логические и лингвистические аспекты. Исследуются тактические приемы, используемые обвинителем и защитником. В статье отмечаются психологические аспекты влияния на присяжных, логическая структура речи и лингвистические рекомендации по ее доступности и выразительности. В качестве примера приводятся работы по психолингвистическому анализу речей в суде присяжных. В завершении авторы отмечают, что эффективная подготовка к прениям требует интеграции междисциплинарных знаний, а именно процессуальной грамотности, владения тактико-криминалистическими приемами (реконструкция события преступления), психологическими техниками (учет стереотипов обыденного сознания), логическими правилами построения речи и лингвистическими инструментами (ясность, образность, хронологическая последовательность).

Ключевые слова: суд присяжных, судебные прения, обвинительная речь, защитительная речь.

Pleadings of the Parties in a Jury Trial: Criminal Procedure, Forensic, Psychological, Logical and Linguistic Aspects

N. A. Dudko[1], A. V. Kulaevsky[2]

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: [1]dudkona@yandex.ru, [2]andrei8888.98@mail.ru

The article considers the institution of jury trial in the Russian Federation, which has had a special place in criminal proceedings for two centuries. The authors refer to the historical heritage — the works of P. Sergeich (P. S. Porokhovshchikov) «Criminal defense» and "The Art of speaking in court", classic court speeches by A. F. Koni, F. N. Plevako, V. D. Spasovich and other prominent lawyers of the Russian Empire. It is shown that their advice (chronological sequence, accessibility, imagery,

[1] Исследование выполнено в рамках реализации Программы развития университета на 2021– 2030 гг. в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030», проект «Разработка тренажёра виртуальной реальности судебного разбирательства с участием присяжных заседателей».

emotional moderation) have not lost their relevance today. In the Soviet period, similar issues were developed by E. A. Matvienko and I. I. Melnikov, but they did not take into account the specifics of the jury trial. The analysis of modern works on the jury trial is presented. The authors note the interdisciplinary nature of academic research on this topic. Special attention is paid to the pleadings of the parties as part of the jury trial. The historical traditions of judicial eloquence are revealed, as well as modern procedural features established by Articles 292, 336 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Special attention is given to the complex nature of pleadings, combining criminal procedure, forensic, psychological, logical and linguistic aspects. The article investigates the techniques used by the prosecutor and the defender. The article highlights the psychological aspects of jury influencing, the logical structure of speech, and linguistic recommendations for its intelligibility and expressiveness. Works on the psycholinguistic analysis of speeches in a jury trial are given as an example. In conclusion, the authors note that effective preparation for pleadings requires employment of interdisciplinary knowledge, namely procedural literacy, mastery of tactical and forensic methods (reconstruction of the crime), psychological techniques (taking into account stereotypes of everyday consciousness), logical rules of speech construction and linguistic tools (clarity, imagery, chronological sequence).

Key words: jury trial, pleadings, prosecution speech, defense speech.

Институт рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей, как результат судебной реформы 1864 года в Российской империи и судебной реформы 1993 года в Российской Федерации, на протяжении двух столетий занимает особое место в системе российского уголовного судопроизводства. В Российской Федерации суд присяжных успешно действует с 1 ноября 1993 г. (Закон Российской Федерации от 16 июля 1993 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», УПК РСФСР, УК РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»), в судах субъектов федерации и его применение расширилось через введение с 1 июня 2018 г. в районных судах (Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей»). В результате суды РФ рассмотрели по существу с участием присяжных заседателей: в 2018 г. 280 дел, в 2019 г. 717 дел, в 2020 г. 675 дел, в 2021 г. 810 дел, в 2022 г. 987 дел, в 2023 г. 960 дел, в 2024 г. 832 дела (Данные судебной статистики за 2018-2024 гг.). Тема суда присяжных стала предметом диссертационных исследований по различным научным специальностям: уголовный процесс [Владыкина 2015; Насонов 2022], криминалистика [Хорошева 2011], уголовное право [Тащилин 2003], конституционное право [Мельник 2001], история [Демичев 2003], философия [Порутенко 2009], социология [Янова 1999], психология [Верстова 2005].

Научные исследования посвящены различным вопросам организации и функционирования современного суда присяжных в Российской Федерации. К примеру, широко цитируется монография А. А. Ильюхова об обоснованности института, отборе присяжных, особенностях разбирательства в контексте «новой» модели [Ильюхов 2009]; монография Н. А. Дудко, посвященная теоретическим и законодательным предпосылкам возрождения и этапам развития суда с участием присяжных заседателей [Дудко 2013].

Анализ научных работ подтверждает, что суд присяжных имеет научное и практическое значение в контексте уголовно-процессуальных особенностей рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей. Особый интерес как со стороны теоретиков, так и со стороны практиков вызывает судебное разбирательство при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей, в том числе прения сторон как часть судебного разбирательства. Именно судебная речь в форме прений сторон в суде присяжных приобретает особую «информационно-психологическую» значимость. Часто устная аргументация способна оказывать существенное влияние на аудиторию присяжных заседателей.

Изучением судебной речи занимались видные ученые-юристы Российской империи. Так, П. Н. Обнинский исследовал значение судебной речи, ее подготовку, определял требования к форме ее изложения, акцентируя внимание на основных доводах [Обнинский 1891:137]. Известны в качестве классического руководства по судебному красноречию работы П. Сергеича (П. С. Пороховщикова) «Уголовная защита» [Сергеич 2008] и «Искусство речи на суде» [Сергеич 2026]. Изданные в 1908 г. и 1910 г., они не теряют своей актуальности. П. Сергеич как «опытный судебный деятель… вложил в свой труд не только обширное знакомство с образцами ораторского искусства, но и богатый результат своих наблюдений из области живого слова в русском суде… назидание о том, как *надо и* – еще чаще - как *не надо* говорить на суде…» [Кони: 84-98].

В советский период была опубликована работа Е. А. Матвиенко, в которой обосновано значение судебных прений для советского уголовного процесса и судебного разбирательства, исследована обвинительная и защитительная речь, а также техника такой речи [Матвиенко 1972]. И. И. Мельников и И. И. Мельников также подробно рассмотрели комплекс вопросов, связанных с деятельностью участников судебных прений по уголовным делам [Мельников; Мельников 2003].

Следует отметить, что в научной литературе уделяется внимание лучшим образцам судебного красноречия – судебным речам видных русских юристов [Выдря 1958; Захаров 1985; Кони 2011]. Умение говорить публично, владение языком издавна считается необходимым профессиональным качеством юриста. А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако, В. И. Жуковский, Н. И. Холев, П. А. Александров, К. Ф. Хартулари, К. К. Арсеньев, Н. П. Карабчевский, В. Д. Спасович, С. А. Андреевский, А. И. Урусов, М. Г. Казаринов, А. В. Лохвицкий, С. А. Андреевский оставили нам прекрасные образцы ораторского мастерства, в том числе по делам, рассмотренным с участием присяжных заседателей.

Мастерство юриста проявляется прежде всего в его ораторском искусстве, умении преподнести присяжным заседателям убедительную информацию, изобличающую или оправдывающую подсудимого.

Цель защитника в прениях – показать, что обвинение не доказало вину сверх разумного сомнения, либо что версия защиты согласуется с доказательствами лучше, чем версия обвинения. Речь защитника может основываться на отсутствии состава преступления, на противоречиях между показаниями участников уголовного судопроизводства, протоколами следственных действий. Нередко защитник может воспользоваться описанием альтернативной картины событий, произошедших с подсудимым и исключающих его вину. «Защитительная позиция – это система убеждений адвоката-защитника по вопросам, подлежащим разрешению в связи с производством по уголовному делу, являющаяся одним из условий защиты интересов доверителя» [Колобашкина 2009].

Противоположной выглядит задача обвинителя. Основная его задача – «доказать и убедить присяжных заседателей, что вменяемое подсудимому деяние имело место, что это деяние совершено подсудимым и что подсудимый виновен в его совершении» [Алексова: 9-12]. Важная составляющая обвинения заключается в доказывании связи между преступлением и конкретным лицом. Государственному обвинителю нужно продемонстрировать суду связь доказательств с действиями подсудимого, чтобы исключить сомнения относительно исполнителя преступления. Обвинение должно выглядеть объективным, компетентным и профессиональным, вызывая доверие присяжных заседателей.

Прения сторон в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей не были самостоятельным предметом диссертационных исследований. Вместе с тем прения сторон анализировались в докторских диссертациях, посвященных моделям и концептуальным основам производства в суде с участием присяжных заседателей [Владыкина 2019; Насонов 2022], а также диссертациях, посвященных участию в суде присяжных государственного обвинителя [Погодин 2001; Агабаева 2015; Маткова 2024; Каплунов 2025] и защитника [Тащилина 2001; Ярцева 2005; Каракозов 2009].

По мнению Т. А. Владыкиной, «судебные прения представляют собой завершающую стадию позиционного конфликта сторон, состоящую в донесении до председательствующего и коллегии заседателей окончательно сформированных правовых позиций обвинения и защиты» [Владыкина 2019: 285]. С. А. Насонов проанализировал проблемы регулирования прений сторон в современной российской легислативной модели производства в суде присяжных и судебной практики [Насонов 2022: 270-335].

С. А. Каракозов сделал вывод, что «судебные прения можно назвать «обоюдным рефреймингом» стороны обвинения и стороны защиты, когда каждая из сторон в силу своих процессуальных задач применяет иную рамку в отношении конкретного события, подлежащего доказыванию» [Каракозов 2009: 12].

А. В. Хомякова считает, что «наибольшую специфику для государственного обвинителя приобретает прогностическая функция, что связано с необходимостью обоснованного предвидения прокурором оценки доказательств непрофессиональными судьями». Для защитника обязательной является совместная с подзащитным подготовка к суду присяжных, что заключается в проведении психологической подготовки подзащитного к суду присяжных и согласования позиций [Хомяков 2002: 9].

Прения сторон при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей представляют собой комплексный институт, включающий не только уголовно-процессуальные, но и криминалистические, психологические, логические и лингвистические аспекты.

Уголовно-процессуальная аспект судебных прений регламентируется УПК РФ[1]. Криминалистический аспект связан с выбором тактики поддержания государственного обвинения либо осуществления защиты. Психологический аспект проявляется в использовании приемов, повышающих внимание присяжных заседателей и убедительность судебной речи государственного обвинителя и защитника. Логический аспект определяет структурную целостность и аргументированность речи. Лингвистический аспект обеспечивает понятность лексики и уместное применение вербальных и невербальных средств.

Уголовно-процессуальный порядок прений сторон в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей установлен ст. 292, 336 УПК РФ. Первым выступает обвинитель, остальные участники прений выступают в последовательности, которую определяет суд. В прениях могут участвовать потерпевший и его представитель. Последними в прениях выступают подсудимый и защитник, участие которого обязательно в суде присяжных (п. 6 ч. 1 ст. 51 УПК РФ). По мнению С. А. Пашина, предоставление подсудимому и защитнику права замыкать речи и реплики является проявлением принципа «благоприятствования защите», так как предполагается, что последнее по времени сообщение оказывает на суд наибольшее воздействие [Пашин 2008].

УПК РФ регламентирует особенности прений сторон в суде присяжных. Эти особенности обусловлены спецификой производства в суде присяжных как дифференцированной формы уголовного судопроизводства. «Прения в суде присяжных содержат большое количество ограничений для речей государственного обвинителя, защитника, обусловленных полномочиями председательствующего и коллегии присяжных, спецификой проведения судебного следствия, другими факторами» [Каплунов 2025: 29].

Прения проводятся только в пределах вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями (ч. 2 ст. 336, ч. 1 ст. 339 УПК РФ). Как судьи факта присяжные заседатели отвечают на вопросы о доказанности деяния, о доказанности совершения деяния подсудимым и о виновности подсудимого в совершении деяния. Соответственно

[1] Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) / Собрание законодательства РФ. – 2001. – N 52. – Ч.1. – Ст. 4921.

стороны в прениях не вправе затрагивать обстоятельства, которые не относятся к фактическим вопросам, например: данные о личности подсудимого и потерпевшего. Если участники прений все же упоминают о таких обстоятельствах, то председательствующий останавливает выступление участника и разъясняет присяжным, что эти обстоятельства не должны приниматься ими при вынесении вердикта (ч. 2 ст. 336 УПК РФ). Кроме того, стороны в прениях не могут ссылаться на признанные недопустимыми доказательства и на те, которые не исследовались в судебном заседании. При нарушении этого требования суд также прерывает выступление стороны и дает разъяснения присяжным (ч. 3 ст. 336 УПК РФ).

Вместе с тем, стороны могут анализировать в прениях достоверность и достаточность доказательств. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил судам, что оценка доказательств на предмет их достоверности и достаточности относится к компетенции присяжных заседателей, в связи с чем любая из сторон, участвующих в прениях, не может быть ограничена в возможности изложить коллегии присяжных заседателей соответствующие доводы, не затрагивая вопросы допустимости доказательств (п. 25) [1].

Таким образом, « …с уголовно-процессуальных позиций прения сторон в суде присяжных – деятельность сторон обвинения и защиты, состоящая в доведении до суда окончательной правовой позиции по уголовному делу, объем оглашения которой зависит от характера вопросов и участия в их разрешении присяжных заседателей» [Владыкина 2015].

Для успешного проведения прений сторонам необходимо использовать положения и рекомендации криминалистики. Криминалистическая тактика как раздел криминалистики представляет широкий арсенал криминалистических приемов, способных существенно усовершенствовать эффективность выступления каждой из сторон в ходе судебных прений. Тактические приемы являются оптимальными способами установления коммуникации между оратором и присяжными заседателями на этапе судебных прений. Взаимосвязь криминалистической тактики и процессуальных особенностей судебного разбирательства с участием присяжных заседателей была предметом ряда диссертационных исследований. В их числе диссертационные исследования А. Е. Хорошевой «Проблемы теории и практики криминалистической методики судебного разбирательства с участием присяжных заседателей по уголовным делам об убийствах» [Хорошева 2011] и Н. В. Матковой «Криминалистическая стратегия и тактика поддержания государственного обвинения в суде присяжных: ситуационная обусловленность» [Маткова 2024]. А. Е. Хорошева разработала оптимальную криминалистическую методику судебного разбирательства с участием присяжных заседателей и сделала «вывод о возможности использования государственным обвинителем в суде присяжных тактико-криминалистических приемов, основанных на технике речевого воздействия» [Хорошева 2011: 9]. Пример применения криминалистической тактики: «Сторона обвинения использовала пояснения эксперта и в соответствии с этим выстроила свое выступление в судебных прениях» [Хорошева 2018]. Н. В. Маткова рассмотрела тактические особенности участия государственного обвинителя в судебных прениях и выделила «характеристики убедительного выступления гособвинителя в прениях <…>: аргументированность, логичность, искренность, доступность, точность, выразительность и образность» [Маткова 2024: 38]. В качестве тактических приемов следует рассматривать и некоторые коммуникативные приемы. Такие приемы могут быть применены при выдвижении контраргументов на доводы, выдвинутые каждой стороной в ходе судебных прений. На наш взгляд, на этом этапе актуальным может быть такой тактический прием, как реконструкция событий, произошедших с подсудимым до совершения преступления, а также в момент совершения преступления. Обвинитель или защитник может продемонстрировать последовательную картину преступления. Это поможет присяжным визуализировать событие преступления.

Психологические коммуникативные приемы, традиционно использующиеся в межличностном взаимодействии, имеют большое значение в успешном проведении прений сторон. Умение использовать такие приемы в судебных прениях способно оказывать существенное воздействие на формирование позиции каждого присяжного заседателя. В данном случае речь становится инструментом влияния, направленным на формирование убеждения у присяжных посредством внушения определенной позиции. Важно учитывать, что «присяжные не мыслят статьями из уголовного или уголовно-процессуального кодексов, а категориями сюжета, мотивации и справедливости. В связи с этим успешность прокурора или защитника зависит от того, насколько убедительно будет построена речь» [Иванов 2025]. В этой связи позиция присяжных основывается не на положениях законодательства, а на понимании обстоятельств произошедшего, мотивах подсудимого и собственном чувстве справедливости. Следовательно, успех обвинителя или защитника как оратора зависит от того, насколько его выступление сможет убедить присяжных заседателей.

Изучению психологического влияния на присяжных посвящен ряд диссертационных психологических и юридических исследований. Например, З. И. Брижак в работе «Личностные детерминанты формирования внутреннего убеждения присяжных заседателей» исследовала психологические основания принятия решений присяжными: ценностные установки, правосознание, индивидуальные особенности и их влияние на вердикт [Брижак 2005]. Т. Ю. Маркова изучила влияние сформированных вопросов в вопросном листе на когнитивные процессы присяжных, в том числе и в момент принятия итогового решения [Маркова 2007].

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 23 от 22 ноября 2005 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» (с изменением, внесенным постановлением Пленума от 22 декабря 2015 № 59, от 15 мая 2018 № 11, от 28 июня 2022 г. № 22) / Сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL:https://vsrf.ru/documents/own/8027/

Н. Г. Янова на основе психологического и социологического анализа особенностей стереотипов обыденного сознания (языковых, территориальных, этнических, профессиональных) сделала вывод о влиянии стереотипов обыденного сознания присяжных заседателей на восприятие ими государственного обвинителя, критериями которого являются такие факторы, как профессионализм, поведение и внешние признаки, осмотрительность в поведении, волевой характер и прямота в общении, восприятие убежденности прокурора в правоте, активность позиции, умение быть интересным [Янова 2007: 3, 15]. Все эти характеристики государственного обвинителя концентрированно проявляются при его выступлении в прениях при рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей.

Психологические аспекты работы с присяжными заседателями широко представлены в зарубежной юридической литературе. К примеру, профессор Корнельской школы права Валери П. Ханс представила исследование психологии присяжных, отвечая на вопросы о понимании доказательств и аргументов сторон. Это помогает объяснить, какие речевые стратегии работают в прениях [Hans; Vidmar 1986]. Nancy S. Marder, профессор права, директор Центра присяжных имени юстиции Джона Пола Стивенса и содиректор Института права и гуманитарных наук в Чикаго-Кентском колледже права, автор цикла работ о поведении присяжных заседателей, считает, что интересным является сравнение «логической» и «эмоциональной» моделей судебной речи [Marder 2005].

Логика как наука о законах и правилах правильного суждения способна оказывать существенную помощь при построении системы умозаключений, с помощью которой присяжные должны прийти к выводу о доказанности либо недоказанности вины. В качестве приемов, используемых в прениях, следует выделить следующие рекомендации. Важно придерживаться простой структуры выступления, не использовать большое количество канцеляризмов, терминов УПК и оценочных категорий права, так как присяжные – не профессиональные юристы. Речь должна быть выстроена хронологически. Об этом говорил А. Ф. Кони: «Если мысль скачет с предмета на предмет, перебрасывается, если главное постоянно прерывается, то такую речь почти невозможно слушать» [Кони 1967: 5-32]. Действительно, логически связанная речь помогает присяжным заседателям тщательно вникнуть в сказанное государственным обвинителем или защитником и сформировать объективные выводы.

Значительную помощь при подготовке судебной речи может оказать лингвистика. Следует отметить, что юристами написан ряд работ о языке закона [Александров 2004]. Однако такие работы исследуют юридическую составляющую текста или речи. Такие работы не имеют лингвистической основы и сводятся, по существу, к общим рассуждениям о точности, доходчивости, выразительности текста или речи. Ученые-лингвисты неоднократно уделяли внимание исследованию речи участников судопроизводства. В этом научном направлении проведен ряд исследований. Л. В. Роман в своем диссертационном исследовании выявила лингвистические особенности формы и содержания судебной речи, представила анализ функционально-стилевых особенностей языка судопроизводства [Роман 2004]. Интерес вызывает работа М. П. Воробьевой, в которой проанализированы специфические черты языка судебной коммуникации, изучены его лингвистические и экстралингвистические характеристики. Материалом исследования стали 16 текстов судебных прений в Верховном суде США в качестве суда высшей апелляционной инстанции [Воробьева 2017].

В Алтайском государственном университета В. А. Пищальникова впервые провела с позиций психолингвистики исследование способов языкового (вербального) представления системы логической структуры и аргументации на материалах судебных речей в суде присяжных и их влияния на психоэмоциональное состояние присяжных заседателей. Материалами исследования послужили протоколы судебных заседаний по уголовным делам, рассмотренным Алтайским краевым судом с участием присяжных заседателей с 1995 по 1998 гг. [Пищальникова 1998: 42]. В отношении формально-содержательных параметров речей в судебных прениях В. А. Пищальникова сформулировала рекомендации: «наибольший эффект речь производит в случае наличия в ней следующих компонентов: 1) анализ вопросов, на которые в судебном заседании было обращено внимание. При этом надо объяснить присяжным предпочтительность своей версии дела по сравнению с версией противоположной стороны; 2) соотнесение доказательств, с которыми ознакомились присяжные заседатели, с правовыми принципами, применимыми в соответствии с напутственным словом судьи». Кроме того рекомендовано обращать внимание на эмоции как структурнообразующий смысловой компонент речи. «Психолингвистикой установлено, что любой акт речи структурно организуется вследствие реализации мотивационного комплекса, который обязательно фиксируется в эмоциональных параметрах речи» [Пищальникова 1998: 45]. На основе проведенного исследования В. А. Пищальникова сделала вывод: «*присяжные, стоящие перед двумя альтернативными решениями, равно убедительными по своей интеллектуальной силе, примут сторону того решения, которое вызывает в нем чувство справедливости и нравственности*» [Пищальникова 1998: 48].

В связи с вышеизложенным, отметим, что эффективная подготовка и результативное участие сторон в судебных прениях во многом зависят от комплекса теоретических и практических знаний взаимосвязанных научных направлений: уголовный процесс, криминалистика, психология, логика, лингвистика. Научные результаты, являясь достижением каждого из представленных направлений, способны создать арсенал тактических приемов и методологических инструментов для выступления сторон в судебных прениях при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

Список источников

Данные судебной статистики за 2018-2024 гг. Форма № 1 / Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL :http://www.cdep.ru

Закон Российской Федерации от 16 июля 1993 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», УПК РСФСР, УК РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1313.
Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» /Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26 (Часть I). – Ст. 3859.

Литература

Агабаева А. В. Процессуально-правовой статус прокурора в суде с участием присяжных заседателей: автореф. … канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2015.
Александров А. С. Язык уголовного судопроизводства. Нижний Новгород, 2003.
Алексова А. В. Особенности речи государственного обвинителя в прениях сторон при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей / Законность. – 2014. – № 7 (957). – С. 9–12.
Брижак З. И. Личностные детерминанты формирования внутреннего убеждения присяжных заседателей: дис. … канд. психол. наук: 19.00.06. Ростов-на-Дону,2005.
Верстова М. В. Правовые представления личности с различной установкой к участию в суде присяжных: автореф. … канд. психол. наук: 19.00.01. Краснодар, 2007.
Владыкина Т. А. Теоретическая модель производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей: дисс. … д-ра юрид. наук: 12.00.09. Екатеринбург, 2019.
Владыкина Т. А. Прения сторон в суде присяжных / Российский судья. – 2015. – N 11. – СПС КонсультантПлюс
Воробьева М. П. Языковые, концептуальные и функциональные характеристики судебных прений Верховного суда США как типа судебного дискурса : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04. М., 2017.
Громикова О. Г. Суд присяжных в России во 2-ой половине XIX в. – начале XX века (на примере Пензенской губернии): дисс. … канд. истор. наук: 07.00.02. Пенза, 2012.
Григоренко О. Н. Суд присяжных в культурной традиции России: дис. … канд. социол. наук: 22.00.06. Ростов-на-Дону, 2003.
Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в юридической практике. М., 2003.
Демичев А. А. Сравнительно-правовое исследование суда присяжных в России (история и современность): дисс. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2003.
Дорогин Р. В. Суд присяжных в механизме реализации прав и обязанностей человека и гражданина в Российской Федерации: дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.02. Саратов, 2006.
Дудко Н. А. Поэтапное введение суда присяжных в России : монография. Барнаул, 2013.
Жидких А. И. Механизм функционирования суда присяжных как социального института (по материалам социологических исследований суда присяжных Алтайского края в 2000-2001г.г.): дисс. … канд. социол. наук: 22.00.04. Барнаул, 2001.
Иванов В. В., Кузовенкова Ю. А. Формы судебной коммуникации, влияющие на принятие решения присяжными заседателями / Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4 (82). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formy-sudebnoy-kommunikatsii-vliyayuschie-na-prinyatie-resheniya-prisyazhnymi-zasedatelyami
Ильюхов А. А. Суд присяжных в России: исторические, уголовно-процессуальные и уголовно-правовые аспекты. М., 2009.
Каплунов А. С. Проблемы формирования государственного обвинения и его поддержания в суде с участием присяжных заседаний: автореф. … канд. юрид. наук: 5.1.4. Саратов, 2025.
Каракозов С. А. Участие адвоката-защитника в состязательном процессе (на примере суда присяжных): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Москва, 2009.
Колобашкина С. С. Особенности реализации защитительной позиции адвокатом в суде присяжных / Адвокатская практика. – 2009.- № 4. – СПС КонсультантПлюс.
Кони А. Ф. Избранные труды и речи. М., 2011.
Кони А. Ф. Искусство речи на суде / Уголовный процесс: нравственные начала. М., 2000.
Кони А. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 4 / Сост. и авт. коммент. М. М. Выдря ; Вступ. статья И. Д. Перлова. Москва,1966-1969, 1967.
Маркова Т. Ю. Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Москва, 2007.
Marder N. S. The Jury Process. New York, 2005.
Матвиенко Е. А. Судебная речь : учеб. пособие для юрид. ин-тов и фак. – 2-е изд., доп. Минск, 1972.
Маткова Н. В. Криминалистическая стратегия и тактика поддержания государственного обвинения в суде присяжных: ситуационная обусловленность : автореф. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Калининград, 2024.
Мельник В. В. Проблемы судопроизводства с участием присяжных заседателей в современном российском уголовном процессе (концептуальные положения): дисс. … д-ра юрид. наук в виде научного доклада: 12.00.09,12.00.11. Москва, 2001.

Мельников И. И., Мельников И. И. Судебная речь: Для участников судебных прений по уголовным делам. М., 2003.
Насонов С. А. Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей: дисс. … д-ра юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2022.
Обнинский П. Н. Закон и быт : Очерки и исслед. в обл. нашего реформируемого права. Вып. 1: Предварительное следствие; Судебные прения; Адвокатура; Юридические вопросы. М., 1891.
Пашин С. А. Психология судебных прений / Юридическая психология. – 2008. – № 1. СПС КонсультантПлюс
Пищальникова В. А. Психолого-юридическое содержание судебного процесса и судебных речей в суде присяжных заседателей: учебное пособие / Под ред. В. К. Гавло. – Барнаул, 1998.
Погодин С. Б. Обвинение в суде присяжных в российском уголовном процессе: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2001.
Порутенко Ю. В. Нравственные аспекты деятельности присяжных заседателей: дисс. … канд. филос. наук: 09.00.05. Москва, 2009.
Речи известных русских юристов: Сборник. М.,1985.
Роман Л. В. Метаязыковая субстанциональность языка судопроизводства и речевые аспекты его реализации : автореф. … канд. филол. наук : 10.02.01. М., 1998.
Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века. Тула, 1997.
Савенков Д. А. Конституционно-правовые основы суда с участием присяжных заседателей: дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.02. Москва, 2009.
Сергеич П. Уголовная защита. Москва,2008.
Сергеич П. Искусство речи на суде. Москва,2026.
Судебные речи известных русских юристов: сборник / сост. Е. М. Ворожейкин ; отв. ред. М. М. Выдря. – 3-е изд., испр. М., 1958.
Тащилин М. Т. Назначение наказания судом с участием присяжных заседателей по уголовному праву Российской Федерации: дисс. … д-ра юрид.наук: 12.00.08. Пятигорск, 2003.
Тащилина С. М. Участие адвоката-защитника в уголовно-процессуальном доказывании по делам подсудным суду присяжных: автореф. … канд.юрид.наук. Саратов, 2001.
Hans V. P., Vidmar N. Judging the Jury. New York, 1986.
Хорошева А. Е. Проблемы теории и практики криминалистической методики судебного разбирательства с участием присяжных заседателей по уголовным делам об убийствах : автореф. … канд. юрид. наук: 12.00.09. Барнаул, 2011.
Хорошева А. Е. Тактико-криминалистическое обеспечение исследования в суде с участием присяжных заседателей вещественных доказательств со следами крови / Известия АлтГУ. – 2018. – № 3 (101). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/taktiko-kriminalisticheskoe-obespechenie-issledovaniya-v-sude-s-uchastiem-prisyazhnyh-zasedateley-veschestvennyh-dokazatelstv-so
Хомякова А. В. Особенности деятельности государственного обвинителя и защитника на судебном следствии в суде с участием присяжных заседателей: автореф. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2002.
Янова Н. Г. Социальный имидж прокурора в стереотипах обыденного сознания коллегии присяжных заседателей: автореф. … канд. социол. наук: 22.00.06. Барнаул, 1999.
Ярцева Л. С. Деятельность адвоката-защитника по делам, рассматриваемым в суде с участием присяжных заседателей: автореф. … канд. юрид. наук. Томск, 2005.

References

Agabaeva, A. V. (2015). Procedural and legal status of the prosecutor in a jury trial. Abstract of candidate of legal sciences dissertation: 12.00.09. Moscow (in Russian).
Aleksandrov, A. S. (2003). The language of criminal justice. Nizhny Novgorod (in Russian).
Aleksova, A. V. (2014). Features of the state prosecutor's speech in closing arguments in a jury trial. Legality, 7 (957), 9-12 (in Russian).
Brizhak, Z. I. (2005). Personal determinants of the formation of jurors' inner conviction. Candidate of psychological sciences dissertation: 19.00.06. Rostov-on-Don (in Russian).
Verstova, M. V. (2007). Legal conceptions of individuals with different attitudes toward participation in a jury trial. Abstract of candidate of psychological sciences dissertation: 19.00.01. Krasnodar (in Russian).
Vladykina, T. A. (2019). Theoretical model of criminal proceedings in a jury trial. Doctor of legal sciences dissertation: 12.00.09. Yekaterinburg (in Russian).
Vladykina, T. A. (2015). Closing arguments in a jury trial. Russian Judge, 11. ConsultantPlus legal database (in Russian).
Vorobyeva, M. P. (2017). Linguistic, conceptual and functional characteristics of U.S. Supreme Court oral arguments as a type of judicial discourse. Abstract of candidate of philological sciences dissertation: 10.02.04. Moscow (in Russian).
Gromikova, O. G. (2012). Jury trial in Russia in the second half of the 19th – early 20th century (on the example of Penza province). Candidate of historical sciences dissertation: 07.00.02. Penza (in Russian).
Grigorenko, O. N. (2003). Jury trial in the cultural tradition of Russia. Candidate of sociological sciences dissertation: 22.00.06. Rostov-on-Don (in Russian).
Gubaeva, T. V. (2003). Language and law. The art of eloquence in legal practice. Moscow (in Russian).

Demichev, A. A. (2003). Comparative legal study of the jury trial in Russia (history and modernity). Doctor of legal sciences dissertation: 12.00.01. Nizhny Novgorod (in Russian).
Dorogin, R. V. (2006). Jury trial in the mechanism of realizing human and civil rights and duties in the Russian Federation. Candidate of legal sciences dissertation: 12.00.02. Saratov (in Russian).
Dudko, N. A. (2013). Phased introduction of the jury trial in Russia: monograph. Barnaul (in Russian).
Zhidkikh, A. I. (2001). Mechanism of functioning of the jury trial as a social institution (based on sociological research of the jury trial in Altai Krai in 2000-2001). Candidate of sociological sciences dissertation: 22.00.04. Barnaul (in Russian).
Ivanov, V. V., & Kuzovenkova, Yu. A. (2025). Forms of judicial communication influencing jury decision-making. Rule of Law: Theory and Practice, 4 (82). Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/formy-sudebnoy-kommunikatsii-vliyayuschie-na-prinyatie-resheniya-prisyazhnymi-zasedatelyami (in Russian).
Ilyukhov, A. A. (2009). Jury trial in Russia: historical, criminal procedure and criminal law aspects. Moscow (in Russian).
Kaplunov, A. S. (2025). Problems of formulating and maintaining state prosecution in a jury trial. Abstract of candidate of legal sciences dissertation: 5.1.4. Saratov (in Russian).
Karakozov, S. A. (2009). Participation of defense counsel in adversarial proceedings (on the example of a jury trial). Abstract of candidate of legal sciences dissertation. Moscow (in Russian).
Kolobashkina, S. S. (2009). Features of implementing the defense position by counsel in a jury trial. Advocate Practice, 4. ConsultantPlus legal database (in Russian).
Koni, A. F. (2011). Selected works and speeches. Moscow (in Russian).
Koni, A. F. (2000). The art of speech in court. In Criminal Procedure: Moral Foundations. Moscow (in Russian).
Koni, A. F. (1967). Collected works in 8 vols. Vol. 4. Moscow (in Russian).
Markova, T. Yu. (2007). Formulation of questions to be resolved by jurors. Candidate of legal sciences dissertation: 12.00.09. Moscow (in Russian).
Marder, N. S. (2005). The Jury Process. New York.
Matvienko, E. A. (1972). Judicial speech: textbook for legal institutes and faculties (2nd ed.). Minsk (in Russian).
Matkova, N. V. (2024). Forensic strategy and tactics of maintaining state prosecution in a jury trial: situational conditionality. Abstract of candidate of legal sciences dissertation: 12.00.09. Kaliningrad (in Russian).
Melnik, V. V. (2001). Problems of jury proceedings in modern Russian criminal process (conceptual provisions). Doctor of legal sciences dissertation in the form of a scientific report: 12.00.09, 12.00.11. Moscow (in Russian).
Melnikov, I. I., Melnikov, I. I. (2003). Judicial speech: for participants in closing arguments in criminal cases. Moscow (in Russian).
Nasonov, S. A. (2022). Conceptual foundations of proceedings in a jury trial. Doctor of legal sciences dissertation: 12.00.09. Moscow (in Russian).
Obninsky, P. N. (1891). Law and everyday life: Essays and research in the field of our reformed law. Issue 1: Preliminary investigation; Closing arguments; Bar; Legal issues. Moscow (in Russian).
Pashin, S. A. (2008). Psychology of closing arguments. Legal Psychology, 1. ConsultantPlus legal database (in Russian).
Pishchalnikova, V. A. (1998). Psychological and legal content of trial and judicial speeches in a jury trial: textbook. Barnaul (in Russian).
Pogodin, S. B. (2001). Prosecution in a jury trial in Russian criminal procedure. Abstract of candidate of legal sciences dissertation. Saratov (in Russian).
Porutenko, Yu. V. (2009). Moral aspects of juror activity. Candidate of philosophical sciences dissertation: 09.00.05. Moscow (in Russian).
Speeches of famous Russian jurists: collection. (1985). Moscow (in Russian).
Roman, L. V. (1998). Metalinguistic substantiveness of the language of legal proceedings and speech aspects of its implementation. Abstract of candidate of philological sciences dissertation: 10.02.01. Moscow (in Russian).
Russian judicial orators in famous criminal trials of the 19th century. (1997). Tula (in Russian).
Savenkov, D. A. (2009). Constitutional and legal foundations of the jury trial. Candidate of legal sciences dissertation: 12.00.02. Moscow (in Russian).
Sergeich, P. (2008). Criminal defense. Moscow (in Russian).
Sergeich, P. (2026). The art of speech in court. Moscow (in Russian).
Judicial speeches of famous Russian jurists: collection (3rd ed.). (1958). Moscow (in Russian).
Tashchilin, M. T. (2003). Sentencing by a jury trial under the criminal law of the Russian Federation. Doctor of legal sciences dissertation: 12.00.08. Pyatigorsk (in Russian).
Tashchilina, S. M. (2001). Participation of defense counsel in criminal procedure evidence in cases within jury jurisdiction. Abstract of candidate of legal sciences dissertation. Saratov (in Russian).
Hans, V. P., & Vidmar, N. (1986). Judging the Jury. New York.
Khorosheva, A. E. (2011). Problems of theory and practice of forensic methodology for jury trials in murder cases. Abstract of candidate of legal sciences dissertation: 12.00.09. Barnaul (in Russian).
Khorosheva, A. E. (2018). Tactical and forensic support for the examination of blood-stained physical evidence in a jury trial. Bulletin of Altai State University, 3 (101). Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/taktiko-kriminalisticheskoe-obespechenie-issledovaniya-v-sude-s-uchastiem-prisyazhnyh-zasedateley-veschestvennyh-dokazatelstv-so (in Russian).
Khomyakova, A. V. (2002). Features of the activities of the state prosecutor and defense counsel during the judicial inquiry in a jury trial. Abstract of candidate of legal sciences dissertation. Krasnodar (in Russian).

Yanova, N. G. (1999). Social image of the prosecutor in the stereotypes of ordinary consciousness of the jury panel. Abstract of candidate of sociological sciences dissertation: 22.00.06. Barnaul (in Russian).
Yartseva, L. S. (2005). Activities of defense counsel in cases tried by a jury. Abstract of candidate of legal sciences dissertation. Tomsk (in Russian).

Citation:
Дудко Н. А., Кулаевский А. В. Прения сторон в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей: уголовно-процессуальные, криминалистические, психологические, логические и лингвистические аспекты // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 18-26.
Dudko N. A., Kulaevsky A. V. (2026) Pleadings of the Parties in a Jury Trial: Criminal Procedure, Forensic, Psychological, Logical and Linguistic Aspects. Legal Linguistics, 40, 18-26.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 40, 27-31, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4004

ЯЗЫК ПРАВА *УДК 349.3, ББК 67.405, ГРНТИ 10.67.01, Код ВАК 5.1.1*

Терминологический аппарат концепции активного долголетия[1]

Н. И. Калашник[1], Е. И. Тимофеев[2], В. В. Тимофеева[3]

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: [1]nat.kalashnik@gmail.com, [2]evg.igor.timofeev@gmail.com, [3]vtimofeeva01@mail.ru

В статье рассматривается понятийный аппарат концепции активного долголетия. Предметом исследования являются международные и внутригосударственные программные документы, имеющие нормативный характер, а также научные работы, имеющие междисциплинарный характер по теме исследования. Авторы отмечают, что на данный момент отсутствует терминологическое единство в определении содержания терминов «активное долголетие», «активное старение», «здоровое долголетие», «здоровое старение», «антиэйджинг», «антистарение». Данные термины встречаются в различных нормативных актах, однако требуют комплексной научной разработки. Наиболее развит терминологический аппарат на уровне международных стратегий и планов, а в теоретическом плане – в области медицинских исследований. Акты российской правовой системы не содержат самостоятельно разработанных и утвержденных понятий в указанной области и в основном дублируют понятия актов, разработанных Всемирной организацией здравоохранения. С учетом научных подходов, международных программ и планов отмечается, что обозначенные термины могут пониматься в качестве конкретных явлений действительности и как концепции, что сближает их по смыслу. В статье отмечается, что нормы права, не имеющие медицинской природы и отношения к старшим возрастным группам, могут признаваться антиэйджинговыми при наличии целевой направленности на борьбу с последствиями старения. Решение проблем поддержания активного долголетия среди населения носит комплексный характер и, помимо медицины, имеет прямое отношение к гуманитарным наукам, включая юриспруденцию. Элементы концепции активного долголетия воплощаются в нормах различных отраслей российского права: конституционного, административного, трудового, экологического, медицинского и социального обеспечения.

Ключевые слова: активное долголетие, активное старение, здоровое долголетие, антиэйджинг, антистарение.

Terminological Apparatus of the Active Longevity Concept

N. I. Kalashnik, E. I. Timofeev, V. V. Timofeeva

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: [1]nat.kalashnik@gmail.com, [2]evg.igor.timofeev@gmail.com, [3]vtimofeeva01@mail.ru

This article examines the conceptual framework of active ageing. The study focuses on international and national regulatory policy documents, as well as interdisciplinary research papers on the topic. The authors note that there is currently a lack of terminological consensus in defining the meaning of the terms "active longevity," "active aging," "healthy longevity," "healthy aging," "anti-aging," and "anti-growing-old." These terms appear in various regulatory documents but require comprehensive academic research. The international strategies of longevity have most developed terminology while medical research has theoretical fundamentals. Acts of the Russian legal system do not contain self-developed and approved concepts in this area and primarily duplicate those in acts developed by the World Health Organization. Taking into account scientific approaches, international programs, and plans, it is noted that these terms can be understood as both specific phenomena of reality and concepts, which brings them closer together in meaning. The article notes that legal norms that are not medical in nature and do not apply to older age groups can be recognized as anti-aging if they are specifically aimed at protection from the consequences of aging. Addressing the issue of active longevity promotion among the population is comprehensive and, in addition to medicine, is directly related to the humanities, including jurisprudence. Elements of the active longevity concept

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02539, https://rscf.ru/project/25-28-02539/.

are embodied in norms in various branches of Russian law: constitutional, administrative, labor, environmental, medical, and social security.

Key words: active longevity, active aging, healthy longevity, anti-aging.

На фоне общемировой тенденции увеличения продолжительности жизни и старения населения в странах современного мира обретает актуальность вопрос о возможности и необходимости противодействия старению. Целенаправленность, адекватность и эффективность мер по снижению негативного воздействия старения предполагает выработку единого и непротиворечивого терминологического аппарата. Среди основных категорий, которые используются в доктрине, встречаются следующие понятия: «антиэйджинг», «антистарение», «активное долголетие», «активное старение», «здоровое старение», «здоровое долголетие». Международные и внутригосударственные программные документы употребляют последние три понятия из указанных.

По вопросу соотношения понятий «активное долголетие» и «здоровое долголетие» необходимо отметить, что они находятся в тесной взаимосвязи и близки по смыслу. Исходя из смыслового содержания слов «активный», «здоровый», «долголетие» можно сделать вывод о том, что активное долголетие предполагает длительную жизнь человека, которая на всем ее протяжении отличается энергичностью, интенсивностью и деятельным участием (Большой толковый словарь русского языка: URL). Здоровое долголетие – длительная жизнь человека, которая отличается отсутствием (наименьшим уровнем) болезней, нормальной деятельностью организма в состоянии физического и психического благополучия. Следовательно, эти термины имеют отношение к лицам старших возрастных групп. Представляется, что в таком смысле указанные термины могут рассматриваться как различные, но пересекающиеся, где активность измеряется деятельностью лица, а здоровье – внутренним состоянием. Следовательно, теоретически допустимо предположить, что помимо активного и здорового долголетия существует состояние активного, но не здорового долголетия и, наоборот, здорового, но не активного долголетия.

В Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ 07.04.2025 № 830-р, здоровье названо фактором активного долголетия. Активность является следствием и признаком здоровья человека, поэтому активное долголетие может рассматриваться как форма (внешнее выражение) здорового долголетия, представляющего качественное содержание жизни человека, выраженное в правильности функционирования его организма на различном уровне. При таком подходе здоровому долголетию всегда будет присуща активность. При этом активность лица может быть объективно оценена, в то время как здоровье является более трудно определимым состоянием.

В то же время правовое регулирование касается внешнего регулирования поведения людей, поэтому исследуемые термины в нормативных актах и международных концепциях рассматриваются как синонимичные. В этом смысле под ними понимается состояние лица, находящегося в надлежащей физической и психологической форме, позволяющей ему активно участвовать в жизни общества, вести присущие человеку соответствующей возрастной группы виды деятельности. В этой связи меры, предпринимаемые общественными и государственными организациями, равно ведут к поддержанию как активного, так и одновременно здорового долголетия.

В Плане десятилетия здорового старения на период 2020-2030 гг. указывается на прямую связь между здоровьем и активным участием в жизни общества, а также плохим состоянием здоровья и социальной изоляцией лиц старших возрастных групп (Десятилетие здорового старения на период 2020–2030 гг.: URL). Отмечается, что отличия активного и здорового долголетия более связаны с временными периодами развития рассматриваемой концепции (с 2002 года по 2015 год – активное долголетие (старение), с 2015 года по 2030 год – здоровое долголетие (старение)), нежели существенным отличием применяемых средств (Здоровое старение и функциональные возможности: URL).

Рассматриваемые в данной статье термины могут пониматься не только с позиции определенного явления (физиологического и социального состояния), но и с позиции определенной концепции. В этом смысле Всемирной организацией здравоохранения под активным долголетием подразумевается процесс обеспечения качества жизни граждан по мере старения населения через оптимизацию возможностей для поддержания здоровья, безопасности среды обитания и участия человека в жизни общества (ВОЗ 2002), что отмечается в п. 3 Приказа Минтруда России от 12.04.2019 № 242 «Об утверждении рекомендаций по повышению эффективности мероприятий региональных программ, направленных на укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения». Здоровое старение определяется как процесс развития и поддержания функциональных способностей граждан, обеспечивающий их хорошее самочувствие в старости, определяемое способностями человека в физической, социальной и политической среде (Десятилетие здорового старения на период 2020–2030 гг.: URL). Здоровое старение как концепция Всемирной организации здравоохранения предполагает создание условий, позволяющих людям удовлетворять возникающие потребности и достигать имеющихся ценностей на протяжении всей жизни без ограничений. При этом отсутствие болезней не является обязательным условием здорового старения, если такие болезни не влияют на самочувствие лица (Здоровое старение и функциональные возможности: URL). На первое место выходят показатели физического, психического и социального благополучия (Мадридский план 2002: URL). В Мадридском международном плане действий по проблемам старения была сформулирована концепция активного старения.

Близким к активному долголетию является термин «антиэйджинг». В дословном переводе с английского языка он обозначает противодействие старению. В наиболее общем виде антиэйджинг определяют также как профилактику старения [Салимгерей 2020: 14]. Как концепция антиэйджинг представляет собой систему знаний, мероприятий и

практической деятельности, направленную на увеличение продолжительности и качества жизни, что, исходя из содержания понятия, синонимично термину «антистарение» [Маклецова 2023: 22].

Под старением понимается процесс возрастных разрушений организма, который ведет к ухудшению его адаптационных возможностей и повышению вероятности смерти (Биологический энциклопедический словарь: URL). В ходе старения меняется внешний вид, поведение, психические особенности (Современная энциклопедия: URL). Старение рассматривается как результат воздействия молекулярных и клеточных повреждений, которые накапливаются с течением времени, что приводит к снижению физических и умственных возможностей (Старение и здоровье: URL).

Действие указанного процесса наблюдается от молекулярного до организменного уровня. Старение как процесс отождествляется с деградацией клеточных структур, нарушением и ослаблением функций организма, снижением активности. Отмечается борьба процессов старения и сохранения (стабилизации) жизнедеятельности организма, что приводит к выводу о возможности противодействия старению, его неоднозначности, нелинейности, а потому отсутствии предопределенности. Одними из средств противодействия старению являются социально-трудовая активность и постоянные тренировки (Биологический энциклопедический словарь: URL).

Такой подход предполагает наличие ключевого тезиса – старость является состоянием организма, которое возможно корректировать, обеспечивая социальную и физиологическую активность лиц старших возрастных групп. В концепции антиэйджинга старость рассматривается как болезнь, с которой возможно и необходимо бороться (Старение – это болезнь, и она излечима. Ведущие эксперты – о науке продления молодости: URL).

Термины «антиэйджинг» и «антистарение» не используются в российском законодательстве, но при этом активно используются в медицине, так как ключевое значение в вопросах противодействия старению приобретает цель – поддержание здоровья и улучшение физиологического состояния лиц старших возрастных групп. Медицина антиэйджинга направлена на замедление или остановку процессов клеточного старения [Оразов, Долгов: URL]. Антиэйджинговая медицина базируется на предупреждении, диагностике и лечении возрастных функциональных нарушений и болезней [Витренко: URL].

При этом указанная цель недостижима без применения средств, обеспечивающих активную деятельность граждан в общественной жизни, в том числе с использованием юридического инструментария. Человек является социальным существом, а потому участие в общественной жизни прямо влияет на его психологическое здоровье. Законодательство обеспечивает гражданину необходимый уровень общественного участия, создает механизмы предохранения от нарушения прав граждан по возрастному критерию и дискриминации. В этой связи в качестве направлений антиэйджинга называют в том числе культуру здоровья и формирование соответствующей идеологии и политики, поощряемой со стороны государственных органов [Лебедев, Пузин, Потапов, Шургая: URL].

В силу ч. 2 ст. 7 Конституции РФ в России охраняется здоровье, обеспечивается государственная поддержка пожилых людей. В соответствии с ч. 1, 2 ст. 41 Конституции РФ гражданам гарантировано право на охрану здоровья и медицинскую помощь, в том числе бесплатно в указанных случаях; в России финансируются программы укрепления здоровья, развиваются сферы, способствующие повышению здоровья населения: физическая культура, спорт, экология.

Антиэйджинг включает в себя комплекс мер, направленных на изменение образа жизни, предупреждение и лечение заболеваний и т. д. [Маклецова 2023: 23]. Ключевое значение имеет цель проведения мероприятий по поддержанию активного (здорового) долголетия, включая медицинскую помощь, а не сам факт вмешательства (в том числе медицинского) в жизнь лиц старших возрастных групп. Целью антиэйджинга является сохранение максимально возможного качества жизни субъектов на долгий срок при отсутствии угрозы их существования [Маклецова 2023: 24].

Это кардинально отличает геронтологию, изучающую старение как явление, а также методы, направленные на улучшение организации оказания помощи престарелым людям, от медицины антиэйджинга. Последняя понимается как наука, изучающая профилактическую, превентивную и клиническую практику [Лебедев, Пузин, Потапов, Шургая: URL].

Соответственно и «антиэйджинговое законодательство» должно следовать этой цели. Это означает, что не любые нормативные акты в области медицины, в том числе по вопросам оказания медицинской помощи лицам старших возрастных групп, могут называться антиэйджинговыми, исходя из факта помощи лицу и сохранения его жизни и здоровья в определенный момент времени.

Например, правовое регулирование оказания экстренной медицинской помощи лицу старшей возрастной группы в связи с получением травм в результате дорожно-транспортного происшествия на основании п. 1 ч. 4 ст. 32 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и абз. 7 п. 1 ст. 23 Федерального закона от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» не относится к антиэйджинговому законодательству. Несмотря на то, что оказывается медицинская помощь с целью сохранения жизни лица, такая помощь не имеет целевой направленности на противодействие старению путем профилактики. Меры, применяемые для сохранения жизни и недопущения преждевременной смерти лица, могут быть как антиэйджинговыми, так и нет, учитывая, что к смерти может вести не только старение.

Напротив, нормы права, не имеющие медицинской природы и отношения к старшим возрастным группам, могут признаваться антиэйджинговыми при наличии целевой направленности на борьбу с последствиями старения. Право на получение налогового вычета по налогу на доходы физических лиц при награждении знаком отличия Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» и прохождения лицом

диспансеризации либо профилактического медицинского осмотра (пп. 2.1 п. 1 ст. 218 Налогового кодекса РФ) относится к мерам поддержания активного долголетия. Это обосновывается профилактическим характером мер для поддержания и проверки физического здоровья.

Противодействие процессам и социальным последствиям старения граждан должно реализовываться одновременно с мерами борьбы с эйджизмом (дискриминацией по возрасту) (Без пяти минут пенсионеры. Готов ли рынок труда к пенсионной реформе: URL). Недопущение дискриминации пожилых людей создает условия для эффективного участия лиц старших возрастных групп в жизни общества (Борьба с дискриминацией по возрасту: URL), что позволяет им вносить существенный вклад в развитие общества (Global strategy and action plan on agein gand health: URL). Борьба с эйджизмом является средством антиэйджинга, так как ведет к поддержанию физического и психического здоровья (Эйджизм – глобальная проблема: ООН: URL).

Законодательство России фиксирует запрет дискриминации: общий в виде открытого перечня на уровне Конституции РФ (ч. 2 ст. 19) и специальный по возрастному признаку в Трудовом кодексе РФ (абз. 2 ст. 3). Ответственность за дискриминацию установлена в Уголовном кодексе РФ (ст. 144.1 УК РФ), а также ст. 5.62 Кодекса об административных правонарушениях РФ.

Исходя из представленного понимания антистарения, следует вывод о том, что активное долголетие допустимо понимать как средство, критерий антиэйджинга, если рассматривать последний как борьбу с последствиями старения. Здоровое долголетие в таком случае, как и активное долголетие, могут рассматриваться и как цель антиэйджинга. Рассмотрение антистарения как концепции (комплекса знаний и мер) позволяет в целом отождествить категории активного (здорового) долголетия и антиэйджига в этом значении. Законодательство в области антистарения одновременно и неразрывно связано с правовым регулированием активного и здорового долголетия.

В качестве заключительных выводов необходимо выделить следующие положения. На данный момент отсутствует терминологическое единство в определении значения терминов «активное долголетие», «активное старение», «здоровое долголетие», «здоровое старение», «антиэйджинг», «антистарение». Акты российской правовой системы не содержат самостоятельно разработанных и утвержденных понятий в указанной области. Данные термины могут пониматься как конкретные явления действительности и как концепции, что сближает их по смыслу. Решение проблем поддержания активного долголетия среди населения носит комплексный характер и, помимо медицины, имеет прямое отношение к гуманитарным наукам, включая юриспруденцию [Салимгерей 2020: 16]. Элементы концепции активного долголетия воплощаются в нормах различных отраслей российского права: конституционного, административного, трудового, экологического, медицинского и социального обеспечения.

Список источников

Без пяти минут пенсионеры. Готов ли рынок труда к пенсионной реформе. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3683182.

Биологический энциклопедический словарь / гл. ред. М. С. Гиляров; ред.кол.: А. А. Бабаев, Г. Г. Винберг, Г. А. Заварзин и др. 2-е изд., исправл. М., 1986.

Большой толковый словарь русского языка. URL: https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts[]=42

Борьба с дискриминацией по возрасту. URL: https://www.who.int/teams/social-determinants-of-health/demographic-change-and-healthy-ageing/combatting-ageism

Десятилетие здорового старения на период 2020–2030 гг. URL: https://cdn.who.int/media/docs/default-source/decade-of-healthy-ageing/final-decade-proposal/decade-proposal-final-apr2020-ru.pdf?sfvrsn=64fd27ba_6

Здоровое старение и функциональные возможности. URL: https://www.who.int/news-room/questions-and-answers/item/healthy-ageing-and-functional-ability

Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program_ch2.shtml

Современная энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/45218.

Старение и здоровье. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health#:~:text=%D0%9D%D0%B0%20%D0%B1%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC%20%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B5%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%E2%80%94%20%D1%8D%D1%82%D0%BE,%D0%B2%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%BC%20%D1%81%D1%87%D0%B5%D1%82%D0%B5%2C%20%D0%BA%20%D1%81%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B8.

Старение – это болезнь, и она излечима. Ведущие эксперты – о науке продления молодости. URL: https://reminder.media/post/anti-aging-list

Эйджизм – глобальная проблема: ООН. URL: https://www.who.int/news/item/18-03-2021-ageism-is-a-global-challenge-un

Global strategy and action plan on ageing and health. URL: https://iris.who.int/server/api/core/bitstreams/dde7be07-eb76-4642-800c-4258ecd42e59/content.

Литература

Витренко Д. Д. Новейшие термины междисциплинарных областей медицины / Бюллетень медицинских интернет-конференций. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/noveyshie-terminy-mezhdistsiplinarnyh-oblastey-meditsiny/viewer

Лебедев А. А., Пузин С. Н., Потапов В. Н., Шургая М. А. От геронтологии к медицине антистарения / Медико-социальная экспертиза и реабилитация. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-gerontologii-k-meditsine-antistareniya/viewer

Маклецова С. А. Контраверсии представлений об антиэйджинге в медицинском сообществе / Statuspraesens. Гинекология, акушерство, бесплодный брак. – 2023. – № 4 (100). – С. 21-24.

Оразов М. Р., Долгов Е. Д. Неизбежное старение или успешное взросление? Anti-ageing-медицина: конкретно об абстрактном / Клинический разбор в общей медицине. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neizbezhnoe-starenie-ili-uspeshnoe-vzroslenie-anti-ageing-meditsina-konkretno-ob-abstraktnom/viewer

Салимгерей А. А. Государственно-правовое регулирование антиэйджинга в Республике Казахстан / Очерки новейшей камералистики. – 2020. – № 4. – С. 13-16.

References

Lebedev, A. A., Puzin, S. N., Potapov, V. N., Shurgaya, M. A. From gerontology to anti-aging medicine. Medical and social expertise and rehabilitation. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-gerontologii-k-meditsine-antistareniya/viewer (in Russian).

Makletsova, S. A. (2023). Contraversions of ideas about anti-aging in the medical community. Statuspraesens. Gynecology, obstetrics, infertile marriage, 4 (100), 21-24 (in Russian).

Orazov, M. R., Dolgov, E. D. Inevitable aging or successful maturation? Anti-aging medicine: specifically about abstract. Clinical analysis in general medicine. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/neizbezhnoe-starenie-ili-uspeshnoe-vzroslenie-anti-ageing-meditsina-konkretno-ob-abstraktnom/viewer (in Russian).

Salimgerei, A. A. (2020). State legal regulation of anti-aging in the Republic of Kazakhstan. Essays on the latest cameralistics, 4, 13-16 (in Russian).

Vitrenko, D. D. The latest terms of interdisciplinary fields of medicine. Bulletin of medical Internet conferences. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/noveyshie-terminy-mezhdistsiplinarnyh-oblastey-meditsiny/viewer (in Russian).

Citation:

Калашник Н. И., Тимофеев Е. И., Тимофеева В. В. Терминологический аппарат концепции активного долголетия // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 27-31.

Kalashnik N. I., Timofeev E. I., Timofeeva V. V. (2026) Terminological Apparatus of the Active Longevity Concept. Legal Linguistics, 40, 27-31.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 40, 32-35, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4005

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА *УДК 340.12, ББК 67.1(2), ГРНТИ 10.11.91, Код ВАК 5.1.1*

Истоки мировоззрения Ю. Ф. Самарина и учение о роли правящего слоя в его политико-правовом наследии

Е. С. Беседина

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: Efremova_e@mail.asu.ru

Статья посвящена исследованию политико-правового наследия Ю. Ф. Самарина – выдающегося государственного деятеля эпохи Великих реформ и одного из ключевых мыслителей славянофильства. В статье обосновывается, что фундаментальные мировоззренческие установки Самарина – православие как источник цельного знания, критика западного рационализма и материализма, неприятие индивидуализма, учение о народности – сформировались под влиянием его биографических обстоятельств и определили всю его политико-правовую доктрину. Особое внимание уделяется учению Самарина о роли правящего слоя, в котором он подвергает критике оторванные от народа «псевдо-элиты» и формулирует позитивную программу подлинной элиты, основанную на служении, укорененности в народной жизни и исторической преемственности идеалов. Делается вывод об актуальности постановки вопроса о роли правящего слоя для современных дискуссий о доверии между властью и обществом.

Ключевые слова: Ю. Ф. Самарин, славянофильство, служение, народность, политическая элита.

Origins of Y.F. Samarin's Worldview and Role of the Ruling Class as Considered in His Political and Legal Heritage

E. S. Besedina

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: Efremova_e@mail.asu.ru

The article discusses the political and legal heritage of Yu.F. Samarin — an outstanding statesman of the era of the Great Reforms and one of the key thinkers of Slavophilism. The article states that Samarin's fundamental worldview attitudes — Orthodoxy as a source of integral knowledge, criticism of Western rationalism and materialism, rejection of individualism, and the doctrine of national character (narodnost') — were shaped under the influence of his life circumstances and determined his entire political and legal doctrine. Special attention is paid to Samarin's doctrine of the role of the ruling class, in which he criticizes "pseudo-elites" detached from the people and formulates a positive program for genuine elite, based on devotion, values shared with common people, and historical consistency of ideals. The article concludes that the issue of the role of the ruling class is still topical in contemporary debates on trust between the government and society.

Key words: Yu. F. Samarin, Slavophilism, devotion, national character, political elite.

Юрий Федорович Самарин (1819–1876) – один из ключевых мыслителей славянофильства, чье наследие долгое время оставалось в тени его старших современников. Между тем именно Самарин занимает среди них уникальное место: имея многолетний опыт государственной службы, он смог перевести философско-религиозные идеи славянофильства в область конкретных проектов государственных преобразований.

Обращение к политико-правовому наследию Самарина сегодня особенно актуально. В эпоху интенсивного поиска внутренних основ и культурно-исторических ориентиров государственного развития, а также в контексте дискуссий о цивилизационной идентичности России, идеи мыслителя о самобытном пути развития страны, его критика западного рационализма и позиции о невозможности механического переноса чужих политико-правовых институтов приобретают новое звучание. Политико-правовое наследие Самарина оригинально и во многом обязано своим своеобразием уникальному сочетанию его биографических обстоятельств и сформировавшихся на их основе мировоззренческих установок.

Идеи Самарина о том, какой должна быть элита в России, занимают достаточно уникальное место во всей совокупности его политико-правовых взглядов, будучи тесно связанными с его практическим опытом и другими политико-правовыми идеями – в первую очередь с учением об органической связи народа и монарха. В статье предпринята попытка реконструировать истоки его мировоззрения и показать, как из них выросла критика «псевдо-элит» и позитивная программа подлинной элиты.

Семья, в которой родился Самарин, была глубоко укоренена в православной традиции и служении престолу. Отец, полковник, участник Отечественной войны 1812 года, мать, фрейлина императрицы, с самого раннего детства погрузили будущего мыслителя в атмосферу, где вера была не просто обрядом, а живым стержнем жизни [Нольде 2003: 12]. Показательно, что даже его домашний наставник, француз Адольф Пако, принадлежавший к западной культуре Просвещения, укреплял православную веру мальчика. А когда отец, Федор Васильевич, перевез семью из Петербурга в Москву, он сделал это с явной целью – оградить детей от «французского влияния при дворе» и воспитать их в русской, православной среде. Из этого воспитания выросло глубокое убеждение Самарина в истинности православия, а также в том, что именно православие является источником «цельного знания». Православная вера, по Самарину, дарит человеку не рабское подчинение, а нравственную свободу – добровольное принятие «благого бремени» высшего закона [Самарин 2014: 19-20, 24-25].

В начале 1840-х годов Самарин пережил глубокий духовный кризис, который навсегда определил его отношение к рационализму. Увлекшись философией Гегеля, он попытался рационально обосновать религиозные истины, доказать веру средствами логики. Эти попытки привели его в «болото путаницы и сомнений», едва не завершившихся полной утратой веры [Calder 1987: 15]. Вывел его из этого кризиса А. С. Хомяков, который указал на принципиальную ограниченность рассудочного подхода в вопросах духа. Вера, понял Самарин, постигается не доказательствами, а всей полнотой человеческих способностей – умом, чувством и волей вместе. Этот экзистенциальный опыт сделал его непримиримым критиком западного рационализма. Он увидел в рационализме не просто философское заблуждение, а глубоко порочный принцип, который, будучи перенесенным в политическую сферу, превращается в культ формального закона, в попытку подменить живую справедливость мертвой буквой. Из этого же кризиса позже выросло и его неприятие материализма. Самарин рассматривал материализм не просто как заблуждение, но как закономерный, хотя и ложный этап в развитии человеческой мысли. Он был убежден, что последовательный материализм, доведенный до логического конца, «совершает над собою самоубийство, предопределенное всякой лжи» [Самарин 2016: 158]. Следование материалистической концепции, по Самарину, ведет к духовному и нравственному закрепощению личности, ибо «сознание личной свободы как способности самоопределения» можно почерпнуть только в религии [Самарин 2014: 646].

Из критики рационализма логически вытекало и негативное отношение к индивидуализму, которое укреплялось в Самарине как университетским образованием, так и практическим опытом. В Московском университете под влиянием историка М. П. Погодина он усвоил идею самобытности русского исторического пути, где личность никогда не противопоставляла себя общине так радикально, как на Западе. Позднее, работая чиновником по особым поручениям в Остзейском крае, Самарин воочию увидел, к чему приводит гипертрофированный индивидуализм, закрепленный в юридических привилегиях. Каждый из остзейских баронов отстаивал только свои узкие интересы, прикрываясь древними вольностями, что вело к системному угнетению местного населения. «На личности, ставящей себя безусловным мерилом всего, – писал Самарин, – может основаться только искусственная ассоциация… но абсолютной нормы, закона, обязательного для всех и каждого, нельзя вывести из личности логическим путем» [Самарин 2013: 95]. В противовес этому он отстаивал идеал крестьянской общины, видя в ней не только экономический институт, но и важнейший элемент духовного единства народа.

Критика «псевдо-элит» у Самарина не была случайной публицистической полемикой; она вытекала из его мировоззренческой установки о необходимости органической связи между верховной властью и народом. Разрыв этой связи, по его убеждению, – главный недуг российской государственности, а «псевдо-элиты» – его наглядное проявление.

Наиболее беспощадной критике Самарин подвергал бюрократию. В рецензии на «Тарантас» В. А. Соллогуба он проследил генеалогию чиновничества от «дворового» – оторванного от народа привилегированного холопа – через приказного к современному чиновнику. Этот слой, по его формуле, «прирос к народной почве, но совершенно чужд народной жизни» [Самарин 2013: 76]. Главный порок бюрократии – формализм и узурпация авторитета верховной власти. Самарин вскрывал механизм этой узурпации: чиновник, боясь личной ответственности, прикрывается «высочайшим именем», испрашивая особых повелений во всех сложных случаях, тем самым перекладывая потенциальную вину на монарха. Бюрократия, писал он, «торгует своим влиянием, как товаром», подменяя живое служение отчетностью, а поиск истины – соблюдением внешней процедуры [Самарин 2013: 76].

Не менее строг Самарин и в оценке современного ему дворянства. Он проводил принципиальное различие между «дворянством» как исторической служилой категорией и «барством» как социально-психологическим типом. «Барство» – это притязание на власть и влияние, не подкрепленное реальной способностью к труду, попытка первенствовать, не имея ни способностей, ни навыков, ни охоты к умственному труду. Реформы 1860-х годов, писал Самарин, «действительно поразили что-то насмерть, только не дворянство, а барство» – они обнажили несостоятельность тех, кто претендовал на руководство, не имея реальных заслуг [Самарин 2013: 383]. В противовес им «деловые люди», напротив, «окончательно приросли к земству» и «действительно с каждым днем более и более привлекают к себе народ» [Самарин 2013: 384].

Особую критику Самарин обрушивал на западническую интеллигенцию. Если помещики, по его меткой

характеристике, — это «жизнь без сознания», то западник — «сознание без жизни». Воспитанный на отвлеченно-иностранный манер, он оторван от «воздуха родной земли» и потому абсолютно беспомощен в понимании русской действительности, пытаясь осмыслить ее через чуждые заимствованные схемы [Самарин 2013: 69]. Худшим практическим следствием этой оторванности Самарин считал направление «натуральной школы» в литературе, обвиняя ее в клевете на народ, в культивировании циничного презрения вместо любви и понимания. Такая интеллигенция, по его убеждению, не только не исполняет своей роли проводника просвещения, но и усугубляет пропасть между образованным обществом и народом.

Наиболее законченное, доведенное до логического предела выражение тех же пороков Самарин обнаружил в Остзейском крае, где дворянство приобрело характер замкнутой этнической касты. Он обращал внимание на сам язык остзейцев, называвших местное нерусское население «Undeutsche» – «не-немцы» [Самарин 2019: 321]. По мысли Самарина, в этом словоупотреблении раскрывалась сама суть их мировоззрения: привилегия, основанная не на законе или заслугах, а на самом факте принадлежности к немецкой национальности. Корень патологии – в полной неукорененности: остзейское дворянство не может считать Россию родиной, но и остзейские провинции сами по себе не образуют родины. Его «немечество» – абстракция, которую можно лелеять как идею, но которая ни к чему не обязывает. Держится эта каста, по старому афоризму, цитируемому Самариным, только на «русских штыках», не имея ни доверия снизу, ни органической связи с государством сверху [Самарин 216: 52]. Все эти группы – бюрократия, деградировавшее дворянство, западническая интеллигенция, остзейская каста – объединены одним: они не способны быть «живым проводником» между верховной властью и народом. Их легитимность мнимая, основанная либо на формальном статусе, либо на сословном эгоизме, либо на чуждых заимствованных схемах.

Критика «псевдо-элит» была для Самарина не самоцелью, а основанием для создания позитивной программы. Подлинная элита, по его убеждению, должна определяться не происхождением, а нравственно-деятельными качествами, и он формулирует несколько взаимосвязанных критериев.

Первый и главный критерий – укорененность в народной жизни. Самарин настаивал, что принадлежность к правящему слою не может быть оторвана от знания конкретных нужд, традиций и быта народа. «Мы должны узнать народ, а чтобы узнать – и прежде, чем узнать – мы должны любить его», – писал он, подчеркивая, что это сближение необходимо в первую очередь для самого оторванного образованного класса [Самарин 2013: 137]. Показательным примером здесь служит сам Самарин: не имея опыта управления имением, он сначала досконально изучил хозяйство, а затем, осознав свою некомпетентность, передал управление более способному младшему брату. Он задолго предвосхитил тот критерий подлинной элиты, который сам сформулирует позже – готовность уступить место тому, кто действительно может принести пользу, принцип «естественной браковки» [Самарин 2013: 383].

Второй критерий – способность к систематическому труду. Самарин противопоставлял «деловых людей» и людей, способных только к пустым разговорам. Первые – это те, кто уже свыклись с новой обстановкой, перестали жаловаться на отсутствие твердой почвы под ногами, потому что на ней стоят. Легитимность элиты здесь подтверждается не сословным достоинством, а общественным доверием, заслуженным через реальную работу.

Третий критерий – наличие «исторически преемственных идеалов». Самарин формулирует его как высший аксиологический ориентир: подлинная элита появляется там, где укорененность в труде соединяется с идеалами, воспринятыми от предков и обращенными к будущему. «Где историческое предание порвано, там идеалы теряют свою жизнеспособность… Где каждое поколение обзаводится для своего обихода новыми идеалами… там не бывает ни зрелости умственной, ни крепкого закала характеров, ни строгости нравственных требований» [Самарин 2014: 600]. Элита не изобретает новые ценности каждый год, а хранит и развивает полученное от прошлого.

Наконец, четвертый критерий – служение, а не притязание на привилегии. Самарин подкреплял этот тезис личным примером. За свои труды по подготовке и проведению крестьянской реформы он был награжден орденом Св. Владимира III степени – и отказался от награды, мотивируя тем, что не считает возможным принимать за общественное дело награду от правительства. В этом отказе – вся суть его учения о подлинной элите: единственный критерий легитимности деятельности – реальная польза, а не правительственный знак отличия. Подлинный служитель отвечает перед собственной совестью и перед народом за каждый аспект реформы, который проходил через его руки.

Таким образом, критикуя «псевдо-элиты» – бюрократию, утратившее служилое призвание дворянство («барство»), оторванную от народа западническую интеллигенцию и остзейскую касту, – Самарин видел в них проявление единого исторического недуга: разрыва между властью и «землей». В противовес им он сформулировал позитивную программу, где критериями подлинной элиты выступают укорененность в народной жизни, способность к систематическому труду, наличие исторически преемственных идеалов и служение, а не притязание на привилегии. Подлинная элита по Самарину – это не сословная каста, а служилый слой, чьи критерии – не происхождение, а нравственно-деятельные качества, подчиняющие личный эгоизм служению целому. Сегодня, когда проблема доверия между властью и обществом вновь оказывается в центре общественных дискуссий, анализ Ю. Ф. Самарина того, какая элита способна быть «живым проводником», а какая – лишь узурпирует свое положение, звучит особенно актуально.

Литература

Колдер Д. Л. Политическая мысль Ю. Ф. Самарина, 1840–1864. Нью-Йорк, 1987.
Нольде Б. Юрий Самарин и его время. М., 2003.

Самарин Ю. Ф. О мнениях «Современника» исторических и литературных / Литература и история. СПб., 2013.
Самарин Ю. Ф. Ответ г.г. ф. Бокку и Ширрену по поводу "Окраин России"/ Окраины Росси. СПб., 2019.
Самарин Ю.Ф. Письма из Риги. Письмо 3-е. Современное отношение Остзейского края к России и к правительству / Русское самосознание. СПб., 2016.
Самарин Ю. Ф. Письма о материализме / Русское самосознание. СПб., 2016.
Самарин Ю. Ф. По поводу сочинений Макса Мюллера по истории религий / Церковь и общество. СПб., 2014.
Самарин Ю. Ф. Революционный консерватизм. Письмо к Р. Фадееву по поводу его книги "Русское общество в настоящем и будущем (чем нам быть)" / Литература и история. СПб., 2013.
Самарин Ю. Ф. Тарантас. Путевые впечатления. Сочинения графа В. А. Соллогуба / Литература и история. СПб., 2013.
Самарин Ю. Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович. Рассуждение, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения / Церковь и общество. СПб., 2014.

References

Calder, L. D. (1987). Political Thought of Yu. F. Samarin, 1840–1864. New York.
Nol'de, B. (2003). Yuri Samarin and his time. Moscow (in Russian).
Samarin, Yu. F. (2013). On the opinions of "Contemporary" historical and literary. St. Petersburg (in Russian).
Samarin, Yu. F. (2019). Response to Mr. F. Bock and Schirren about "Outskirts of Russia". St. Petersburg (in Russian).
Samarin, Yu. F. (2016). Letters from Riga. Letter 3. The current attitude of the Ostsee region to Russia and to the government. St. Petersburg (in Russian).
Samarin, Yu. F. (2016). Letters on materialism. St. Petersburg (in Russian).
Samarin, Yu. F. (2014). On the works of Max Müller on the history of religions. St. Petersburg (in Russian).
Samarin, Yu. F. (2013). Revolutionary conservatism. A letter to R. Fadeev about his book "Russian society in the present and future (what should we be)". St. Petersburg (in Russian).
Samarin, Yu. F. (2013). Tarantas. Travel impressions. Works of Count V.A. Sollogub. St. Petersburg (in Russian).
Samarin, Yu. F. (2014). Stefan Yavorsky and Feofan Prokopovich. A dissertation written for the degree of Master of Philosophy. St. Petersburg (in Russian).

Citation:
Беседина Е. С. О Истоки мировоззрения Ю.Ф. Самарина и учение о роли правящего слоя в его политико-правовом наследии // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 32-35.
Besedina E. S. (2026) Origins of Y.F. Samarin's Worldview and Role of the Ruling Class as Considered in His Political and Legal Heritage. Legal Linguistics, 40, 32-35.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 40, 36-40, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4006

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА *УДК 343.133, ББК 67.408, ГРНТИ 10.77.51, Код ВАК 5.1.4*

О содержании понятия «услуга» как признака преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ

А. В. Гайворонский

Барнаульский юридический институт МВД России

ул. Чкалова, 49, 656038, Барнаул, Россия. E-mail: gaivoronskiiav@mail.ru

Проведен анализ понятия «услуга», начиная с римского частного права (лат. servitium), где услуга рассматривалась как личное исполнение обязанностей. Отмечается, что современные виды услуг значительно эволюционировали, что требует отказа от исключительно римской трактовки. В работе исследуются законодательные дефиниции, закрепленные в Гражданском кодексе РФ и специальных федеральных законах, а также анализируются подходы к пониманию услуги в экономической и лингвистической науке (позиции М. Б. Россинского, А. И. Кочерги, Н. Н. Иванова, а также лексикографические источники).

Значительное место в работе отводится юрислингвистическому анализу термина «услуга»: исследуются особенности его семантики и прагматики в уголовно-правовом контексте, а также бланкетный характер употребления данного понятия в нормах уголовного права. На основе проведенного межотраслевого исследования автором выделены ключевые характеристики услуги (неосязаемость, неотделимость от источника, недолговечность, отсутствие передачи права собственности, соответствие требованиям безопасности), позволяющие разграничить ее со смежными понятиями (работа, товар). В результате сформулировано авторское определение понятия «оказание услуг» применительно к диспозиции ст. 238 УК РФ, учитывающее как процессуальный характер деятельности, так и обязательные требования безопасности.

Ключевые слова: юрислингвистика, уголовное право, услуга, ст. 238 УК РФ, толкование терминов.

On the Intension of the Concept of “Service” as an Element of the Crime in Violation of Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation

A. V. Gaivoronsky

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

49 Chkalov St., 656038, Barnaul, Russia E-mail: gaivoronskiiav@mail.ru

The concept of “service” is subjected to a comprehensive analysis beginning with Roman private law (Lat. *servitium*), where service was understood as the personal performance of obligations. It is emphasized that modern forms of services have undergone substantial evolution, rendering an exclusively Roman interpretation untenable. The study investigates the statutory definitions fixed in the Civil Code of the Russian Federation and in special federal statutes, as well as scholarly approaches to the understanding of “service” in economics and linguistics (the standpoints of M.B. Rossinsky, A.I. Kocherga, and N.N. Ivanova, together with lexicographic sources).

A significant part of the paper is assigned to the jurislinguistic analysis of the term “service”, examining the specific features of its semantics and pragmatics within the criminal-law context and the blanket (referential) character of its use in the norms of criminal legislation. Drawing on the interdisciplinary research conducted, the author identifies the core characteristics of a service — intangibility, inseparability from the source, perishability, absence of transfer of ownership rights, and compliance with safety requirements — that enable its clear differentiation from cognate concepts such as “work” and “goods”. As a result, the work states the author's own definition of the concept of “provision of services” in respect of the disposition of Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, which takes into account both the procedural nature of the relevant activity and the mandatory safety requirements.

Key words: jurislinguistics, criminal law, service, Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, interpretation of legal terms.

Юридический язык имеет свои особенности, еще с древности юристы пытались объяснять юридические явления обыденным способом или через философию. Понятие обыденных терминов использовалось повсеместно вне зависимости от сферы деятельности человека; мы полагаем, что подобный подход не в полной мере отвечает потребностям точного выражения правовых понятий. Такое объяснение не всегда отражало особенности того или иного термина в юриспруденции.

В уголовном праве нередко встречаются термины, не имеющие прямого законодательного закрепления, что вполне логично: попытка зафиксировать все понятия привела бы к чрезмерной перегрузке уголовного законодательства. Некоторые термины чаще всего носят бланкетный характер или пришли из зарубежного языка и достаточно хорошо вклинились в наш словарный запас, но значение этих заимствований может отличаться из-за сферы их применения, например, одно и тоже слово может иметь разное значение в экономике, философии и праве.

Для более глубокого и точного понимания термина «услуга», фигурирующего в диспозиции статьи 238 УК РФ, представляется обоснованным обратиться к его историческим корням и последующему закреплению в уголовно-правовом регулировании.

Первое упоминание отношений, связанных с оказанием услуг, получило свое закрепление именно в системе римского частного права, такие отношения были включены в общую категорию консенсуального договора найма. Институт найма подразделялся на несколько разновидностей: наём вещей, наём услуг и наём работы (подряд). Договор найма услуг – это такой договор, по которому одна сторона принимает на себя обязательство исполнять в пользу другой стороны, нанимателя, определенные услуги, а наниматель принимает на себя обязательство платить за эти услуги соответствующее вознаграждение.

Термин «услуга» произошел от латинского servitium – в древнеримском праве оно означало исполнение обязанностей одним человеком перед другим и находило выражение в разнообразных формах предоставления помощи и содействия. Влияние услуг на современный мир стало более значительным, в настоящий момент есть такие виды услуг, которые уже не отвечают характеристикам римского понятия

Здесь уместно согласиться с позицией А. Б. Бушева, который подчеркивает, что «существенная специфика перевода терминов в сфере юриспруденции и соответственно в сфере лексикографической работы обусловливается спецификой права и спецификой профессионального языка (большое количество латинизированных заимствований, восхождение к римскому праву, разность национального права, наличие дефиниций, оценочности и т. д.)» [Бушев 2008: 21]. К этому добавляются трудности, связанные с неоднозначными терминами, многозначными словами, заимствованиями из других областей знания, синонимами, просторечием, жаргонизмами и архаизмами. Следовательно, мы не можем полностью опираться на римскую трактовку, поскольку формы и способы оказания услуг эволюционировали со временем, отражая изменения в общественных отношениях и технологиях.

Несмотря на исключительно важную роль, которую услуги играют в жизни современного общества и в структуре современной экономики, наука до сих пор не выработала единого, легитимного определения этого понятия. Использование общенародного значения недостаточно для понимания услуги как конкретного термина, используемого в диспозиции ст. 238 УК РФ, так как юридическое значение термина – это частный производный случай [Голев 1999: 11-58].

В современном российском законодательстве ключевым источником толкования термина «услуга» выступает гражданское право. Согласно ст. 779 ГК РФ, «по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги». Такое законодательное определение акцентирует внимание именно на процессуальном характере услуги как на совершении действий или деятельности, однако оно не проводит полного разграничения с близким понятием «работа».

Термин «услуга» получает развитие и в других нормативных правовых актах, что позволяет раскрыть его содержание с различных отраслевых позиций. В частности, ч. 5 ст. 38 Налогового кодекса Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ устанавливает, что услугой для целей налогообложения признается деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности. Данное положение подчеркивает нематериальный и одновременно потребляемый в момент оказания характер услуги, что служит дополнительным аргументом в пользу ее отличия от результата работ, имеющего овеществленную форму.

Аналогичный подход к пониманию услуги как деятельности, направленной на удовлетворение потребности потребителя, закреплен в Федеральном законе от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». В данном Федеральном законе приводятся следующие понятия:

1) государственная услуга – деятельность по реализации функций, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах, установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации полномочий органов, предоставляющих государственные услуги.

2) муниципальная услуга, предоставляемая органом местного самоуправления (далее – муниципальная услуга), – деятельность по реализации функций органа местного самоуправления (далее – орган, предоставляющий муниципальные услуги), которая осуществляется по запросам заявителей в пределах полномочий органа, предоставляющего муниципальные услуги, по решению вопросов местного значения, установленных в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и уставами муниципальных образований.

Эти определения последовательно развивают идею услуги как целенаправленной деятельности, ориентированной на конкретного потребителя, и тем самым усиливают аргументацию о ее процессуальной природе.

Также в Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ физкультурно-оздоровительная услуга – это деятельность, осуществляемая физкультурно-спортивной организацией независимо от ее организационно-правовой формы, направленная на удовлетворение потребностей граждан в сохранении и укреплении здоровья, физической подготовке и физическом развитии, включающая в себя в том числе проведение физкультурных мероприятий.

Указанное определение имеет специальный характер и содержит ряд индивидуальных признаков, отличающих его от общего понимания услуги. Вместе с тем оно позволяет выделить ключевые общие черты, присущие подобного рода деятельности в рассматриваемой сфере.

Для формирования более полного представления о рассматриваемом термине необходимо обратиться также к стандартам, регулирующим сферу услуг. ГОСТ Р 50646-2012 «Услуги населению. Термины и определения» дает следующее толкование: услуга – это результат непосредственного взаимодействия исполнителя и потребителя, а также собственной деятельности исполнителя услуг по удовлетворению потребности потребителя услуг. При этом в примечании уточняется, что в соответствии с определением ГОСТ ISO 9000 услуга – это результат, как минимум, одного действия, обязательно произведенного (осуществленного при взаимодействии) между поставщиком и заказчиком (потребителем), как правило, нематериальный. Данное понятие выделяет, по нашему мнению, главную особенность (характеристику), которая в свою очередь отличает понятие «услуга» от «работы», это минимум одно действие, осуществляемое при взаимодействии, то есть не отчуждаемость услуги от исполнителя и потребителя.

Нормативные правовые акты, как правило, ограничиваются перечислением видов услуг, демонстрируя тем самым их многообразие, но не раскрывают специфическую природу услуги. Указанный законодательный пробел препятствует правильному пониманию отраслевой специфики услуг, затрудняет их отграничение от работ и, как следствие, влечет неоднозначное (а нередко и ошибочное) применение норм права.

Для более полной характеристики понятия услуга, закрепленного в диспозиции ст. 238 УК РФ, мы считаем необходимым проанализировать позиции различных ученых.

В общеупотребительном языке термин «услуга» получает следующее толкование. В словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова представлены в целом схожие точки зрения на понимания термина «услуга» – это «действие, приносящее помощь, пользу другому; те или иные хозяйственные удобства, предоставляемые населению, жильцу, помощь по хозяйству; прислуга, прислуживающие люди (устар.)». При этом заслуживает особого внимания то обстоятельство, что в понятии «работа» указанные ученые усматривают как саму деятельность по созданию или обработке материальных объектов, так и ее конечный результат, тогда как услуга трактуется ими исключительно как процесс удовлетворения чьей-либо потребности, без акцента на овеществленном исходе.

Категория «услуга» занимает пограничное положение между экономической теорией и юриспруденцией, в силу чего не обладает ни исключительно экономическим, ни сугубо юридическим содержанием, а представляет собой синтез элементов обеих дисциплин. Необходимость изучения услуги как экономической категории усиливается еще и тем, что правовая научная мысль не всегда успевает осваивать достижения экономической науки об инфраструктуре, сфере обслуживания, о категориях и видах услуг, в результате чего правовая проблематика сферы обслуживания оказывается в замкнутом юридическом круге [Красавчиков 1984: 16].

Рассматривая экономическую сторону понятия услуги, стоит обратиться к мнениям следующих ученых. М. Б. Россинский считает, что «услуга – это специфическая потребительская стоимость в форме конкретной трудовой деятельности и специфическая форма экономических отношений, предлагающих наличие производителя и потребителя услуг» [Россинский 1976: 8]. Близкую позицию занимает А. И. Кочерга, отмечающий, что по своей экономической природе услуга есть «определенное общественное отношение, которое складывается по поводу полезного действия труда, потребляемого в качестве товара, вещи или деятельности в присвоении его результатов» [Кочерга 1976: 67]. Н. Н. Иванов говорит о том, что услуга – это «деятельность, направленная на удовлетворение потребности путем предоставления (производства) соответствующих этой потребности благ материального и нематериального характера» [Иванов 2000: 4]. Схожее мнение имеет Е. П. Грушевая, которая определяет: «Услуга – это экономическое отношение не по поводу результатов труда, а по поводу труда как деятельности» [Грушевая 1982: 82].

Анализируя позиции указанных ученых, можно прийти к выводу о том, что услуга – это процесс деятельности, направленный на удовлетворение потребности благ материального и нематериального характера, без создания нового материального объекта.

В качестве примера можно привести оказание парикмахерских услуг: процесс стрижки или окрашивания волос является типичной услугой – нематериальной по своей сути, потребляемой в момент оказания, без передачи права собственности на что-либо осязаемое. Однако если та же деятельность включает, скажем, изготовление и установку парика по индивидуальному заказу, то результат приобретает материальный характер, то есть благо в форме вещи – парика.

Кроме того, в уголовном праве существует смежное понятие «работа», которое по своим характеристикам во многом совпадает с услугой, что существенно осложняет квалификацию деяний. Ярким примером служит приговор Майкопского районного суда Республики Адыгея от 2 октября 2024 года в отношении машиниста крана 4-го разряда П. Осуществляя выгрузку черепицы с бортовой платформы на строящемся объекте в селе Хамышки, подсудимый допустил нахождение постороннего лица в неогражденной опасной зоне погрузочно-разгрузочных работ. В результате падения стрелы крана-манипулятора случайный человек получил множественные телесные

повреждения, квалифицированные как тяжкий вред здоровью, от которых впоследствии скончался в больнице. Суд квалифицировал содеянное по ч. 2 ст. 216 УК РФ как нарушение правил безопасности при ведении иных работ, повлекшее по неосторожности смерть человека. При этом важно отметить, что указанные действия не были направлены на создание нового материального объекта, однако были признаны именно выполнением строительных работ.

В юрислингвистическом плане особое значение приобретает анализ семантических, прагматических и контекстуальных особенностей термина «услуга» в уголовно-правовом дискурсе. Как справедливо отмечает Н. Д. Голев, юридический язык отличается высокой степенью условности и отрывом от общенародного языка, что требует специальных правил толкования для разрешения полисемии и оценочных признаков [Голев 1999: 12]. В контексте статьи 238 УК РФ термин «услуга» проявляет свою бланкетную природу: его содержание раскрывается через отсылку к нормам гражданского законодательства, техническим регламентам Таможенного союза и Закону Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». При этом юрислингвистическое толкование позволяет разграничить услугу и смежное понятие «работа» по критерию отсутствия создания нового материального объекта и неотделимости процесса от источника.

Проанализировав мнения ученых различных отраслей права, мы пришли к выводу, что тяжело выделить универсальное понятие «услуга», которое будет соответствовать всем критериям, особенно в современном мире, когда появляются новые виды услуг. В связи с этим мы считаем необходимым выделить определенные характеристики, которые помогут разграничить услугу и смежные понятия в праве и сконструировать понятие «услуга», которое будет иметь значение для диспозиции ст. 238 УК РФ.

1. Неосязаемость. В отличие от материально-вещественного блага, которое можно взвесить, потрогать или подвергнуть химическому анализу, услуга как процесс деятельности не поддается предварительному реальному представлению или «прочувствованию» со стороны потребителя до момента ее предоставления. Это создает определенные трудности в восприятии и оценке.

2. Неотделимость услуг от их источника. В подавляющем большинстве случаев потребление услуги предполагает одновременное участие (взаимодействие) исполнителя и заказчика. При этом исполнителем может быть не только человек, но и техническое устройство или автоматизированная система. Примером может послужить получение наличных через банкомат, парк аттракционов.

3. Соответствие требованиям безопасности. Стоит отметить, что не все сферы услуг имеют нормативно-правовую базу, обеспечивающую безопасность предоставления услуг. Отсутствие требований и стандартов характерно для новых видов услуг. В этом случае стоит обращаться к ст. 7 Закона РФ от 07.02.1992 №2300-1 «О защите прав потребителей».

4. Недолговечность услуги связана с ее основным свойством – неосязаемостью и означает невозможность хранения услуги. Вследствие данной особенности очень жесткие требования предъявляются к знанию спроса и его колебаниям на конкретные виды услуг, ведь услуги нельзя выполнить «про запас» и где-то складировать. Более того, практически все услуги персонифицированы и индивидуализированы, даже если заказчиком является юридическое лицо или государство, поэтому производство услуги начинается с поступления «заказа» от потребителя.

5. Отсутствие передачи прав собственности при оказании услуги. Если, купив товар в материально-вещественной форме, покупатель автоматически приобретает и право собственности на него, позволяющее использовать этот физический товар по своему усмотрению, в том числе перепродать его, то сама услуга как таковая не становится собственностью покупателя, а право на ее оказание остается у производителя. Это отличает услуги от товаров в правовом аспекте, влияя на регулирование отношений в сфере.

По нашему мнению, указанные критерии обеспечивают более точное разграничение, позволяя определить, подпадает ли конкретное действие под категорию услуги либо под смежное понятие.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет сформулировать следующее авторское определение: под оказанием услуг в диспозиции статьи 238 УК РФ следует понимать общественные отношения между исполнителем и потребителем по совершению определенных действий или осуществление определенной деятельности, не завершающейся созданием нового материального объекта, направленных на удовлетворение потребностей потребителя и соответствующих обязательным требованиям безопасности жизни или здоровья, установленным нормативными правовыми актами Российской Федерации и техническими регламентами.

Кроме того, представляется целесообразным включить сформулированное понятие в текст постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 18. По нашему мнению, такое включение позволит добиться единообразия в судебной практике по делам о статье 238 УК РФ и сократить количество ошибок при отграничении этого состава от других преступлений.

Список источников

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».

Интернет-источник: интернет-сайт «aif.ru». URL: https://adigea.aif.ru/incidents/details/mashinista-krana-osudili-za-narushenie-pravil-bezopasnosti. (дата обращения: 24.03.2026).

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. 28-е изд., перераб. М., 2024.
Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М., 2008.
Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте Российской Федерации».

Литература

Бушев А. Б. Терминообразование в юридическом дискурсе и способы перевода терминов / Юрислингвистика. – 2010. – № 10(10). – С. 21-25.
Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999. – С. 11–58.
Грушевая Е. П. Обязательства по предоставлению услуг в хозяйственных отношениях / Советское государство и право. – 1982. – № 1. – С. 189.
Иванов Н. Н. Сфера услуг как объект исследования и управления. СПб., 2000. 22 с.
Кочерга А. И. Сфера обслуживания населения. М., 1976. С. 293.
Красавчиков О. А. Сфера обслуживания: гражданско-правовой аспект / Гражданское право и сфера обслуживания: Сб. науч. трудов. Свердловск, 1984. С. 5-29.
Россинский М. Б. Сфера услуг в экономике развития социализма: теорет. и методол. вопросы. Саратов, 1976. С. 8.

References

Bushev, A. B. (2010). Formation of Terms in Legal Discourse and Methods of Translating Terms. Jurislinguistics, 10(10), 21–25 (in Russian).
Golev, N. D. (1999). The Legal Aspect of Language from a Linguistic Perspective. Jurislinguistics-1: Problems and Prospects. Barnaul, 11–58 (in Russian).
Grushevaya, E. P. (1982). Obligations for the Provision of Services in Economic Relations. Soviet State and Law, 1, 189 (in Russian).
Ivanov, N. N. (2000). The Service Sector as an Object of Research and Management. St. Petersburg, 22 (in Russian).
Kocherga, A. I. (1976). The Sphere of Public Services. Moscow, 293 (in Russian).
Krasavchikov, O. A. (1984). The Service Sphere: A Civil Law Aspect. Civil Law and the Service Sphere: Collection of Scientific Works. Sverdlovsk, 5–29 (in Russian).
Rossinsky, M. B. (1976). The Service Sector in the Economy of Socialist Development: Theoretical and Methodological Issues. Saratov, 8 (in Russian).

Citation:
Гайворонский А. В. О содержании понятия «услуга» как признака преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 36-40.
Gaivoronsky A. V. (2026) On the Intension of the Concept of “Service” as an Element of the Crime in Violation of Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. Legal Linguistics, 40, 36-40.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 40, 41-47, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4007

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА *УДК 340.15, ББК 67.3, ГРНТИ 10.01.09, Код ВАК 5.1.1*

Методология в научных исследованиях истории русского права В. Н. Латкина: преемственность и оригинальность

Р. Д. Гилёв

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: Roman12g@yandex.ru

Статья посвящена исследованию целей, задач и методов, используемых в научных трудах, статьях и рецензиях известного историка русского права, заслуженного профессора Императорского Санкт-Петербургского университета Василия Николаевича Латкина. Основанная заслуженным профессором Императорского Санкт-Петербургского университета В. И. Сергеевичем школа истории русского права в Императорском Санкт-Петербургском университете продолжилась в работах его учеников: В. Н. Латкина, М. И. Дьяконова, Д. А. Одинца, Н. Н. Дебольского и многих других. Особый интерес представляют методологические установки В. Н. Латкина, которые являются фактически продолжением установок В. И. Сергеевича, признанного авторитета в области государственного права и истории права, но при этом имеют свои отличия и особенности.

Преемственность в работах В. Н. Латкина выразилась не только в использовании схожих методов познания истории русского права и использовании сравнительного и историко-юридического методов, как основных, но и в схожем предмете научных интересов. Заслуживает внимания дискуссия В. Н. Латкина с представителем другого методологического направления, а именно социологического, Н. И. Кареевым, по поводу приемов сравнительного изучения политических собраний.

Задача историко-юридического метода формулируется В. Н. Латкиным как в его работах, так и в критических статьях на работы своих коллег, в частности в рецензиях на работы В. И. Сергеевича и М. И. Дьяконова. Системно задачи истории права и его цели В. Н. Латкин формулирует следующим образом: «Задача истории права вообще есть научная разработка юридического быта известного народа в его историческом развитии. Цель подобной разработки в раскрытии законов, регулирующих юридическую жизнь народа, т. е. управляющих постепенным развитием правовых норм с одной стороны, и форм их выражения и осуществления на практике, с другой».

В настоящее время имя В. Н. Латкина незаслуженно забыто, но его вклад в развитие историко-правовой мысли России является несомненным.

Ключевые слова: В. Н. Латкин, В. И. Сергеевич, Н. И. Кареев, методология истории русского права, школа истории русского права.

Methodology in Academic Research of History of Russian Law by V.N. Latkin: Succession and Originality

R. D. Gilev

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: Roman12g@yandex.ru

The article considers the goals, objectives and methods used in academic works, articles and reviews of the famous historian of the Russian law, Honored Professor of the Imperial Saint Petersburg University, Vasily Nikolaevich Latkin. The school of the History of the Russian law founded by the Distinguished Professor V.I. Sergeevich at the Imperial Saint Petersburg University, continued its work in learned writings of his students: V.N. Latkin, M.I. Dyakonov, D.A. Odinets, N.N. Debolsky and many others. Of particular interest are the methodological guidelines by V.N. Latkin, which are actually an extension of the guidelines of V.I. Sergeevich, a recognized authority in the sphere of state law and the history of law, but they have their own distinction and peculiarities.

The succession in V.N. Latkin's works was expressed not only in the use of similar methods of study of the history of the Russian law and predominance of comparative, historical and legal methods, but also in the similar areas of expertise. The

discussion of V.N. Latkin with a representative of another methodological field, namely the the sociological N.I. Kareev, about the methods of comparative study of political assemblies deserves attention.
The task of the historical and legal method is formulated by V.N. Latkin both in his own works and in his reviews of the works of his colleagues, in particular in reviews of the works of V.I. Sergeevich and M.I. Dyakonov. V.N. Latkin makes a systematic description of the tasks of the history of law and its goals as follows: «The task of the history of law in general is academic enquiry into the legal being of a certain nation in its historical development. The purpose of such enquiry is to reveal the laws governing the legal life of the people, id est, governing the gradual development of legal norms on the one hand, and the forms of their expression and implementation in practice, on the other».

Key words: V.N. Latkin, V.I. Sergeevich, N.I. Kareev, methodology of the history of Russian law, school of the history of Russian law.

В. Н. Латкин не оставил специальных работ, посвященных методологии или теории познания, но, будучи учеником заслуженного профессора Императорского Санкт-Петербургского университета В. И. Сергеевича, признанного авторитета в области государственного права и истории права, он безусловно является продолжателем его методологических установок в изучении истории русского права, при этом по некоторым вопросам имея и свое особое мнение. В. И. Сергеевич, работая в рамках «историко-юридического направления», сформулировал теоретическое обоснование и практическое применение методов правового исследования на историческом материале, создав яркую и своеобразную концепцию отечественной истории.

Отношения между правоведами В. И. Сергеевичем (1832-1910) В. Н. Латкиным (1858-1927) носили характер глубокой научной преемственности и профессиональной критики. Как писал В. Н. Латкин: «Сергеевича, не ошибаясь можно назвать одним из основателей науки истории русского права [Латкин 1911: 19].

Известный историк М. И. Дьяконов говорил, что без исследований В. И. Сергеевича «не может обойтись ни один серьезный любитель родной старины. От Сергеевича надо исходить или к нему подходить, но миновать его нельзя. Такова судьба ученого таланта» [Дьяконов 1912: 40].

Методология В. И. Сергеевича была основана на позитивном методе – подходе, который, по мнению ученого, устанавливает правильные основы научного исследования государственно-правовых явлений. Общий взгляд Сергеевича на право наиболее полно проявился в основном его теоретическом труде «Задача и метода государственных наук», представляющем его философское кредо [Медушевский 1993: 54].

Историческая школа права по своим задачам и методу представляет собой полную противоположность философским доктринам права. В отличие от последних задача исторической школы права состояла в разработке конкретного исторического материала с целью раскрытия духа и эволюции правовых норм, причем нормы эти выявлялись при анализе источников. Наиболее перспективной Сергеевич признает идею о том, что право создается не произволом законодателя, а вырабатывается исторически, в ходе развития народного сознания, так же, как язык и нравы.

В области социальных явлений невозможно провести эксперимент. Это не позволяет довольствоваться при изучении социальных фактов одними приемами наведения (индукция), а делает необходимым и обращение к выведению (дедукция). Индуктивный метод наблюдения, по мнению Сергеевича, позволяет собрать и сравнить факты, установить эмпирические законы, под которыми понимаются такие аналогии существования.

В. И. Сергеевич одним из первых указал на перспективность применения сравнительного метода для лучшего объяснения явлений русской истории. Он является продолжателем так называемого «младшего поколения» государственной (юридической) школы, в которой наметился переход от философии немецкого идеализма к позитивному методу. Концепция исторического процесса приобрела парадигму постепенной эволюции политико-юридических форм. Право создается не произволом законодателя, а вырабатывается исторически, в ходе развития народного сознания [Иллерицкая 1998: 14].

Нам представляется интересным проследить цели, задачи и методы исторической школы русского права, в том числе разработанные В. И. Сергеевичем, которые были использованы в трудах В. Н. Латкина.

Труды обоих ученых считаются классическими в области истории русского права. Учебник Латкина «Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX в.в.)» рассматривается как концептуальное продолжение знаменитых «Лекций по древней истории русского права» Сергеевича.

Взгляды В. Н. Латкина на изучение истории русского права можно проследить по его многочисленным работам и рецензиям. Одним из основных направлений в работах В. Н. Латкина являлась тема народного представительства в России.

В 1885 году он защищает магистерскую диссертацию по теме «Земские соборы Древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. Историко-юридическое исследование Василия Латкина».

Важнейшей целью исследования являлось создание более или менее подробной и полной истории земских соборов как представительных учреждений.

Среди многих методов, таких как сравнительно-правовой, историко-юридический анализ, метод источниковедческого анализа, формально-юридический метод, которыми пользуется Латкин в своей работе, основным является сравнительно-правовой (далее сравнительный метод). Сравнительный метод позволяет выявить общее и особенное в историческо-правовых явлениях, определять их связи между собой и с другими явлениями,

общее и особенное в их развитии. Ученый использует этот метод для анализа правовых явлений, законодательства и правовых институтов

В. Н. Латкин, сравнивая земские соборы с представительными органами других стран, приходит к выводу, что народные собрания в своей примитивной форме, то есть «в форме поголовного участия всех свободных людей дольше всего сохранилось в России». Эту особенность древнерусского политического строя он объясняет тем, что в древнерусском обществе не сложилось высшего класса подобно тому, что существовал в западноевропейских обществах.

Ученый констатирует в исследовании отсутствие преемственности между вечем и земским собором. Россия не знала той переходной формы, которая существовала в западноевропейских странах между первичными народными собраниями и представительными учреждениями [Латкин 1885: 25]. В Земских соборах «принимало также участие изрядное количество лиц, прозывавшихся поголовно, благодаря своему социальному положению». Он делает вывод о том, что «соборы не были исключительно представительными учреждениями».

В качестве особенностей древнерусской политической жизни В. Н. Латкин выделял ее чуждость «всякой юридической определенности». Отсутствие у земских соборов юридической основы было, по его мнению, причиной того, что они прекратили свое существование без всякой борьбы [Латкин 1885: 409].

Работа вызвала большой резонанс и получила много критики как положительной, так и отрицательной. Для нас наибольший интерес представляют замечания, в том числе направленные на критику методов исследования данной работы.

Как отмечал историк русского права М. А. Липинский в работе «Критика и библиография: В. Н. Латкин. Земские соборы древней Руси» [Липинский 1886: 107], В. Н. Латкин рассматривает вопрос о древнерусском сословном представительстве в сравнительно-историческом плане, при этом значительно расширяет рамки наблюдений, дополняя материал данными по Германии, Испании, Швеции, Венгрии.

М. А. Липинский, как и другие современники, высоко оценил масштаб проделанной Латкиным работы. Основные замечания касаются юридической природы земских соборов: он оспаривает тезис ученого о земских соборах как о полноценном, постоянно действующем и юридически оформленном сословно-представительном учреждении, сравнимом с западноевропейскими парламентами. Он больше фокусируется на источниковедческой стороне вопроса, критикуя некоторые выводы Латкина, основанные на интерпретации найденных документов, а не на их безусловном признании как доказательств существования именно правового института, а не разовых совещаний по инициативе царя.

В. И. Сергеевич в разборе сочинения В.Н. Латкина «Земские соборы древней Руси» [Сергеевич 1885: 4] писал, что «г. Латкина можно упрекнуть скорее в том, что он выходит за пределы своей задачи и говорит о предметах, которые мог бы обойти молчанием, чем в неполноте. Так говоря об избирательном соборе 1613 г, он целых 20 стр. посвящает изложению обстоятельств избрания Михаила Федоровича на престол. Приводимые им подробности не относятся к истории соборов. В разделе, посвященном собору 1648-9 г., он делает обстоятельную сводку всего, высказанного в нашей литературе о том, в каких именно статьях Уложения можно видеть следы работы чинов этого собора. Это, конечно, чрезвычайно важный вопрос истории составления Уложения и, хотя касается деятельности уложенного собора, но специальная его разработка не обязательна для автора «истории соборов в древней Руси».

То есть В. И. Сергеевич критикует В. Н. Латкина за то, что тот по сути отклоняется от цели, поставленной в работе, дополняя ее информацией, не относящейся к теме исследования. Но хвалит за то, что ученый дает весьма богатый материал для изучения сходств и различий сравниваемых им учреждений.

По мнению В. И. Сергеевича, «...сравнительное изучение явлений общественного быта так еще юно, приемы его еще мало установились, что в этой области каждому исследователю приходится идти ощупью и самому прокладывать себе дорогу» [Сергеевич 1885: 15].

В противовес замечаниям, озвученным В. И. Сергеевичем, интересна дискуссия, которая произошла на страницах журнала «Юридический вестник» в 1886 году между русским историком и социологом Н. И. Кареевым и В. Н. Латкиным.

Н. И. Кареев отметил односторонность подхода при сравнении наших старых земских соборов с аналогичными собраниями в других европейских государствах. Кареев ставит вопрос: «...насколько выработаны у автора сами приемы предпринятого им сравнительного изучения политических собраний, под категорию коих подходят и земские соборы, и насколько детально изучены им сравниваемые явления» [Кареев 1886: 255].

Н. И. Кареев называет прием, выработанный у Латкина, не сравнительным, а сопоставительным, потому что автор рассматривает политические собрания в каждой стране отдельно, включая в описание всех этих учреждений все, что о них можно было собрать по имевшимся под руками пособиям до процессуальной формалистики и церемониалов [Кареев 1886: 258].

По мнению Кареева, Латкину нужно было самому сделать настоящее сравнение, а для этого он должен был бы не только описать, но и анализировать каждое явление по отдельным его сторонам, классифицировать однородные факты по известным рубрикам, произвести некоторый научный синтез. Кареев пишет: «Задача сравнительного метода не в одном установлении аналогий: в делах исторических то, что индивидуализирует факт при общей его основе с другими однородными фактами, – имеет не меньшее значение, а эта то сторона дела автором забыта там, где ее нужно было выдвинуть».

В. Н. Латкин в ответ, в № 5 журнала «Юридический вестник», пишет: «г. Кареев “жалеет”, что я не уяснил себе настоящей цели настоящих приемов сравнительного изучения, вследствие чего применил сравнительный метод далеко неправильно или, лучше сказать совсем не применил, заменив его методом сопоставительным».

Кареев излагает сущность сравнительного метода, говорит об анализе каждого явления по отдельным его сторонам, о классификации однородных фактов по известным рубрикам, о производстве научного синтеза и т. п. Латкин пишет: «Таким образом, из этого возражения видно, что г. Кареев думает, будто я задался такими же широкими задачами в применении сравнительного метода какие, например, мы находим в лекциях Фримана о сравнительной политике, но не был в состоянии осуществить их, как следует. Однако такими задачами я никогда и не думал задаваться; во-первых, потому что создание подобной грандиозной работы, как мне кажется, совершенно не по силам одному человеку, а во-вторых, потому, что даже при всем моем желании провести сравнение между нашими соборами и западноевропейскими собраниями по плану, рекомендуемому Фриманом, такая работа не могла бы быть исполнена вследствие неравномерности материала» [Латкин 1886: 132].

Вопрос об образовании представительства является одним из самых сложных и трудно разрешимых в исторической науке. Можно сказать, что при современном уровне знания этот вопрос едва ли может быть вполне удовлетворительно разрешен. Конгрессивность не является необходимым элементом политических собраний, так как могли быть собрания, не имевшие характера конгрессов.

В ответе на ответ В. Н. Латкина Кареев пишет: «на самом деле никакой теории я не выставлял, находя неудовлетворительным в книге г. Латкина применение сравнительного метода, я позволил себе слегка наметить некоторые аналогии между средневековыми сословно-представительными учреждениями на западе. Общий вывод что Латкин частное обобщение с оговорками принял и выдал за общую теорию с всеобъемлющим характером и стал возражать против того, что совершенно напрасно мне приписал».

Главные упреки Кареева сводятся к следующему: во-первых, Латкин не выработал приемов сравнительного изучения и дает только материал для сравнения, довольно обильный, но совершенно часто лишний в виду чересчур общих выводов; во-вторых, он недостаточно детально изучил сравниваемые явления. Главный упрек касательно детальных описаний заключается в указании на недостаток анализа общего социального строя, породившего то или другое политическое собрание [Латкин 1886: 133].

По нашему мнению, данная дискуссия относится не только к характеру использования сравнительного метода, но и к методологическому спору, поскольку Н. И. Кареев является одним из авторов социологического метода в истории российской науки, в то время как В. Н. Латкин в большей степени является сторонником использования историко-юридического метода.

В своей докторской диссертации, выпущенной в 1887 году в виде отдельной книги под названием «Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Историко-юридическое исследование», В. Н. Латкин через призму исторического опыта (метод, ранее уже им использованный), с опорой на ранее не исследованные документы пытается проследить деятельность законодательных комиссий от Петра I до Екатерины II. В предисловии к книге ученый пишет: «Изданием Уложения царя Алексея Михайловича не могла завершиться законодательная деятельность Московского государства и этот памятник, само собой разумеется, не мог быть последним словом законодательства. Юридическая жизнь народа продолжала прогрессировать, а, следовательно, продолжались создаваться новые отношения и новые потребности, регулировать и удовлетворять которые уже не могло Уложение, как изданное в то время, когда не было еще ни этих отношений, ни этих потребностей. Составители Уложения предвидели возможность возникновения новых законов, а потому и постановили дополнять Уложение по мере возникающих случаев. В сравнительно небольшой промежуток времени от 1649 г. до начала единодержавного царствования Петра было издано огромное число (слишком полторы тысячи) указов, боярских приговоров, уставных грамот, соборных определений и т. п. законодательных актов, получивших название новоуказных статей» [Латкин 1887: 3].

Цель исследования, обозначенная В. Н. Латкиным, – выявить правовые воззрения разных слоев общества, выраженные в наказах в Уложенную комиссию 1767 года.

Кроме историко-юридического метода В. Н. Латкин в данной работе использует комплекс методов: сравнительный, системный, источниковедческий. При анализе текстов дворянских и городских наказов Латкин раскрывает содержание наказов, сопоставляет их с проектами, увидевшими свет уже после роспуска Уложенной комиссии. Латкин рассматривает Манифест от 14 декабря 1766 года, который издавался в связи с важнейшими событиями в политической жизни страны, к которым относилось собрание Уложенной комиссии 1767 года.

Рецензию на книгу В. Н. Латкина «Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Историко-юридическое исследование» написал известный историк архивист А. Н. Зерцалов. Его замечания и поправки сводятся к следующему:

а) доказано, что мысль, будто приказы не располагали вспомогательными средствами для скорой выдачи справок, есть напрасное обвинение, взводимое автором на приказные архивы XVII в. В. Н. Латкин полагает, что для отыскания указов в приказах не было никаких вспомогательных средств и руководством в таких случаях служила единственная память дьяков и подьячих, обращавшихся продолжительное время с делами [Зерцалов 1888: 3];

б) собраны по документам бывшего Поместного приказа и Правительствующего Сената данные, освещающие в некоторых отношениях Историю Законодательных Комиссий 1700 г., а главным образом 1714 г., 1718 г., 1723 г., 1724 г. и Малороссийской Комиссии за время пребывания ее в Москве в 1735 году. В. Н. Латкин считает, что о подготовительных работах для Уложенной комиссии 1718 г. почти не имеется никаких сведений [Зерцалов 1888: 13].

Главным достижением работы стало введение в научный оборот огромного количества неизвестных ранее архивных документов из Второго отделения Собственной канцелярии. В. Н. Латкин систематизировал и опубликовал материалы, охватывающие почти полуторавековую историю законодательных попыток, что стало ценнейшим вкладом в источниковедение русского права.

Основное возражение со стороны современников, включая В. И. Сергеевича, касалось оценки Латкиным правового значения этих законодательных комиссий. Латкин утверждал, что деятельность комиссий (от Петра I до Екатерины II) представляла собой непрерывный и последовательный процесс стремления русского правительства к созданию полноценного и систематизированного законодательства. Критики же считали этот процесс хаотичным, несистемным и зачастую бесплодным. Они оспаривали наличие единой, четко выраженной правовой идеи в деятельности разных комиссий XVIII века. Также Латкин получил долю критики за излишнюю идеализацию и преувеличение юридической оформленности и преемственности в работе этих комиссий, порой в ущерб реальным историческим фактам и политическим условиям, в которых они функционировали.

По нашему мнению, представляет интерес рецензия В. Н. Латкина на книгу М. И. Дьяконова «Власть московских государей; очерки из истории политических идей древней Руси», в которой он формулирует задачу историко-юридического метода. В данной рецензии он пишет: «Само собой разумеется, что для выяснения значения Византийского влияния, как фактора образования самодержавия русских государей, необходимо прежде всего изучить строй государственных и общественных отношений Византии, ее политическую историю. Только произведя подобную работу, можно до известной степени безошибочно определить степень византийского влияния в области русского государственного права вообще, и в отношении образования самодержавной власти русских государей в частности». В. Н. Латкин, характеризуя каждую из шести глав книги, приходит к выводам, что Дьяконов, за исключением последней главы, мало обращается к фактам, от этого теряется юридический характер в других главах, из обширной области отношений между государем и служилыми людьми произвольно берет одну сторону, именно вопрос о праве отъезда и приезда служилых людей, между тем как вопрос об отношениях между государем и членами служилого класса в сфере государственного управления упускает из виду [Латкин 1890: 452].

Также в упрек Дьяконову ставятся следующие замечания: положения автора не отличаются определенностью и ясностью, поэтому они не редко даже взаимно исключают друг друга; мнения, даже которые являются совершенно верными, к сожалению, совсем недосказаны и являются голословными; совершенно игнорируется автором изучение строя политических и общественных отношений древней Руси с целью выяснения основных начал этого строя; автором придается большое значение некоторым событиям, при этом упускаются другие, без которых эти события бы не состоялись; излагает только те памятники письменности, которые были проводниками византийского влияния.

По мнению В. Н. Латкина, Дьяконову нужно было изучить строй политических и общественных отношений Московского государства и выяснить основные начала, легшие в основание его; тогда можно было бы показать, во-первых, отразилось ли византийское влияние на государственном быте Москвы и, во-вторых, если отразилось, то в чем именно? Таким образом, результатом подобной работы было бы уяснение степени византийского влияния, т. е. определение роли и значения византийских теорий в качестве одного из факторов государственного строя Москвы вообще и самодержавной власти московского государя в частности.

Таким образом, подытоживает Латкин, если бы Дьяконов руководствовался в своих очерках указанным выше методом, обязательным в юридическом исследовании, то он увидел бы, что, хотя византийское влияние несомненно существовало в Москве, но что в общем государственный и общественный быт московского государства далеко не был скроен по Византийскому образцу и обладал многими оригинальными и самобытными чертами, являющимися продуктом долгой исторической жизни русского народа [Латкин 1890: 456].

Системно задачи истории права и его цели В. Н. Латкиным были сформулированы в работе «Лекции по внешней истории русского права. Московское государство – Российская империя. 1890». Задача науки истории русского права, по мнению Латкина, состоит в раскрытии, во-первых, форм в которых юридические нормы и институты выражались и осуществлялись на практике, и, во-вторых, сущности, содержания и основных начал самих юридических норм и институтов.

Из двойственного характера задачи науки истории русского права, по Латкину, логически следует распадение ее как бы на две науки: историю внешнюю или историю источников права (юридических обычаев и законодательных памятников) и историю внутреннюю или историю норм и институтов. Внешняя история исследует обычное право, в отношении законодательных памятников показывает причины появления последних, т. е. мотивы и цели, руководившие законодателем при их издании, затем элементы, легшие в основание памятников или их источники, внешний состав и содержание памятников и, наконец, их соотношение с другими, как предшествующими им, так и последующими за ними памятниками, т. е. общее значение каждого памятника в целой системе современного ему законодательства. Внутренняя история права занимается раскрытием законов, регулирующих постепенное развитие юридических норм и институтов. В ее задачу входит изучение сущности, содержания и основных начал, а также внутренней связи и последовательности таких норм, как по отдельным памятникам, так и по эпохам развития законодательства [Латкин 1888: 2].

Из определения внешней и внутренней истории права вытекает их соотношение. По мнению Латкина, разработка источников права – главная цель внешней истории. Всесторонне изучение внутренней истории возможно только после основательной критической оценки источников права по их форме и содержанию.

Внешняя история права, изучая отдельные источники права, работает для очистки материала, оперирование над которым составляет функцию внутренней истории. Ввиду того, что наука истории права имеет дело с законами

развития юридического быта известного народа, необходимо изучать ее по отдельным периодам, в которых отразилась последовательность этого развития. Основанием деления истории известного народа на периоды являются внутренние отличительные свойства каждого периода, те присущие ему особенности и специфические черты, которые отличают один период от другого.

Историческое развитие юридической жизни русского народа прошла через три периода, а именно: удельно-вечевой, период Московского государства и период Империи [Латкин 1909: 2].

При разработке памятников подлежат рассмотрению следующие основные вопросы.

1. История каждого памятника по отдельности. Здесь необходимо указать: причины издания памятника – мотивы и цели, руководившие законодателем при издании памятника; элементы, легшие в основание памятника, или его источники; редакцию памятника, т. е. как он составлен, в какое время, при участии каких лиц, учреждений и вообще органов законодательной власти; дальнейшую судьбу памятника – силу и действие его в последующие эпохи развития законодательства; наконец, научную обработку и литературу памятника.

2. Система и содержание памятников. Исследование их со стороны формы может состоять в указании внешних особенностей – языка, системы, порядка образования и распределения отдельных постановлений памятников. Само содержание их настолько может быть предметом исследования в этой части науки, насколько это необходимо для общего знакомства с памятниками.

3. Необходимо показать общее значение каждого памятника в целой системе современного законодательства, чтобы таким образом яснее определить общее направление законодательства данной эпохи.

Внешняя история сама по себе еще недостаточна для полного знакомства с постепенным ходом развития законодательства [Латкин 1909: 3].

Анализ работ В.Н. Латкина дает основания утверждать, что его методология, так же, как и методология В. И. Сергеевича, основана на позитивном методе исторической школы права. В отличие от В. Н. Латкина, В. И. Сергеевич придерживался более догматичных оценок, в то время как Латкину свойственна идеализация и преувеличение, например при оценке деятельности законодательных комиссий и их юридической оформленности и преемственности.

Историко-юридический метод является базовым, но Латкин в своих трудах не забывает и активно использует сравнительный, системный, источниковедческий методы, а также элементы будущего социологического метода, за что получает изрядную долю критики.

Задача исторической школы права состоит в работе с конкретным историческим материалом с целью раскрытия духа и правовых норм. На примере трудов В. Н. Латкина это можно увидеть в исследовании Земских соборов, где главной целью является создание более или менее подробной и полной истории данных представительных органов или Законодательных комиссий; через призму исторического опыта, с опорой на ранее неисследованные документы в своей работе автор пытается проследить их деятельность.

В работах В. Н. Латкина прослеживается концептуальная преемственность трудов В. И. Сергеевича: 1. «Земские соборы в Московском государстве» Сергеевича – «Земские соборы Древней Руси...» Латкина; 2. «Материалы Екатерининской комиссии» Сергеевича – «Законодательные комиссии...» Латкина; 3. «Лекции по древней истории русского права» Сергеевича – «Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX в.в.)» Латкина.

Хотя взгляды В. И. Сергеевича и оказали на В. Н. Латкина огромное влияние, широкая документальная база исследований и владение научными методами, его профессионализм во многом предопределили результаты его научных исследований, позволили вывести историю русского права на новый уровень.

Работы В. Н. Латкина продолжают переиздаваться в настоящее время и используются в качестве учебных пособий, формируя базу знаний об истории русского права. Методологические подходы, используемые Латкиным (сравнительный метод, изучение исторической преемственности), лежат в основе современных историко-правовых исследований. Подготовленные и собранные им материалы по Истории Земских соборов и Законодательных комиссий сохраняют научную актуальность как важнейшие источники по истории государственных институтов России и их эволюции.

Литература

Латкин В. Н. Памяти В. И. Сергеевича / Журнал министерства юстиции. – 1911. – № 2. – С. 19-44.

Дьяконов М. А. В. И. Сергеевич и его ученые труды. СПб. 1912.

Медушевский А. Н. История русской социологии. М., 1993.

Иллерецкая Н. В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М., 1998.

Латкин В. Н. Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями: историко-юридическое исследование Василия Латкина. СПб., 1885.

Липинский М. А. Критика и библиография: В. Н. Латкин. Земские соборы древней Руси. Спб. 1885 : [рец.] / Журнал министерства народного просвещения. - 1886 – Т. 245. – С. 106-144.

Сергеевич В. И. Разбор сочинения г. В. Латкина "Земские соборы древней Руси". СПб., 1885.

Кареев Н. И. Земские соборы древней Руси / Юридический вестник: издание Московского юридического общества. - Г. 18. 1886, т. 21, № 2. - С. 255-268.

Латкин В. Н. «Ответ на рецензию. Возражение г. Карееву по поводу его разбора книги „Земские соборы древней Руси“»/ Юридический вестник: издание Московского юридического общества. - Г. 18. 1886, № 5. - С. 132–147.
Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. : Ист.-юрид. исслед. В. Н. Латкина. СПб.,1887.
Зерцалов А. Н. Замечания на книгу «Законодательные комиссии в России в 18 ст., историко-юридическое исследование В. Н. Латкина. Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1888. Кн. 1. т. 1.
Латкин В. Н. Рецензия на книгу М. И. Дьяконова «Власть московских государей; очерки из истории политических идей древней Руси. Спб 1889 / Исторический вестник: историко-литературный журнал. - [Т. 39]. Февраль: Год 11. - 1890. - С. 241-496.
Латкин В. Н. Лекции по внешней истории русского права : Московское государство - Российская империя. СПб., 1888.
Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода Империи (XVIII-XIX ст.). СПб., 1909.

References

Latkin, V. N. (1911). In memory of V. I. Sergeevich. Journal of the Ministry of justice, 2, 19-44 (in Russian).
Dyakonov, M. A. (1912). V. I. Sergeevich and his scientific works. St. Petersburg (in Russian).
Medushevsky, A. N. (1993). The History of Russian Sociology. Moscow (in Russian).
Illeretskaya, N. V. (1998). Historical and legal trend in Russian historiography of the second half of the 19th century. Moscow (in Russian).
Latkin, V. N. (1885). Zemsky cathedrals of ancient Russia, their history and organization in comparison with Western European representative institutions: a historical and legal study by Vasily Latkin. St. Petersburg (in Russian).
Lipinsky, M. A. (1886). Criticism and bibliography: V. N. Latkin. Zemsky cathedrals of ancient Russia. St. Petersburg. 1885. Journal of the Ministry of National Education, 245, 106-144 (in Russian).
Sergeevich, V. I. (1885). Analysis of G. V. Latkin's work "Zemsky Cathedrals of ancient Russia". St. Petersburg (in Russian).
Kareev, N. I. (1886). Zemsky sobory of ancient Russia. Legal Bulletin: publication of the Moscow Law Society, 18, 21, 2, 255-268 (in Russian).
Latkin, V. N. (1886). "Response to the review. Objection to G. Kareev about his analysis of the book "Zemsky Sobors of ancient Russia. Legal Bulletin: publication of the Moscow Law Society, 18, 5, 132-147 (in Russian).
Latkin, V. N. (1887). Legislative commissions in Russia in the XVIII century. : Ist.-jurid. V.N. Latkin's research. St. Petersburg (in Russian).
Zertsalov, A. N. (1888). Comments on the book "Legislative Commissions in Russia in the 18th century, historical and legal research by V.N. Latkin. Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities. Book 1. vol. 1 (in Russian).
Latkin, V. N. (1890). Review of M.I. Dyakonov's book "The Power of the Moscow Sovereigns; essays from the history of Political Ideas of Ancient Russia. St. Petersburg, 1889. Historical Bulletin: historical and literary journal. Vol. 39. February: The year 11, 241-496 (in Russian).
Latkin, V. N. (1888). Lectures on the external history of Russian Law : The Moscow State - the Russian Empire. St. Petersburg (in Russian).
Latkin, V. N. (1909). Textbook of the history of Russian law of the Empire period (XVIII-XIX centuries). St. Petersburg (in Russian).

Citation:
Гилёв Р. Д. Методология в научных исследованиях истории русского права В.Н. Латкина: преемственность и оригинальность // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 41-47.
Gilev R. D. (2026) Methodology in Academic Research of History of Russian Law by V.N. Latkin: Succession and Originality. Legal Linguistics, 40, 41-47.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 40, 48-53, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4008

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА *УДК 343.133, ББК 67.408, ГРНТИ 10.77.51, Код ВАК 5.1.4*

Сущность государственного обвинения в правосудии

Т. В. Якушева[1], И. А. Анисимова[2], Л. Г. Суханова[3], С. А. Горовой[4]

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: [1]tamara.yakusheva@mail.ru, [2]anisimovaia@bk.ru, [3]lida.suxanova.89@mail.ru

[4]Прокуратура Алтайского края

Новосибирская 1а, 656922, Барнаул, Россия. E-mail: svyatoslav_gorovoy@inbox.ru

Статья посвящена комплексному анализу понятия государственного обвинения в системе уголовного судопроизводства Российской Федерации. Рассматриваются теоретические подходы к определению сущности государственного обвинения, его соотношение со смежными категориями – обвинением и уголовным преследованием. Анализируются нормативно-правовые основы института государственного обвинения, закрепленные в Конституции Российской Федерации, Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации и Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации». Выделены ключевые функции государственного обвинителя в судебном разбирательстве по уголовным делам. Приведены научные дискуссии о материально-правовом и процессуальном понимании обвинения. Особое внимание авторами обращается на совершенствование института отказа прокурора от обвинения. Отмечается, что на практике использование данного полномочия остается крайне редким, что обусловлено как сложившейся корпоративной культурой и статистической оценкой работы органов прокуратуры, так и отсутствием достаточных гарантий независимости прокурора при принятии решения об отказе. В этой связи предлагается нормативно закрепить ситуации, когда отказ от обвинения выступает не правом, а обязанностью прокурора при очевидной недоказанности обвинения, а также предусмотреть механизмы, исключающие негативные организационные последствия для прокурора, добросовестно реализовавшего такое полномочие. По мнению авторов, это будет способствовать реальному укреплению презумпции невиновности и снижению обвинительного уклона. Акцентируется внимание на недостаточном законодательном урегулировании участия группы государственных обвинителей, так как в практике все чаще встречаются случаи поддержания обвинения группой прокуроров по сложным и резонансным делам, однако законодатель и ведомственные акты не в полной мере определяют распределение ролей, ответственность за процессуальные решения и порядок согласования позиции. Сформулированы выводы о проблемах реализации функции государственного обвинения и предложены рекомендации по совершенствованию правового регулирования данного института.

Ключевые слова: государственное обвинение, прокурор, уголовное преследование, состязательность сторон, функция обвинения.

The Nature of State Prosecution in Administration of Justice

T. V. Yakusheva[1], I. A. Anisimova[2], L. G. Sukhanova[3], S. A. Gorovoy[4]

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: [1]tamara.yakusheva@mail.ru, [2]anisimovaia@bk.ru, [3]lida.suxanova.89@mail.ru

[4]Prosecutor's Office Altai Territory

1a Novosibirsk st., 656922, Barnaul, Russia. E-mail: svyatoslav_gorovoy@inbox.ru

The article provides a comprehensive analysis of the concept of public prosecution in the criminal justice system of the Russian Federation. It examines theoretical approaches to defining the essence of public prosecution and its relationship with related categories such as accusation and criminal prosecution. The article also analyzes the legal and regulatory foundations of the public prosecution institution, which are enshrined in the Constitution of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation." The article highlights the key functions of the public prosecutor in criminal proceedings. It also presents scientific discussions on the substantive and procedural understanding of the concept of prosecution. The authors pay special attention to the

improvement of the institution of the prosecutor's refusal to bring charges. It is noted that in practice, the use of this authority remains extremely rare, which is due to both the established corporate culture and the statistical assessment of the work of prosecutor's offices. In this connection, it is proposed to legislatively define the situations in which the withdrawal of charges constitutes not merely a right, but a duty of the prosecutor, specifically when the charges are manifestly unsubstantiated, and also to establish mechanisms that would preclude any adverse organizational consequences for a prosecutor who has acted in good faith when exercising such a power. According to the authors, this will serve to genuinely strengthen the presumption of innocence and to reduce prosecutorial bias. The focus is placed on the inadequate legal framework governing the participation of multiple state prosecutors. While the practice of having a team of prosecutors handle the prosecution in complex and high-profile cases is becoming increasingly common, neither the legislator nor departmental regulations sufficiently define the allocation of roles, the responsibility for procedural decisions, or the process for reaching a unified prosecutorial position. Conclusions are drawn concerning the challenges in the implementation of the state prosecution function, and recommendations are made for the improvement of the legal regulation of this legal institute.

Key words: public prosecution, prosecutor, criminal prosecution, adversarial system, function of the prosecution.

Государственное обвинение является одним из центральных институтов уголовного судопроизводства, обеспечивающим реализацию принципа состязательности сторон и справедливость уголовного судопроизводства. Именно посредством государственного обвинения государство реализует свою обязанность по уголовному преследованию лиц, совершивших преступления, и обеспечивает защиту прав потерпевших. Вместе с тем, несмотря на фундаментальное значение данного института, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации отсутствует легальная дефиниция понятия «государственное обвинение», что порождает научные дискуссии и практические затруднения [Пеканова 2020: 311].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в п. 22 ст. 5 определяет лишь понятие «обвинение» как утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ. При этом понятие «государственное обвинение» в тексте Кодекса используется, но нигде не раскрывается, что является существенным пробелом в понятийном аппарате уголовно-процессуального права. Согласно п. 6 ст. 5 УПК РФ, государственный обвинитель определяется как поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры.

В науке уголовного процесса традиционно выделяются несколько подходов к пониманию обвинения. В соответствии с первым подходом обвинение рассматривается в материально-правовом смысле – как совокупность фактических обстоятельств, составляющих содержание обвинительного тезиса, который вменяется лицу. Так, Ф. Н. Фаткуллин подчеркивал именно материально-правовую природу обвинения, понимая под ним совокупность фактов, отражающих общественную опасность и противоправность деяния.

Второй подход акцентирует внимание на процессуальной стороне обвинения. З. З. Зинатуллин и Т. З. Зинатуллин рассматривали обвинение прежде всего как процессуальную деятельность, направленную на установление вины лица и обоснование его уголовной ответственности [Чигрин 2018: 28]. С этой точки зрения обвинение выступает не как статичное явление, а как динамический процесс, включающий формулирование, предъявление и доказывание обвинения.

Третий подход, представленный в работах ряда современных исследователей, предлагает рассматривать обвинение как единое целое, объединяющее как материально-правовой, так и процессуальный аспекты. Именно такой подход представляется наиболее обоснованным, поскольку он позволяет учитывать многогранность данного правового явления [Строгович 1951: 191].

Развивая его, представляется обоснованным рассматривать обвинение как сложную правовую категорию, включающую: содержательный элемент – совокупность фактических обстоятельств, подлежащих доказыванию; формально-юридический элемент – закрепление обвинительных тезисов в процессуальных документах (обвинительное заключение, обвинительный акт и др.), а также функциональный элемент – деятельность органов предварительного расследования и прокурора по формированию, предъявлению и поддержанию обвинения.

Такое понимание создает предпосылки для более точного разграничения «обвинения», «уголовного преследования» и «государственного обвинения», что имеет значение для правильного определения пределов полномочий различных участников процесса.

Известный советский ученый-процессуалист М. С. Строгович, характеризуя значение обвинения, называл его «движущей силой» уголовного процесса, подчеркивая, что без обвинения невозможно судебное разбирательство как таковое [Таболина 2024: 166]. Данная характеристика сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Д. М. Берова, развивая указанную идею, утверждает, что содержание функции обвинения «должно быть максимально широким», что она «пронизывает весь уголовный процесс, являясь его движущей силой, осуществляется на всех его стадиях» [Исаенко 2019: 185].

Позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в определении от 06.03.2003 № 104-О, также имеет ключевое значение: согласно ей, «выполнение функции обвинения заключается в возбуждении уголовного преследования, формулировании обвинения и отстаивании его в суде».

Применительно к понятию государственного обвинения в научной литературе сформировалось несколько определений. В. А. Лазарева понимает под государственным обвинением «сформулированное в процессе предварительного расследования на основе полученных доказательств и официально адресованное суду

утверждение о совершении обвиняемым конкретного уголовно наказуемого деяния с требованием о возложении на него уголовной ответственности» [Лазарева, Бадаев 2024: 8]. Данное определение акцентирует внимание на содержательной стороне государственного обвинения как акта.

Д. А. Чигрин определяет государственное обвинение как «содержащееся в утвержденном прокурором обвинительном заключении (акте, постановлении) утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом». Отличие обвинения в общем смысле от государственного обвинения, таким образом, заключается в его утверждении прокурором – «государственным» обвинение становится лишь в момент такого утверждения.

В. Н. Исаенко рассматривает государственное обвинение через призму уголовно-процессуальных функций, характеризуя его как «уголовное преследование в форме государственного обвинения, осуществляемого прокурором» [Лазарева 2025: 48]. Он подчеркивает, что данная деятельность существенно отличается по задачам, субъекту и условиям выполнения от обвинительной деятельности следователя и дознавателя на досудебных стадиях.

С учетом указанных подходов и комплексного понимания обвинения государственное обвинение целесообразно определить как утверждение о виновности лица в совершении преступления, сформулированное в установленной законом процессуальной форме и поддерживаемое прокурором в суде от имени государства в целях реализации публичного уголовного преследования при соблюдении принципов состязательности и равноправия сторон. Представляется целесообразным законодательно закрепить именно такое определение в ст. 5 УПК РФ, что будет способствовать единообразию правоприменения и усилению гарантий прав участников процесса.

Важнейшими правовыми основами института государственного обвинения выступают Конституция Российской Федерации, УПК РФ и Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». В ч. 3 ст. 123 Конституции РФ закреплен принцип состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве, который предполагает разделение функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела. В соответствии со ст. 15 УПК РФ функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Статья 37 УПК РФ определяет прокурора как должностное лицо, уполномоченное осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства.

Важное значение имеют и ведомственные акты Генеральной прокуратуры РФ, регламентирующие порядок участия прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства, распределение дел между государственными обвинителями, их взаимодействие с органами расследования и иными участниками процесса. Совокупность конституционных, уголовно-процессуальных и ведомственных норм образует нормативную модель государственного обвинения, в которой, однако, отсутствует исходное понятийное звено – легальная дефиниция самого института.

В соответствии с ч. 2 ст. 246 УПК РФ участие государственного обвинителя обязательно в судебном разбирательстве уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения. На досудебных стадиях уголовного процесса уголовное преследование осуществляется в форме предварительного расследования, а в судебных стадиях – в форме поддержания государственного обвинения. Таким образом, государственное обвинение представляет собой судебную форму реализации уголовного преследования.

Государственный обвинитель в судебном разбирательстве выполняет ряд ключевых функций.

Во-первых, он представляет суду доказательства виновности подсудимого, при этом бремя доказывания возлагается именно на сторону обвинения (ч. 1 ст. 14 и ч. 5 ст. 246 УПК РФ).

Во-вторых, государственный обвинитель участвует в исследовании доказательств: допрашивает свидетелей, представляет вещественные доказательства, заявляет ходатайства (ч. 5 ст. 246 УПК РФ).

В-третьих, прокурор высказывает суду свое мнение по вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, и выступает в судебных прениях с обвинительной речью (ч. 5 ст. 246 УПК РФ).

В-четвертых, государственный обвинитель вправе изменить обвинение в сторону смягчения или отказаться от обвинения полностью или в части, если придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное обвинение (ч. 7 ст. 246 УПК РФ).

К. А. Таболина в своем исследовании обращает внимание на двойственность функций прокурора в судебном производстве: помимо уголовно-процессуальной функции обвинения, прокурор выполняет и конституционно-правовую функцию надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов [Фаткуллин, Зинатуллин, Аврах 1976: 113]. Именно эта двойственность снимает ложную дифференциацию между «обвинителем» и «надзорным органом»: прокурор не может быть исключительно обвинителем, поскольку обязан реагировать на любые нарушения прав и законных интересов участников процесса, в том числе допущенные органами предварительного расследования или судом. Отсюда вытекает и качественно иное понимание государственного обвинения: оно должно осуществляться не в виде одностороннего отстаивания версии обвинения, а в обеспечении законного и обоснованного судебного решения, что предполагает готовность прокурора смягчать обвинение или отказываться от него при отсутствии достаточных доказательств. В этом смысле конституционно-правовая функция надзора выступает системным ограничителем возможного обвинительного уклона и одновременно усиливает гарантийный потенциал института государственного обвинения.

В условиях цифровизации уголовного судопроизводства существенно трансформируется содержание полномочий государственного обвинителя: расширяется перечень электронных доказательств, используются системы видео-конференц-связи, формируется цифровой профиль уголовного дела. Это требует от прокурора новых компетенций в сфере обращения с цифровыми носителями информации, оценки их допустимости и достоверности.

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 год позволяет выявить ряд устойчивых тенденций в сфере государственного обвинения. В первую очередь, можно заметить, что продолжает сокращаться общее число уголовных дел, поступающих в суды первой инстанции. В 2024 году в суды поступило 651,3 тыс. уголовных дел, что на 9,6% меньше, чем в 2023 году (720,6 тыс). Кроме того, сохраняется высокая доля обвинительных приговоров. В 2024 году обвинительные приговоры были вынесены в отношении 78,69% подсудимых (512 845 осужденных), тогда как десятью годами ранее этот показатель составлял 74,06% (РИА Новости 2025: URL).

И наконец, процент оправдательных приговоров остается крайне низким. В 2024 году было оправдано лишь 990 человек, что составляет приблизительно 0,26% от общего числа подсудимых (Адвокатская газета 2025: URL). При этом суды присяжных вынесли 290 оправдательных вердиктов из 1219 рассмотренных дел, то есть оправдали почти каждого четвертого подсудимого.

Представленные данные свидетельствуют о наличии выраженного обвинительного уклона в российском уголовном судопроизводстве. Крайне низкий процент оправдательных приговоров в сочетании с высокой долей осужденных ставит под сомнение полноценную реализацию принципа состязательности сторон. Показательным является контраст между процентом оправданий в обычном порядке (менее 0,3%) и в суде присяжных (около 24%), что, по мнению ряда авторов, например, Д. А. Чигрина, косвенно свидетельствует о недостаточной подготовке дел государственными обвинителями и о формальном подходе судей к оценке доказательств обвинения.

Таким образом, среди проблем реализации института государственного обвинения следует выделить несколько ключевых.

Во-первых, отсутствие легальной дефиниции «государственное обвинение» в УПК РФ является существенным пробелом нормативно-правовой базы. Отсутствие закрепленного определения затрудняет единообразное понимание данного института и создает сложности в правоприменительной практике.

Во-вторых, значительная загруженность работников прокуратуры не всегда позволяет им надлежащим образом подготовиться к судебному заседанию и в полном объеме изучить материалы уголовного дела, что сказывается на качестве поддержания обвинения в суде.

В-третьих, проблема процессуального неравенства сторон обвинения и защиты. Прокуроры, обладая значительными процессуальными возможностями и ресурсами, нередко находятся в более выгодном положении по сравнению со стороной защиты, что ставит под угрозу принцип равноправия сторон.

В-четвертых, существующая практика возврата дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, по мнению ряда исследователей, не в полной мере соответствует принципам состязательности, поскольку лишает обвиняемого возможности прекращения дела в связи с ошибками стороны обвинения.

В-пятых, имеются определенные сложности в реализации права прокурора на отказ от обвинения. Несмотря на наличие соответствующих полномочий, фактическая частота полного или частичного отказа от обвинения остается крайне низкой, что связывают с корпоративной культурой, статистическими показателями «качества работы» и отсутствием достаточных гарантий независимости прокурора при принятии такого решения [Пеканова 2020: 310].

В-шестых, это недостаточное урегулирование участия группы государственных обвинителей. В практике все чаще встречаются случаи поддержания обвинения группой прокуроров по сложным и резонансным делам, однако законодатель и ведомственные акты не в полной мере определяют распределение ролей, ответственность за процессуальные решения и порядок согласования позиции.

В-седьмых, вызовы цифровизации уголовного судопроизводства требуют от прокурора обладания новой доказательственной культурой и владения цифровыми технологиями, при этом нормативная база еще не полностью адаптирована к таким изменениям. В этой связи необходимо нормативно закрепить детальные правила обращения с электронными носителями информации, их представления, исследования и оценки в суде, а также обеспечить системное обучение государственных обвинителей навыкам работы в цифровой среде.

Направления совершенствования правового регулирования и практики государственного обвинения могут быть определены как комплекс взаимосвязанных мер, направленных на устранение выявленных пробелов и повышение качества реализации функции обвинения в условиях современного уголовного процесса. Прежде всего, ключевым шагом представляется законодательное закрепление легальной дефиниции государственного обвинения в ст. 5 УПК РФ. Введение нормативного определения позволит сформировать единый понятийный комплекс для последующей регламентации статуса государственного обвинителя, его полномочий и пределов вмешательства в сферу прав и свобод личности, а также обеспечит более предсказуемое правоприменение и облегчит судебный контроль за надлежащим исполнением функции обвинения.

Не менее важным направлением является развитие ведомственного регулирования участия прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства. Действующие акты нуждаются в дополнении конкретными стандартами подготовки к судебному разбирательству, критериями достаточности доказательств для поддержания обвинения, детализацией требований к структуре и содержанию обвинительной речи, а также правилами документирования мотивов изменения или отказа от обвинения. Формирование таких стандартов призвано не только повысить качество обвинительной деятельности, но и придать ей большую прозрачность, создавая условия для внешнего контроля и научного анализа практики.

Особого внимания требует совершенствование института отказа прокурора от обвинения. На практике использование данного полномочия остается крайне редким, что обусловлено как сложившейся корпоративной культурой и статистической оценкой работы органов прокуратуры, так и отсутствием достаточных гарантий

независимости прокурора при принятии решения об отказе. В этой связи целесообразно нормативно закрепить ситуации, когда отказ от обвинения выступает не правом, а обязанностью прокурора при очевидной недоказанности обвинения, а также предусмотреть механизмы, исключающие негативные организационные последствия для прокурора, добросовестно реализовавшего такое полномочие. Это будет способствовать реальному укреплению презумпции невиновности и снижению обвинительного уклона. Важным здесь является и закрепление в процессуальном законе права потерпевшего самостоятельно поддерживать обвинение в случае несогласия с позицией государственного обвинителя об отказе от поддержания обвинения.

Отдельного регулирования требует участие группы государственных обвинителей по сложным и многоэпизодным делам. В настоящее время формирование таких групп носит преимущественно организационный характер и не обеспечено достаточной нормативной детализацией. Представляется необходимым определить основания создания группы прокуроров, разграничить их процессуальные роли (ведущий обвинитель, ответственные за отдельные эпизоды или блоки доказательств), закрепить порядок согласования общей позиции и правила распределения ответственности за принимаемые процессуальные решения. Четкая регламентация участия группы государственных обвинителей позволит обеспечить согласованность обвинительной стратегии, повысить качество работы по сложным делам и одновременно минимизировать риск размывания персональной ответственности.

Таким образом, государственное обвинение представляет собой сложную правовую категорию, которая может быть определена как утверждение о виновности лица в совершении преступления, сформулированное органом расследования и поддерживаемое прокурором в суде от имени государства. Данный институт является необходимым элементом состязательного уголовного процесса, и от качества его реализации зависит эффективность уголовного судопроизводства в целом. Совершенствование правового регулирования и практики поддержания государственного обвинения остается одной из актуальных задач российской уголовно-процессуальной науки и законотворческой деятельности.

Список источников

Верховный суд России раскрыл число оправдательных приговоров в 2024 году [Электронный ресурс] / РИА Новости. – 2025. – 17 апр. – URL: https://ria.ru/20250417/sud-2011925793.html (дата обращения: 01.03.2026).

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / СПС «КонсультантПлюс».

О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2024) [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: http:/www.consultant.ru (дата обращения: 01.03.2026).

Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году [Электронный ресурс] /Судебный департамент при Верховном Суде РФ. – URL: https:/cdep.ru/ (дата обращения: 01.03.2026).

Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 104-О/Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https:/base.garant.ru/5124797/ (дата обращения: 01.03.2026).

Снизилось общее число уголовных дел, поступающих в суды различных инстанций [Электронный ресурс] / «Адвокатская газета». – 2025. – URL: https:/www.advgazeta.ru/ (дата обращения: 01.03.2026).

Литература

Берова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011.

Исаенко В. Н. Государственное обвинение в системе уголовно-процессуальных функций / Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1 (98). – С. 183–193.

Лазарева В. А. Участие прокурора в уголовном процессе: учебник и практикум для вузов. – 5-е изд., перераб. и доп. М., 2025.

Лазарева В. А., Бадаев С. А. Проблемы отказа государственного обвинителя от обвинения и пути их преодоления / Юридический аналитический журнал. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 7–14. DOI: 10.18287/1810-4088-2024-19-1-7-14.

Пеканова Е. Э. Понятие государственного обвинения и его значение в состязательном уголовном процессе / Молодой ученый. – 2020. – № 18 (308). – С. 309-312. URL: https://moluch.ru/archive/308/69493.

Ротнова И. Б. Сущность и принципы государственного обвинения в уголовном процессе / Российский журнал правовых исследований. – 2017. – Т. 4. – № 2. – С. 163–167.

Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951.

Таболина К .А. О функциях прокурора в судебном производстве по уголовным делам / Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 1 (113). – С. 165–171.

Фаткуллин Ф. Н., Зинатуллин З. З., Аврах Я. С. Обвинение и защита по уголовным делам. Казань, 1976.

Чигрин Д. А. Государственное обвинение в российском уголовном процессе: проблемы формирования и поддержания (сравнительно-правовое исследование): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Уфа, 2018.

References

Berova, D. M. (2011). "Fundamentals of the Theory of Functionalism in Criminal Proceedings": Abstract of a Doctor of Law Dissertation. Rostov-on-Don (in Russian).
Isaenko, V. N. (2019). "State Prosecution in the System of Criminal Procedural Functions". Current Issues of Russian Law, 1 (98), 183-193 (in Russian).
Lazareva, V. A. (2025). The Prosecutor's Participation in Criminal Proceedings: A Textbook and Workshop for Universities. – 5th ed., revised and expanded. Moscow (in Russian).
Lazareva, V. A., Badaev, S. A. (2024). Problems of a Public Prosecutor's Withdrawal of Charges and Ways to Overcome Them. Legal Analytical Journal, 19, 1, 7–14. DOI: 10.18287/1810-4088-2024-19-1-7-14 (in Russian).
Pekanova, E. E. (2020). The Concept of Public Prosecution and Its Importance in Adversarial Criminal Proceedings. Young Scientist, 18 (308), 309-312. Available from: https://moluch.ru/archive/308/69493 (in Russian).
Rotnova, I. B. (2017). The Essence and Principles of Public Prosecution in Criminal Proceedings. Russian Journal of Legal Research, 4, 2, 163-167 (in Russian).
Strogovich, M. S. (1951). Criminal Prosecution in Soviet Criminal Procedure. Moscow (in Russian).
Tabolina, K. A. (2024). On the Functions of the Prosecutor in Criminal Proceedings. Bulletin of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 1 (113), 165–171 (in Russian).
Fatkullin, F. N., Zinatullin, Z. Z., Avrakh, Ya. S. (1976). Prosecution and Defense in Criminal Cases. Kazan (in Russian).
Chigrin, D. A. (2018). State prosecution in Russian criminal proceedings: problems of formation and maintenance (comparative legal study): Abstract of Cand. of Law Dissertation. Ufa (in Russian).

Citation:
Якушева Т. В., Анисимова И. А., Суханова Л. Г., Горовой С. А. Сущность государственного обвинения в правосудии // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 48-53.
Yakusheva T. V., Anisimova I. A., Sukhanova L. G., Gorovoy S. A. (2026) The Nature of State Prosecution in Administration of Justice. Legal Linguistics, 40, 48-53.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 40, 54-57, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4009

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА *УДК 343.98, ББК 67.5, ГРНТИ 10.01.09, Код ВАК 5.1.4*

К вопросу об объекте и предмете криминалистической науки

А. А. Корчагин

Кубанский государственный аграрный университет

ул. Калинина, 13, 350044, Краснодар, Россия. E-mail: kaa77-21@mail.ru

В работе рассматриваются вопросы понятия и содержания объекта и предмета криминалистической науки. Обосновывается значимость указанных элементов как необходимых условий самостоятельного характера криминалистической науки. Показаны основные тенденции современного развития как преступной деятельности, так и криминалистической, направленной на борьбу с противоправными деяниями.

Ключевые слова: криминалистика, объект, предмет, преступность, закономерности, развитие.

On the Object and Subject of Criminalistics

A. A. Korchagin

Kuban State Agrarian University

13 Kalinina str., 350044, Krasnodar, Russia. E-mail: kaa77-21@mail.ru

The paper examines the issues of the concept and content of the object and subject of forensic science. The importance of these elements as necessary conditions for the independent nature of forensic science is demonstrated. There have been discussed the main trends in the modern development of crime and crime deterrence in criminalistics.

Key words: criminalistics, object, subject, crime, patterns, development.

Объект и предмет являются основополагающими категориями любой из сфер научного познания, определяющими его сферу применения и направления научной деятельности. Науку, в свою очередь, следует толковать в деятельностном аспекте, понимая под ней поисковую, познавательную, исследовательскую деятельность. Любая научная деятельность для того, чтобы считаться таковой, должна иметь свою структуру, то есть быть структурированной, включающей в себя объект, предмет научного исследования, субъекта познавательной деятельности, ее цели, задачи, методы, приемы научного познания. Во многом определение объекта научного познания, его способы находятся в прямой зависимости от характеристик познающего его субъекта, особенностей его восприятия, его целей, мотивов познавательной деятельности, представлений о конечных результатах научной познавательной деятельности. В связи с тем, что субъекты научно-познавательной деятельности носят не единичный характер, возникает проблема многообразия восприятия, подходов к объекту познания, его оценки и практического использования результатов проведенной научно-познавательной деятельности. Сложность познания объекта науки также связана с многообразием форм его проявления в окружающей действительности, его взаимосвязей с другими явлениями и процессами окружающего мира. В связи с этим возникает проблема усеченности познавательной деятельности, которая обуславливается ограниченными субъективными возможностями, в результате зачастую получается, что субъект познавательной деятельности не может охватить своим исследованием весь объект науки, а познает только какую-то его определенную часть. Соответственно возникает многоаспектность познания одного и того же объекта, обусловленная множественностью познающих субъектов, и проблема объединения полученных знаний в одно целостное.

В качестве объекта любой науки выступает тот или иной выбранный фрагмент реальности, который избирается субъектом познания для изучения. Объект исследования обуславливает формирование предмета, который определяется как представление об избранном объекте познания.

В круг интересов науки криминалистики входят закономерности сущности, структуры, закономерности поисково-познавательного механизма, задач, средств и методов получения и использования знаний о явлениях, познаваемых в рамках предметно-практической процессуальной деятельности полномочных должностных лиц правоохранительных органов в стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и судебного следствия по уголовным делам [Бертовский, Образцов 2016: 229].

Криминалистика, как юридическая наука специального характера, ориентирована на решение широкого круга теоретических и прикладных задач противодействия преступности, повышения эффективности и результативности уголовно-процессуальной деятельности. Результаты криминалистических исследований и основанные на них криминалистические знания при этом оказываются востребованы не только в работе по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, но и в других сферах юридической, управленческой, экономической и прочей деятельности [Головин 2004: 138]. В криминалистической науке в настоящее время общепринятой считается точка зрения о двуедином объекте криминалистического познания. С одной стороны – это преступность как социальное явление, порожденное обществом во всем ее многообразии проявлений в разные исторические периоды развития человечества. С другой стороны – это правоохранительная деятельность и составляющая ее криминалистическая деятельность, направленная на разработку эффективных приемов и методов предварительного и судебного следствия по уголовным делам, а также криминалистическую профилактику преступности.

Преступность должна изучаться криминалистикой с позиции структурного подхода. Структура преступности в криминологии понимается как соотношение в ней ее отдельных видов, которые выделяются по уголовно-правовым и криминологическим основаниям. В качестве оснований классификации преступности выделяют, например, социальные (ее социальная природа, когда причины и условия преступности обусловлены социальными процессами в обществе), мотивационные (побуждения, которые толкают на преступление), социально-территориальную распространенность (особенности распространения преступности на различных территориях (континенты, страны, внутри отдельных стран)), социально-групповые (влияние определенных социальных групп на формирование и развитие преступности), степень и характер общественной опасности, устойчивость преступности, степень организованности и др.

В рамках изучения преступности как составляющего элемента объекта познания криминалистики должны выделяться и изучаться современные тенденции ее развития. Учет их также имеет практическое значение для разработки эффективных криминалистических методов и средств борьбы с ней, прежде всего, в рамках разрабатываемых и совершенствуемых криминалистических методик.

На современном этапе развития общества можно выделить следующие тенденции развития преступности. 1. Профессионализация преступности, то есть рост преступлений, совершаемых лицами, для которых преступная деятельность рассматривается как основной источник поступления доходов. 2. Происходит интенсификация преступности, то есть увеличение роста объема, проявлений видов преступности в обществе. 3. Происходят структурные изменения в преступности, связанные с ростом ее организованности, увеличением преступлений, совершаемых организованными преступными группами и преступными сообществами. 4. Имеет место повышение интеллектуализации преступности, что выражается во все возрастающем количестве высокотехнологичных преступлений, связанных с применением современных компьютерных технологий. 5. Преступность изменяется с все большим использованием интеллектуальных средств ее реализации. Здесь можно вести речь, например, о все возрастающей киберпреступности, высокотехнологичной преступности. Однако до настоящего времени практически отсутствуют разработанные и подтвержденные практикой методики расследования киберпреступлений, мошенничеств, связанных с использованием компьютерных технологий. 6. Имеет место увеличение изощренности, технической оснащенности, вооруженности преступности. 7. Можно говорить о возрастании таких преступлений, которые сопровождаются массовым насилием (терроризм, уничтожение материальных ценностей). 8. Рост ее коррумпированности, сращивание преступности и власти, когда во главе преступных групп или даже сообществ оказываются руководители целых городов или даже регионов. 9. Увеличение выживаемости и самозащищенности преступного мира, активное слияние преступности и власти: криминальный мир, в том числе в России, активно внедряет своих представителей во все властные структуры, в том числе правоохранительные органы. 10. Происходит расширение криминогенной социальной базы за счет увеличения маргинального слоя люмпенизированных групп населения (безработных, бездомных и других категорий). 11. Упразднение социально-ориентированной идеологии в обществе, подмена духовных, нравственных ценностей, которых придерживались прошлые поколения, и которые доказали свою значимость, новыми ложными ценностями (свобода отношений, культ потребления, обладание материальными благами как главный критерий успешности и благополучия, лояльное отношение к различным видам отклоняющегося, в том числе девиантного поведения, нетрадиционным отношениям и т. п.). 12. Криминализация средств массовой информации. В СМИ – в электронных, печатных изданиях, на телевидении – получает широкое распространение информация о методах и способах совершения преступлений, многочисленные примеры конкретных преступных посягательств. Все это способствует созданию и развитию криминальной субкультуры.

Для российской преступности также характерны: усиление корыстной направленности преступности; рост преступности в молодежной среде и преобладание доли молодежи в структуре преступников; алкоголизация молодежи; рост наркотизма, особенно это касается молодежи. Имеется стремительное увеличение преступлений, совершаемых мигрантами, чему в решающей степени способствует, мягко говоря, непродуманная, а по сути направленная против коренного населения (для России в первую очередь русскоязычного) своих стран политика властных структур некоторых государств.

В свете вышесказанного, криминалистика должна исследовать структуру, традиционные и новые виды преступных проявлений, динамику преступности, новые способы, орудия, методы совершения противоправных деяний, типологию преступников и их жертв, новые типы личности, формируемые под влиянием происходящих в обществе социальных и иных изменений. Должен активно применяться общепринятый в настоящее время ситуационный подход. Помимо объекта, в качестве предмета криминалистической науки выступают закономерности механизма преступной

деятельности.

Криминалистическая модель механизма преступления представляет собой научно обоснованную, искусственно создаваемую систему (материальную, идеальную), отражающую как событие совершенного преступления в целом, подготовку, совершение, сокрытие, так и его отдельные элементы, образующие в совокупности криминалистическую характеристику преступления, исследование которой дает возможность, прежде всего, следователю, а также другим участникам уголовного судопроизводства, как получить новые, так и проверить уже имеющиеся сведения о совершенном деянии с целью установления и проверки обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию по делу, а также сопутствующих им обстоятельств идентификационного и диагностического характера в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства (уголовного судопроизводства) по делу.

В рамках объекта и предмета криминалистики должны исследоваться закономерности взаимодействия структурообразующих элементов механизма преступления (субъект, предмет, способ, преступный результат, обстановка, действия лиц, оказавшихся участниками преступного события) между собой, с окружающей средой, закономерности образующихся при таком взаимодействии следов преступной деятельности. Следующим элементом, входящим в структуру объекта криминалистической науки, является криминалистическая деятельность по выявлению, предварительному расследованию и судебному следствию по уголовным делам. Должны изучаться и анализироваться как положительный, так и отрицательный опыт уголовного судопроизводства и в России, и за рубежом, достижения современной науки во всех ее отраслях, возможность их практического применения в рамках уголовного судопроизводства.

В настоящее время в криминалистической технике получают свое развитие такие новые направления, как технология распознавания лиц (FaceID); криминалистическое ДНК-фенотипирование – это потенциально возможный криминалистический метод использования генетических данных человека для получения поисковой информации об индивидуальных особенностях его внешнего облика; микробиомная идентификация человека; сопоставление татуировок; морфометрия; виртуальная аутопсия; биомаркеры пыльцы; микроРНК в идентификации личности; искусственный интеллект.

Распознавание лиц заключается в сопоставлении лиц людей, проходящих мимо специальных камер, с изображениями людей в имеющейся базе данных.

Криминалистическое ДНК-фенотипирование – это метод использования генетических данных человека для получения поисковой информации об индивидуальных особенностях внешности. В настоящее время, благодаря успехам генетики, имеется возможность прогнозирования цвета кожи, волос, глаз.

Микробиом (micro – «маленький», bios – «жизнь») – сообщество микроорганизмов, населяющих конкретную среду обитания, или совокупность генов микроорганизмов такого сообщества. Вес микробиома человека составляет от 1,3 до 3,5 кг. Для каждого человека он уникален, содержит триллионы микробных клеток. Обнаружение клеток микробиома и их исследование будет в будущем использоваться в целях идентификации.

В настоящее время широко стало использоваться проведение опознания по татуировкам. В ситуациях, когда следствие сталкивается с обнаружением фрагментов тела, татуировки на них могут содержать в себе гораздо больше криминалистически значимой информации, чем мы себе представляем. Кроме того, татуировки могут использоваться при проведении такого следственного действия, как опознание.

Морфометрия (др.-греч. μορφή «форма» + μετρέω «мерить; оценивать») – раздел геоморфологии, посвященный числовым характеристикам элементов, форм (линейные, площадные, объемные) и типов рельефа; для размеров применяют именованные числа. Морфометрия (измерение форм тела), возможно, будет использоваться для определения скелетных останков пропавших детей. Ученые смогут применить этот метод к более молодым людям.

Аутопсия (др.-греч. αὐτός «сам» + ὄψις «зрение») – патолого-анатомическая или судебно-медицинская процедура, посмертное вскрытие и исследование тела, в том числе внутренних органов. Осуществляется для установления причины смерти. В будущем не потребуется проводить физические вскрытия, станут возможными виртуальные.

Палинология – наука на стыке ботаники, геологии, палеогеографии, палеоботаники, связанная с изучением пыльцевых зерен и спор растений, грибов и бактерий. Пыльца есть везде, где растут цветущие растения. Данные факторы определяют конкретную «сигнатуру» пыльцевых зерен, что делает их биомаркерами, связанными с конкретными временами и местами.

Активно ведется разработка так называемых «электронных носов». Приборы смогут делать работу, которую в настоящее время делают служебные собаки.

МикроРНК – малые некодирующие молекулы РНК длиной 18–25 нуклеотидов. Распознавая микроРНК, эксперты смогут отличать разные биологические образцы друг от друга.

Искусственный интеллект – свойство искусственных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека. Управлением научно-исследовательской деятельности (Научно-исследовательским институтом криминалистики) Главного управления криминалистики Следственного комитета РФ реализуются исследования, связанные с изучением возможностей этих методов в установлении обстоятельств совершенных преступлений и причастных к ним лиц[1].

Разделяя мнение Д. Ю. Яковлева, полагаем, что предмет криминалистики составляют три группы закономерностей, изучаемых данной наукой.

[1] Криминалистика будущего. URL: https://dzen.ru/a/Z6NDMybVywWw0aTv?ysclid=mi555ttnci536979890. – Загл. с экрана (дата обращения 20.11.2025).

1. Закономерности преступной деятельности: а) закономерности формирования, выбора и осуществления способов подготовки, совершения и сокрытия преступления; закономерности выбора способа от конкретных, обстоятельств субъективного и объективного характера; б) закономерности возникновения и развития связей между элементами механизма преступления; в) закономерности поведения несовершеннолетних, лиц, имеющих психические отклонения; г) закономерности формирования, деятельности преступных групп, закономерности выбора оружия, других средств преступления преступным опытом, профессиональными навыками, видами обстановки и объектов посягательства и т. д.); д) закономерности возникновения и развития явлений, связанных с преступлениями до, во время и после их совершения.

2. Закономерности возникновения информации о преступлении: а) закономерная повторяемость процесса возникновения следов события, которой способствует постоянство (типичность) носителей и источников отображения информации (материальных и идеальных) о преступлении; б) связь между действиями преступника и преступным результатом; в) проявление объективно повторяющихся комплексов материальных следов последствий, характерных для различного рода криминалистических ситуаций при совершении преступлений в различных сферах человеческой деятельности; г) закономерные связи между способом преступления и следами применения этого способа; д) закономерности формирования образной и словесной информации, связанной с событием преступления в сознании потерпевших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых; обусловленность точности их показаний различными факторами (психофизиологическими особенностями, условиями восприятия и т. д.).

3. Закономерности деятельности, связанной с раскрытием, расследованием и предотвращением преступлений: а) объективно существующая возможность обнаружения доказательств; б) объективно существующая возможность исследования (познания) следов преступления, их оценки, использования; закономерности операций и/или действий по обнаружению, фиксации, изъятию, осмотру и использованию в доказывании следов преступлений; в) закономерности взаимодействия компетентных органов, решающих задачи раскрытия, расследования и предотвращения преступлений; г) типичность в поведении на следствии субъектов преступления, потерпевших и свидетелей с учетом вида, особенностей расследуемых преступлений, психофизиологических, временных и иных факторов [Яковлев 2013: 112-113]. В рамках изучения криминалистической деятельности по борьбе с преступностью подлежат исследованию типовые ситуации предварительного и судебного следствия по делам разных категорий преступлений, закономерности поведения участников уголовного судопроизводства. Дальнейшее всестороннее изучение преступной деятельности и криминалистической деятельности по предварительному и судебному следствию позволит эффективно решать задачи уголовного судопроизводства, достигая через них его цели.

Литература

Бертовский Л. В., Образцов В. А. Понятие, объект и предмет криминалистики / Пробелы в российском законодательстве. - 2016. - №4. - С. 228–233.

Головин А. Ю. Объект, предмет и система криминалистики: есть ли предпосылки для расширения? / Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2024. - № 2 (102). - С. 137–145.

Яковлев Д. Ю. Объект и предмет научного познания криминалистики и объективная обусловленность интеграции в нее достижений биологии / Сибирский юридический вестник. - 2013. - № 4 (63). - С. 108–113.

References

Bertovsky, L. V., Obraztsov, V. A. (2016). Object, and Subject of Criminalistics. Gaps in Russian Legislation, 4, 228-233 (in Russian).

Golovin, A. Yu. (2024). Object, Subject, and System of Criminalistics: Are There Prerequisites for Expansion? Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2 (102), 137-145 (in Russian).

Yakovlev, D. Yu. (2013). The Object and Subject of Scientific Knowledge in Criminalistics and the Objective Conditionality of Integrating Biological Achievements into It, 4 (63), 108-113 (in Russian).

Citation:

Корчагин А. А. К вопросу о объекте и предмете криминалистической науки // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 54-57.

Korchagin A. A. (2026) On the Object and Subject of Criminalistics. Legal Linguistics, 40, 54-57.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 40, 58-62, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4010

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА *УДК 343.01, ББК 6.408, ГРНТИ 10.77.51, Код ВАК 5.1.4*

Уголовно-правовая привилегия: понятие и реализация в уголовном законе

А. А. Коренная

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656015, Барнаул, Россия. E-mail: lawer_ann@mail.ru

В статье на основе системного диалектического анализа современной правовой доктрины (теоретико-правовая наука, отраслевые науки) выделены содержательные свойства правовой привилегии, обуславливающие необходимость и возможность ее отраслевого применения. Уголовно-правовая привилегия имеет исключительный характер и предполагает формирование ограничений, общая концепция которых разработана в настоящем исследовании. В работе также предложен общий концептуальный подход к развитию теории привилегирующих признаков как формального отражения правовой привилегии в составе преступления, основанный на усложненной причинно-следственной связи, предполагающей возникновение негативных последствий в результате действий (бездействий) как лица, совершившего преступление, так и потерпевшего.

Ключевые слова: уголовная ответственность, правовая привилегия, правовое преимущество, привилегирующие признаки.

Criminal-Law Privilege: Concept and Implementation in Criminal Law

A. A. Korennaya

Altai State University

61 Lenin St., 656015, Barnaul, Russia. E-mail: lawer_ann@mail.ru

Basing on systemic dialectical analysis of modern legal doctrine (theory of law, industry sciences) this article identifies the content of the concept of legal privilege, which determine the necessity and possibility of its application in various industries. Criminal-law privilege is exceptional in nature and implies the development of restrictions, the general concept of which is devised in this study. The paper also proposes a general conceptual approach to developing the theory of privilege features as a formal reflection of criminal-law privilege in corpus delicti; this approach is based on a complex cause-and-effect relationship that assumes the emergence of negative consequences as a result of both acts (omission) of the perpetrator and the victim.

Key words: criminal liability, law privilege, legal advantage, privilege features.

Категория «правовая привилегия» является предметом изучения в первую очередь в теоретико-правовой науке. Фундаментальные теоретические труды обеспечивают ее содержательное и формальное наполнение [Репьев 2020] и лежат в основе отраслевых исследований. В этой связи при формировании понятийного аппарата уголовного права и определении категории «уголовно-правовая привилегия» обратимся к общетеоретическим разработкам.

Дефиниция «привилегия» происходит от лат. «privilegium» (особый закон) и в общелексическом значении понимается как исключительное право пользования чем-либо, предоставляемое кому-либо в отличие от других (Большой толковый словарь русского языка: URL).

Анализ теоретико-правовой доктрины позволяет выделить следующие свойства правовой привилегии, определяющие ее содержание и значение в правовой системе.

Во-первых, привилегии направлены на облегчение и/или улучшение положение адресатов по сравнению с прочими субъектами, то есть в основе имеют поощрительное начало [Емельянов 2022: 73]. Здесь следует сделать уточнение: для оценки правового установления как привилегии, необходимо установить, по сравнению с чем, с какими юридическими правилами происходит подобное улучшение, с чем оно соизмеряется. Следуя правилам общей формальной логики, определим, что базой для характеристики той или иной нормы как привилегирующей

являются общие правила, регламентирующие правовой статус субъекта, порядок реализации его прав и обязанностей, основания и условия ответственности и т. д. На примере уголовно-правовой привилегии проиллюстрируем изложенный тезис следующим: привилегирующие признаки устанавливаются относительно общей нормы об уголовной ответственности за совершение преступлений, без учета квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков.

Во-вторых, правовые привилегии выступают средствами правового стимулирования и относятся к компенсационным мерам [Дорофеев 2020: 11]. Применительно к уголовно-правовой привилегии справедливо утверждение о компенсационном характере привилегии, когда посредством более мягкой санкции, обеспечивающей, в том числе, возможность применения института освобождения от уголовной ответственности, государство условно компенсирует особые условия, обстоятельства и т. д., при которых конкретное преступление совершено. Стимулирующее содержание правовой привилегии имеет крайне ограниченное проявление в уголовном праве и может рассматриваться исключительно в контексте исправления виновного лица, которое достигается путем применения к нему соразмерных наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия, что, в свою очередь, обеспечивает реализацию принципа гуманизма [Максимов 2023: 24].

В-третьих, привилегии являются универсальным инструментом правовой дифференциации [Шапиро 2010: 189]. Данное свойство обеспечивает персонализацию правовой привилегии, а также общее правило об ограниченном их количестве.

В-четвертых, правовые привилегии являются юридической формой изъятий, исключений и соотносятся с такими категориями, как иммунитеты, льготы как родовое и видовое понятия [Репьев 2020: С. 55]. Данная позиция не является бесспорной, высказаны суждения и о том, что льгота и привилегия соотносятся как общее и частное [Суменков 2019: 91].

Изложенное позволяет определить правовую привилегию как средство правовой дифференциации, состоящее в предоставлении субъекту дополнительных прав, исключении некоторых обязанностей, сокращении процедур и т. д., по сравнению с общим правовым регулированием соответствующих общественных отношений. Она имеет стимулирующее, поощрительное и компенсаторное значение и направлена на улучшение положения лица, в отношении которого допускается. Правовая привилегия формализуется в предоставлении дополнительных прав (увеличение позитивного воздействия), уменьшении стандартных обязанностей (минимизация негативного воздействия), либо в сочетании двух указанных инструментов. Сущностным свойством привилегии является ее исключительность, предполагающая строго ограниченное применение.

Уголовно-правовая привилегия, будучи разновидностью правовой привилегии, характеризуется как общими сущностными свойствами, так и уникальными признаками, обусловленными предметом и методом уголовного права. Согласимся с исследователями, определяющими уголовно-правовую привилегию как средство дифференциации содержания и формы уголовной ответственности, направленное на уменьшение объема и интенсивности правоограничений и обязанностей [Дибиров 2015: 128].

Уголовно-правовую привилегию как средство дифференциации ответственности следует рассматривать в широком и узком значении. В широком значении в ее объем, действительно, допустимо включать любые льготы, преимущества, улучшения, прочие условно позитивные правовые инструменты, применяемые к лицу, совершившему преступление, обусловленные возрастом преступника, гендером, криминальным и посткриминальным поведением и т. д. Следовательно, как уголовно-правовая привилегия оцениваются правила о размере и виде наказания несовершеннолетних и женщин, об освобождении от уголовной ответственности в связи с возмещением вреда, примирением с потерпевшим и т. д.

Менее объемное понимание уголовно-правовой привилегии предполагает, что она представляет предусмотренное уголовным законом уменьшение отрицательных правовых последствий совершения преступления по сравнению с предусмотренными общим составом, обусловленное индивидуальными типизированными особенностями поведенческого акта, снижающими отрицательные эффекты противоправного деяния. Подобный подход акцентирует внимание на самом поведенческом акте, исключая из объема оценки действия и/или бездействия лица, совершаемые им после окончания совершения преступления, а также индивидуальные особенности личности преступника.

Реализуется уголовно-правовая привилегия в уголовном законе посредством привилегирующих признаков, под которым понимается нечто детерминирующее возможность применения к лицу, его совершившему, меньшего объема карательного воздействия и формализующееся в соответствующих признаках состава преступления.

Исключительность как сущностная характеристика правовой привилегии предполагает необходимость установления ограничений в ее применении. Применительно к проблематике настоящего исследования речь идет об ограничении, то есть невозможности использования привилегирующих признаков для некоторых составов преступлений.

Исключительный характер правовой привилегии в целом и уголовно-правовой в частности предполагает, что легитимность ее предоставления должна быть обоснована с точки зрения соблюдения принципов справедливости и равенства. В правовой доктрине нередко встречается суждение о том, что различного рода привилегии, льготы, преимущества и т. д. фактически являются нарушением принципа равенства или отступлением от него [Шапиро 2010: 191], так как позволяют улучшить положение одного лица по сравнению с рядом других или всех на основе субъективного решения законодателя. Безусловно, доля правды в данном суждении есть, однако в абсолютном значении привилегии призваны обеспечить реализацию равенства, а не его дискредитацию. Будучи одним

из инструментов дифференциации, они позволяют учитывать не только общие характеристики, свойства общественного отношения, но и особенности индивидуального поведения, специфику целей и мотивов, которыми лицо руководствуется при совершении преступления и т. д., что в свою очередь позволяет обеспечить реализацию пропорционального равенства, перестающего в таком значении быть формальной категорией и приобретающего реальное воплощение.

Общая модель ограничений в применении правовой привилегии при реализации ее в конкретных составах преступлений основывается на следующих положениях.

Привилегирующие признаки устанавливаются только в отношении основного состава преступления, они не могут применяться при совершении деяния, содержащего признаки квалифицированного состава.

Данный тезис основан на следующем. В доктрине уголовного права сформировавшимся является суждение о том, что признаки, лежащие в основе привилегированных составов, характеризуют совершенное деяние как обладающее более низкой степенью общественной опасности по сравнению с преступлением, предусмотренным основным составом [Шеслер 2018: 124]. Квалифицирующие признаки предполагают повышение степени общественной опасности деяния по сравнению с основным составом преступления. Следовательно, следуя правилам формальной логики, о чем шла речь выше в настоящей работе, уменьшение степени общественной опасности при совершении деяния, ответственность за которое предусмотрено в квалифицированном или особо квалифицированном составе, приведет к тому, что пониженная степень общественной опасности будет соотносится со степенью общественной опасности основного состава. В этом случае в применении привилегирующих признаков как минимум отсутствует необходимость.

Тезис об исключительности установления правовых привилегий в разрезе реализации правовых принципов детерминирует следующий теоретический вопрос: что является основанием для применения правовой привилегии.

В настоящее время привилегированные составы преступления предусмотрены в главах о преступлениях против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ) и против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК РФ). Пониженная общественная опасность обусловливается особыми обстоятельствами или условиями, способствовавшими совершению преступления (психоэмоциональное состояние, провоцирующие действия со стороны потерпевшего лица, состояние аффекта, превышение пределов необходимой обороны и т. д.), вынуждающими лицо перейти к противоправным деяниям [Штанькова 2017: 278]. В данном случае уменьшение общественной опасности находится в прямой причинно-следственной связи с психологическими особенностями лица, совершившего преступление. При этом последствия его совершения остаются неизменными как для основного, так и для привилегированного составов.

Также понижение степени общественной опасности в действующей модели уголовно-правовой охраны общественных отношений имеет место при минимизации объемов преступной деятельности. Речь идет о мелком взяточничестве (ст. 291.2 УК РФ) и мелком коммерческом подкупе (ст. 2042 УК РФ). Оба данных состава («бытовая коррупция») в юридической литературе нередко относят к привилегированным по критерию снижения последствий совершения преступления при сохранении значимости объекта уголовно-правовой охраны [Антонова 2021: 93].

Предлагаемые в юридической литературе дополнения привилегированных составов хищениями, совершенными без признаков насилия в результате крайней личной и/или семейной нужды [Штанькова 2022: 68], отчасти изменяют действующую модель уголовно-правовой привилегии, позволяя отнести к привилегирующим признакам, в том числе, обстановку совершения преступления, однако следует констатировать, что и в этом случае последствия совершения противоправного деяния остаются неизменными, а сами основания применения уголовно-правовой привилегии по-прежнему обусловлены мотивами, побудившими лицо совершить преступление.

Исключением из общей концепции формирования привилегированных составов преступлений, было введение ст. 159.4 УК РФ, устанавливавшей ответственность за предпринимательское мошенничество, которая в науке справедливо оценивалась как привилегирующая норма по сравнению с основным составом мошенничества по признаку сниженной санкции [Щепельков, Пряхина 2013: 53]. Однако Конституционный Суд РФ обоснованно указал на отсутствие достаточных оснований для предоставления уголовно-правовой преференции, обусловленной сферой деятельности и способом совершения хищения (Постановление Конституционного Суда РФ № 32-П).

Как представляется, развитие действующей системы привилегирующих признаков может осуществляться в направлении разработки теории влияния причинно-следственной связи на изменение (уменьшение) степени общественной опасности. При обычном развитии причинно-следственной связи отрицательные изменения в объекте находятся в однолинейной взаимосвязи с действиями (бездействиями) субъекта, допускающего отклоняющееся экономическое поведение (виновное лицо). Однако возможно усложнение причинно-следственной связи, формирование так называемых причинных рядов (группы или совокупности причин, возникающих в связи с действиями/бездействием двух и более субъектов общественных отношений). Причинные ряды – это группы факторов, которые, взаимодействуя между собой, на первом этапе приводят к возникновению угрозы причинения вреда общественным отношениям (состояние общественной опасности), а при дальнейшем развитии – к причинению реального вреда.

В подобном случае негативные последствия возникают либо увеличиваются в результате действий/бездействий двух и более субъектов. При этом поведение одного субъекта является общественно опасным, а другого или других может быть как безразличным для уголовного права, так и обусловливать применение защитных, восстановительных механизмов. В последнем случае содержание уголовно-правового запрета предполагает наличие потерпевшего. Вклад потерпевшего в развитие причинно-следственной связи, результатом развития которой является

возникновение состояния общественной опасности и/или реальное причинение вреда общественным отношениям, может признаваться основанием для предоставления уголовно-правовой привилегии.

Характер действий потерпевшего лица при установлении объема последствий противоправного поведения учитывается во многих отраслях права [Головерова 2024: 54].

В уголовном праве оценка действий потерпевшего происходит как на этапе индивидуализации наказания (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ), так и на этапе квалификации (ст. 107, ст. 113 УК РФ). В науке также высказываются суждения о необходимости разработки и теоретического обоснования самостоятельной категории «квалификация поведения потерпевшего (пострадавшего, жертвы)» [Сабитов 2019: 13]. Доктрина обращается в первую очередь к насильственным преступлениям против жизни и здоровья, что, однако, не исключает восприятие данной правовой конструкции, в частности, для преступлений в сфере экономической деятельности. Для данной категории преступлений представляется целесообразным обратиться к специальному законодательству и сформировать соответствующие привилегирующие признаки на основе межотраслевого подхода: привилегирующие признаки преступлений в сфере экономической деятельности обусловлены наличием вины потерпевшего в развитии причинно-следственной связи, что обусловливает субъективно-объективный характер привилегирующих признаков, формируемых по данному основанию.

Таким образом,

- уголовно-правовая привилегия, будучи частным видом правовой привилегии, представляет собой разновидность правовой привилегии, которая заключается в предоставлении субъекту дополнительных прав, исключении некоторых обязанностей, сокращении процедур и т. д., по сравнению с общим правовым регулированием соответствующих общественных отношений,

- в уголовном законе уголовно-правовая привилегия реализуется посредством закрепления составов преступлений с привилегирующими признаками, под которыми понимается исключительное свойство поведенческого акта, детерминирующее возможность применения к лицу, его совершившему, меньшего объема карательного воздействия и формализующееся в соответствующих признаках состава преступления,

- действующая система привилегирующих признаков в основе имеет два признака, характеризующих деяния: особое психическое состояние лица и пониженный размер последствий. Одним из направлений развития подобной системы как одного из направлений дифференциации ответственности общего вектора уголовной политики РФ может быть реализовано посредством разработки теории сложной причинно-следственной связи (причинных рядов), предполагающей вклад потерпевшего (вины потерпевшего) в наступление отрицательных правовых последствий.

Список источников

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецовой. М., 2008. URL: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar.

Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1594 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» / Вестник Конституционного Суда РФ. - 2015. - № 2.

Литература

Антонова Е. Ю. Дифференциация уголовной ответственности за взяточничество / Вестник Хабаровского университета экономики и права. - 2021. - № 1. - С. 91-97

Головерова В. Д. Понятие «степень вины» в российском гражданском праве / Вестник гражданского права. - 2024. - № 1. - С. 52-89.

Дибиров М. Г. Уголовно-правовые привилегии и принцип равенства граждан / Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - 2015. - № 4. - С. 123-130.

Дорофеев А. А. Общетеоретическая характеристика правового стимулирования / Ex jure. - 2020. - № 4. - С. 7-22.

Емельянов А. С. Привилегия как правовая категория / Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. - 2022. - Т. 12. - № 1. - С. 71-78.

Максимов А. Г. Аксиологическое значение принципа гуманизма в уголовном праве / Российско-азиатский правовой журнал. - 2023. - № 3. - С. 22-27.

Репьев А. Г. Преимущества в праве и законодательстве: монография. М., 2020.

Репьев А. Г. Категория «Привилегия»: доктрина, законодательство, практика / Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2020. - № 1. - С. 53-60.

Сабитов Р. А. Квалификация поведения лица, пострадавшего от преступления / Виктимология. - 2019. - № 4. - С. 11-19.

Суменков С. Ю. Привилегия как правовое преимущество / Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. - 2019. - № 3. - С. 88-96.

Шапиро И. М. Юридическое равенство, ограничения, льготы и привилегии в правовом регулировании / Ленинградский юридический журнал. - 2010. - № 1. - С. 187-196.

Шеслер А. А. Дифференциация и индивидуализация уголовного наказания как методы реализации уголовно-правовой политики / Вестник Кузбасского института. - 2018. - № 3. - С. 123-128.

Штанькова А. П. Дифференциация уголовной ответственности посредством конструирования нового привилегированного состава преступления против собственности / Союз криминалистов и криминологов. - 2022. - № 1. - С. 63-71

Штанькова А. П. Внешняя законодательная техника привилегированных составов преступлений / Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. - 2017. - № 2. - С. 276-281.

Щепельков В. Ф., Пряхина Н. И. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности: новый привилегированный состав? / Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. - 2013. - № 4. - С. 49-54.

References

Antonova, E. Yu. (2021). Differentiation of Criminal Liability for Bribery. Bulletin of the Khabarovsk University of Economics and Law, 1, 91-97 (in Russian).

Goloverova, V. D. (2024). The Concept of "Degree of Guilt" in Russian Civil Law. Bulletin of Civil Law, 1, 52-89 (in Russian).

Dibirov, M. G. (2015). Criminal-Legal Privileges and the Principle of Equality of Citizens. Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 4, 123-130 (in Russian).

Dorofeev, A. A. (2020). General Theoretical Characteristics of Legal Incentives. Ex jure, 4, 7-22 (in Russian).

Emelianov, A. S. (2022). Privilege as a Legal Category. Bulletin of the South-West State University. Series: History and Law, 12, 1, 71-78 (in Russian).

Maksimov, A. G. (2023). Axiological Significance of the Principle of Humanism in Criminal Law. Russian-Asian Legal Journal, 3, 22-27 (in Russian).

Repyev, A. G. (2020). Advantages in Law and Legislation: Monograph. Moscow (in Russian).

Repyev, A. G. (2020). Category "Privilege": Doctrine, Legislation, Practice. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1, 53-60 (in Russian).

Sabitov, R. A. (2019). Qualification of the behavior of a person who has suffered from a crime. Victimology, 4, 11-19 (in Russian).

Sumenkov, S. Yu. (2019). Privilege as a Legal Advantage. News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences, 3, 88-96 (in Russian).

Shapiro, I. M. (2010). Legal Equality, Restrictions, Benefits, and Privileges in Legal Regulation. Leningrad Law Journal, 1, 187-196 (in Russian).

Shesler, A. A. (2018). Differentiation and individualization of criminal punishment as methods of implementing criminal-legal policy. Bulletin of the Kuzbass Institute, 3, 123-128 (in Russian).

Shtankova, A. P. (2022). Differentiation of criminal liability through the construction of a new privileged composition of a crime against property. Union of criminologists and criminologists, 1, 63-71 (in Russian).

Shtankova, A. P. (2017). External legislative technique of privileged compositions of crimes. Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law, 2, 276-281 (in Russian).

Shchepelkov, V. F., Pryakhina N. I. (2013). Fraud in the Sphere of Entrepreneurship: A New Privileged Composition? Bulletin of St. Petersburg University. Series: Law, 4, 49-54 (in Russian).

Citation:

Коренная А. А. Уголовно-правовая привилегия: понятие и реализация в уголовном законе // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 58-62.

Korennaya A. A. (2026) Criminal-Law Privilege: Concept and Implementation in Criminal Law. Legal Linguistics, 40, 58-62.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 40, 63-69, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4011

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА *УДК 343.712.3, ББК 67.408, ГРНТИ 10.77.91, Код ВАК 5.1.4*

Юридическое регулирование похищения и убийства детей в алжирском и международном праве

Меккауи Зубейр
Университет Бешара имени Тахри Мохаммеда
Алжир

Это исследование посвящено устойчивой проблеме похищения и убийства детей – преступлений, представляющих серьезную угрозу как для мирового, так и для алжирского общества. Из-за тревожных характеристик этих деяний ученые и практикующие юристы задаются вопросом, являются ли они результатом недостаточного правового сдерживания или же отсутствия четких юридических определений на национальном и международном уровнях.
С применением аналитического и сравнительного метода данная работа стремится выявить юридические элементы, характеризующие такие преступления, и ответить на фундаментальные вопросы, в том числе: как определяются похищение детей и их убийство в правовых системах Алжира и на международном уровне? Каковы основные причины, лежащие в основе растущей частоты этих преступлений?
В конечном счете, исследование стремится привлечь внимание к этому серьезному уголовному преступлению и внести, пусть и ограниченный, вклад в сокращение – и, в перспективе, искоренение – тяжких квалифицируемых правонарушений, таких как похищение и убийство детей, которые являются воплощением надежды и будущего каждой нации.

Ключевые слова: убийство, дети, похищение, права.

The Legal Treatment of Child Abduction and Homicide under Algerian and International Law

Mekkaoui Zoubeyr
Tahri Mohamed University of Béchar
Algeria

This research focuses on the persistent issue of child kidnapping and murder, crimes that pose a serious threat to both global and Algerian societies. Because of the alarming nature of these acts, scholars and legal practitioners have questioned whether their continuation stems from inadequate legal deterrence or from the absence of precise legal definitions at the national and international levels.
Through the use of an analytical and comparative method, this paper seeks to uncover the legal elements that characterize such crimes and to respond to fundamental questions, including: How are child abduction and murder defined within Algerian and international legal systems? What are the underlying causes behind the increasing frequency of these offenses?
Ultimately, this study aspires to draw attention to this serious criminal offense and to contribute, even in a limited way, to the reduction-and eventual eradication of the serious aggravated offenses of kidnapping and murdering children, who embody the hope and future of every nation.

Key words: killing, children, kidnapping, rights.

Introduction

The increasing occurrence of child kidnapping and murder has caused severe consequences, violating the fundamental rights of children and profoundly affecting both the young victims and their families. Beyond individual suffering, these crimes have affecting public security and undermining public order stability and public order stability, and causing disturbances to public order when abduction ends in the tragic death of a child.

Parents live in constant worry for their children's safety, while communities struggle under an atmosphere of uncertainty and fear.

Given the gravity and the rising incidence of these offenses across the international community, and particularly within Algeria, this research aims to explore the issue in depth. It seeks to clarify the legal definition of child kidnapping and murder, analyze their distinguishing characteristics, and examine the underlying causes contributing to their rising incidence.

Section I: Kidnapping And Killing Children

Despite the alarming rise in cases of child abduction and murder, scholarly research still lacks a clear and unified understanding of these two interconnected crimes. Furthermore, international legal frameworks have yet to establish a precise and comprehensive definition that encompasses both kidnapping and killing as a single criminal act.

In light of this gap, the present study seeks to place each offense within its legal and social context, examining them individually in order to better grasp their gravity and implications. Through this approach, the research aims to contribute to a deeper understanding of these serious aggravated offenses and to clarify the challenges they pose to both national and international law.

A) In International Law

International law has long recognized the importance of protecting children and childhood. Numerous human rights instruments-particularly those focusing on the rights of the child-explicitly condemn and criminalize the abduction and killing of children. However, there remains a need to clarify the precise legal meaning of these acts within international legal frameworks, which will be further examined below.

B) Abduction of Children under International Law

During its fourth session, the United Nations Human Rights Council,in implementation of the General Assembly Resolution of 15 March 2006 titled "Human Rights Council: Rights of the Child", adopted a practical definition of child abduction. According to this definition:

"Abduction refers to the transfer, detention, capture, taking, or arrest of a child under the age of 18, whether temporarily or permanently, through the use of force, threats, or deception, with the intent of associating the child with armed groups, changing their nationality, or leading to their forced disappearance or death" [Alston 2006: 05].

The **International Convention on the Rights of the Child** defines a child as "every human being below the age of eighteen years unless, under the law applicable to the child, majority is attained earlier."

Furthermore, on **18 December 1992**, the **United Nations General Assembly** issued a declaration affirming in Article 1, paragraph 1, that:

"Abduction constitutes an act of enforced disappearance and a crime against human dignity. It represents a denial of the principles of the Charter of the United Nations and a flagrant violation of human rights and fundamental freedoms as enshrined in the Universal Declaration of Human Rights."

In paragraph 2 of the same declaration, it is further emphasized that:

"The act of forced abduction deprives individuals of legal protection and inflicts severe suffering on both the victims and their families. It violates the core principles of international law that guarantee, among other rights, the recognition of legal personality, personal liberty and security, protection from torture and other cruel or inhuman treatment, as well as the right to life itself [Alston 2006: 259].

While international law has not yet provided a specific and unified definition of **child abduction**, it has consistently condemned and prohibited such acts across various conventions and treaties. These instruments offer a relative and practical understanding of the concept, grounded in the broader framework of international child protection.

Section II: Killing of Children under International Law

A) Genocide

According to international legal instruments, genocide occurs when an individual intentionally kills one or more persons belonging to a specific national, ethnic, racial, or religious group, with the intent to destroy that group, wholly or partially. Such actions must be directed against the group as part of a broader pattern of conduct aimed at its extermination [UN General Assembly 1998].

B) Crimes Against Humanity

Crimes against humanity include the intentional killing of one or more persons as part of a widespread or systematic attack targeting civilian populations. The perpetrator must act knowingly and willingly as part of that broader attack [UN General Assembly 1998].

C) War Crimes

War crimes encompass the unlawful killing of individuals protected under the 1949 Geneva Conventions, with full awareness of their protected status. Such acts must occur in the context of an international armed conflict, and the perpetrator must possess knowledge of the conflict's circumstances and implications [UN General Assembly 1998].

Although international law strongly condemns these acts, it does not provide a **specific or unified definition** of the killing of children. Instead, existing conventions emphasize the obligation to respect the **child's right to life, survival, and development**, particularly for those under the age of eighteen-or younger where domestic laws recognize puberty as a legal threshold of adulthood.

From a legal and humanitarian perspective, the killing of children can thus be understood as the **unlawful loss of a child's life**, whether in times of peace or war, resulting from acts of cruelty, torture, or other inhumane treatment leading to death.

In conclusion, it is essential for the **international community** to work towards developing a **clear and unified definition** that explicitly criminalizes and reflects the gravity of child kidnapping and killing. Such a definition would reinforce

international protection mechanisms and affirm the collective responsibility to safeguard children-the most vulnerable members of humanity.

Section III: Kidnapping and Killing of Children in Algerian Law

The crimes of **abduction and murder of children** are among the most serious offenses addressed by the Algerian Penal Code. Their definitions and legal implications can be clarified as follows:

A) The Crime of Abduction of Children in Algerian Law

In Algerian criminal legislation, **abduction and kidnapping** are treated as a single crime. Although the Penal Code does not provide a specific legal definition, the nature of the offense can be inferred from Articles **291 to 294** and **326 to 329**. According to these provisions, "anyone who arrests, imprisons, or removes another person from his natural environment to an unknown destination, or arbitrarily detains him for a period of not less than ten days, or abandons him for purposes such as ransom, revenge, extortion, or any unlawful objective-whether by violence, threat, or deception-commits an offense."

Furthermore, the law considers as kidnapping "any criminal act involving the deprivation of liberty of a minor who has not yet reached the age of majority, by removing him from his environment through physical means such as violence or through moral means such as deception, in order to achieve certain purposes." [Chiaoui 2019:62]

Thus, the **Algerian legislator** explicitly criminalizes the act of child abduction and provides for severe penalties not only for those who commit the act but also for those who attempt to do so.This demonstrates the legislator's commitment to protecting minors against all forms of violence and exploitation.

B) The Crime of Murder of Children in Algerian Law

According to **Article 254** of the Algerian Penal Code, murder is defined as "the deliberate killing of a human being." In **Article 259**, the legislator specifies that the killing of children constitutes "the premeditated murder of a newborn." From a legislative standpoint, the killing of a child is thus treated as **intentional homicide**, given its gravity and the similarity of its legal elements with those of ordinary intentional murder.

A distinctive feature, however, is the **element of newborn status**, which remains subject to judicial interpretation. The legislator has not explicitly determined the circumstances under which a child is considered a newborn, leaving such assessment to the **discretion of the judge**.

Based on these provisions, the killing of children can be defined as "the deliberate and premeditated taking of the life of a minor under the age of 18, for various motives or purposes."[1]

C) Legislative Approach and Observations

The Algerian legislator has **both criminalized and strictly punished** the acts of **kidnapping and killing of children**, establishing legal frameworks for **aggravating and mitigating circumstances**. However, there remains a certain **ambiguity in defining the explicit and comprehensive concept** that reflects the gravity of the combination of these two crimes, particularly when they intersect and target innocent children.

In conclusion, the Algerian Penal Code provides a **legal foundation for repressing** these serious aggravated offenses, yet a **clearer and more unified legal definition** would enhance the understanding of their true nature and assist in developing **effective preventive and punitive measures** to combat this alarming phenomenon [Glossary of Legal Terms 1999: 616].

Section IV: Characteristics of the Crime of Kidnapping and Killing Children

Based on the preceding analysis, this study identifies several distinctive characteristics that set the crime of kidnapping and killing children apart from other criminal acts. These characteristics can be examined through three main elements:

A) A Composite Crime

A composite crime is one that involves the commission of multiple material acts of different natures, which may be separated in time or place but together constitute a single offense.
In the context of **kidnapping and killing children**, the perpetrator commits two or more distinct criminal acts. The first act-the **abduction**-involves forcibly removing or transporting the minor from his or her habitual environment, an act that already constitutes a criminal offense under the law. The second act-the **killing**-involves the deliberate taking of the child's life, which represents a further violation of human sanctity.

Often, this sequence of crimes is marked by extreme brutality and inhuman or degrading treatment, such as **torture, sexual assault, mutilation, or physical dismemberment** prior to death. For this reason, the offense is regarded as a **composite or compound crime**, as it combines multiple grave violations culminating in the destruction of a human life.

B) An offense committed within a short timeframe

Another distinctive feature of this offense lies in the **speed and immediacy** with which it is carried out. The perpetrator often acts within a very short timeframe to minimize the risk of detection and to prevent potential intervention by the authorities or the community. This haste reflects both the criminal's intent to conceal the act and the desire to avoid public outrage, especially considering the legal timeframe for reporting missing children.

[1] Intentional homicide is the voluntary and unlawful destruction of human life by another human being and consists of three elements:
(A) a physical act which is naturally capable of causing death;
(B) personality or human nature;
(C) The perpetrator of the physical act intended to cause death

In many cases, the offender exploits the **vulnerability and innocence** of the child, using deception, coercion, or manipulation to lure the victim. Once control is established, the criminal proceeds swiftly to commit the fatal act, making this offense one of the most **rapid and covert crimes** in practice. The calculated use of time and the premeditated nature of the act underscore its particularly dangerous and reprehensible character [Ezzedine 2023: 51].

C) A serious aggravated offense

The gravity of kidnapping and killing children extends beyond individual harm-it constitutes a **serious offense against society as a whole**. In criminal law, serious offenses are those that result from acts posing imminent or actual harm to individuals or the community. In this sense, the abduction of a minor is inherently perilous, as it directly endangers the child's safety and integrity.

The seriousness of the crime is also reflected in the **severe penalties** prescribed by Algerian law. According to **Article 30 of the Algerian Penal Code**, kidnapping and killing a child are treated as **felonies**, with punishments equivalent to those imposed for completed crimes, even if the attempt alone is established.[1]

Furthermore, the offense of child abduction is often a **precursor to other grave crimes**, such as **murder, rape, physical assault, extortion, or unlawful detention**. The combination of these acts highlights the exceptional nature of the crime and the deep social and moral danger it represents.

Consequently, the **kidnapping and killing of children** must be recognized as a **crime of special character**, defined by its composite structure, rapid execution, and severe consequences for both the individual victim and society at large.

Section V: The Factors Behind the Crime of Kidnapping and Killing Children

The factors contributing to the crime of kidnapping and killing children can be divided into several categories, primarily social and psychological.

A) Social Factors

Social factors encompass all the influences that surround a person from birth until full maturity - including their interactions with others, their relationships, and the ways they learn to solve problems. These influences begin within the basic social unit - the family - then extend to school and ultimately to the broader community. Together, these environments shape individual behavior and can, in some cases, motivate certain criminal acts.

1. The Family

The family environment plays a crucial role in shaping a child's personality and behavior. Children who experience physical[2] or emotional[3] abuse, neglect, or lack of parental attention often suffer deep psychological harm. When parents fail to provide basic needs such as food, housing, medical care, or emotional support, children grow up without the necessary foundation for healthy social integration. Exposure to family conflicts, pressure, and instability can also distort a child's moral development [Nabih 2008: 112].

Criminal behavior is often linked - directly or indirectly - to the individual's social surroundings. Criminologists distinguish between two main types of offenders. The first is the **morally corrupted criminal**, who grows up in an environment devoid of values and ethical guidance. Such an environment weakens the child's conscience, depriving him of the inner restraint that prevents deviant acts. The second is the **urban criminal**, whose actions are shaped by social pressures and traditions within the community. In both cases, crime may emerge as a distorted response to social tension - an attempt to achieve balance between personal desires and societal constraints [Jazar 2012: 31].

Therefore, it can be said that "the family is both the foundation of health and a source of deviation." The family is the first society that embraces the child from birth. Thus, everything that happens within it - whether affection, harshness, care, or neglect - leaves a permanent mark on the child's personality and future behavior.

2. The School

The school environment also has a decisive influence on the moral and psychological development of children. Teachers who humiliate, abuse, or treat students harshly may unintentionally push them toward aggression and deviant behavior. Such mistreatment can plant the seeds of resentment and rebellion that later manifest in criminal tendencies.

Conversely, educators who promote respect, fairness, and encouragement help build strong, confident, and law-abiding individuals. Therefore, teachers must receive proper training and continuous supervision to ensure that their influence remains positive. The peer group at school is another critical factor: a child's behavior can be strongly affected by classmates. If one student adopts antisocial conduct, others may imitate it - what some researchers describe as the "infection effect" [Bouri 2019-2020: 210].

Modern studies emphasize that individuals' behaviors are profoundly shaped by their social groups. A child excluded or rejected by peers may experience deep emotional pain, leading to behavioral problems. The feeling of isolation or social rejection is one of the most severe punishments for a child, often leaving long-term psychological scars.

[1] See article 50 of the Algerian Penal Code.

[2] Physical exploitation is the occurrence of one of the children or any other adult in the home deliberately harming the child: burning, broken bones, bruises, and severe excitement that sometimes leads to permanent disabilities such as brain dysfunction.

[3] Emotional exploitation: One parent constantly intimidates or humiliates the child or isolates him or her, resulting in a negative psychological impact on the child in the future.

For this reason, all institutions responsible for child care must fulfill their duties with sincerity and professionalism, ensuring the protection of children from kidnapping, murder, and any form of psychological or social harm that could foster future criminals.

It is also important to note that the decline of moral values and the weakening of religious faith are among the most influential factors leading to serious aggravated offenses such as kidnapping and killing children. Strong spiritual and ethical upbringing acts as a powerful shield against deviant behavior.

B) Psychological Factors

From a psychological perspective, human behavior is driven by a combination of innate and acquired motives. **Instinctive motives** - such as hunger, thirst, and the need for safety - arise naturally and do not need to be learned. However, when these instincts are distorted or unfulfilled, they can lead to frustration, aggression, or deviant behavior.

Certain psychological disorders, particularly those related to sexual instincts, can also lead to an offense of aggravated nature. A disturbed personality may struggle with inner conflicts between social values and deviant desires. When these conflicts are not properly managed, they may erupt into criminal acts, including sexual assault or revenge-driven violence.

Some offenders suffer from what psychologists describe as **"sycophantism"** - a state in which the individual's entire existence revolves around the pursuit of personal pleasure, regardless of moral or legal boundaries. Such individuals may commit serious aggravated offenses, including the kidnapping or killing of children, to satisfy distorted impulses.

For these reasons, every parent or guardian must closely monitor their child's development, relationships, and environment. Preventing children from exposure to harmful influences and family conflicts is essential to ensuring their growth in safety and peace - and to preventing the emergence of future offenders.

C) Economic Factors

1. Poverty

In many cases, the kidnapping and killing of children are motivated by financial gain - an attempt to seize another person's money or property. Such crimes are particularly prevalent in regions plagued by widespread poverty and unemployment, where individuals act out of economic desperation to meet their basic needs.

Poverty exerts an indirect yet profound influence on criminal behavior in society. Statistical evidence shows that nations suffering from poverty generally experience higher crime rates. People facing extreme deprivation may resort to illegal acts simply to survive.

However, poverty alone does not fully explain such crimes. It often interacts with other complementary elements such as social exclusion, lack of education, and economic inequality, which together foster frustration and resentment, ultimately pushing some individuals toward criminal acts like kidnapping or murder [Bouri 2019-2020: 229].

2. Rising Prices

Another significant factor is the continuous rise in the cost of living. Economic shifts have driven a large portion of the rural population to migrate to urban areas in search of better opportunities, concentrating most business activities in the cities.

This rural exodus has caused a severe shortage of agricultural labor and reduced agricultural production, which in turn has led to an increase in the prices of basic goods and necessities. As a result, the cost of daily living has become unaffordable for many, intensifying economic stress and hardship.

Population density in cities has also increased rapidly, creating additional social and financial pressures that often serve as catalysts for criminal behavior - including crimes against children [Nabih 2008: 29].

3. Unemployment

Unemployment is another major contributor to criminality, particularly among youth. Young people without stable income or purpose often suffer from feelings of failure, frustration, and despair about their future. The abundance of idle time and the absence of productive activity can generate psychological distress and a loss of moral direction.

In such conditions, individuals may seek to satisfy their suppressed desires through deviant or violent behavior. Kidnapping children - who are vulnerable and unable to resist - may become a means to demand ransom, seek revenge, or even satisfy perverse impulses.

Rapid urbanization, population growth, and slow economic performance have exacerbated unemployment rates. In many societies, even the growing participation of women in the labor market has unintentionally increased competition for limited job opportunities, deepening the frustration among unemployed youth.

These accumulated economic pressures foster resentment, alienation, and, in some cases, hostility toward society. Consequently, unemployment remains one of the most serious factors threatening social stability, as it often leads to tragic consequences such as the abduction or murder of children.

D) Cultural Factors

Cultural factors also play an essential role in shaping criminal behavior. Among them, the **influence of the media** stands out as one of the most powerful and pervasive in contemporary society.

Media Influence

With the expansion of modern media - including television, cinema, the internet, and digital platforms - violent content has become widely accessible. Films, series, and even crime documentaries often depict scenes of murder, kidnapping, and other violent acts in a sensationalized way, inadvertently teaching methods of crime or normalizing violence.

This constant exposure to aggression and immorality can desensitize individuals, especially children and adolescents, to violence and distort their perception of right and wrong. In some societies, the unregulated diffusion of "sex culture" or explicit material imported from foreign media further contributes to moral decay and confusion about ethical boundaries.

Unfortunately, radio and television programs are rarely supervised by psychologists, sociologists, legal experts, or religious scholars. As a result, instead of promoting virtue and civic values, many media outlets broadcast content that fuels violence, extremism, and moral corruption.

Similarly, cinema and theatre often fail to serve educational or national purposes, opting instead for sensationalism that provokes base instincts and glorifies criminal behavior. The lack of proper oversight, combined with outdated and low-quality programming, has amplified the harmful impact of such media content on society.

For this reason, it is crucial to exercise **positive and responsible control over media platforms**, ensuring that they respect psychological, ethical, and religious principles. A balanced and constructive media approach can protect society from the negative consequences of harmful content and help reduce the spread of crimes – including the kidnapping and killing of children.

Conclusion

In conclusion, it can be affirmed that the various factors analyzed throughout this study collectively contribute to the emergence and persistence of the crimes of child abduction and murder. Economic difficulties, such as poverty, unemployment, and rising prices, often play a significant role in pushing individuals toward such acts. However, it is essential to emphasize that not every person living in poverty or facing hardship turns into a criminal. Human beings have been endowed by God Almighty with reason, patience, and compassion - values that must guide their actions and prevent them from harming others, especially vulnerable groups like children.

Furthermore, there is an urgent need to exercise proper control and responsibility over cultural and educational influences. In an age of rapid scientific and technological advancement, where human thought continues to evolve, the media and educational institutions should aim to promote positive values, awareness, and peace. Educational and cultural programs must be designed to cultivate tolerance and humanity, while avoiding the spread of violence, aggression, or criminal tendencies through entertainment and mass communication.

On the international level, the treatment of the crimes of kidnapping and killing children remains incomplete. International law has not yet established a specific or universally accepted definition of these crimes. Instead, it provides broad and practical descriptions, along with general criminalization under various charters, treaties, and conventions. This lack of precision underscores the need for a unified and explicit international framework that clearly defines and punishes these grave acts.

As for the Algerian legal system, it has generally followed the principles of international law by defining the legal age of a child and criminalizing acts of violence against them. However, these measures remain broad rather than specific, despite the existence of national laws designed to protect children. There is still a need for more detailed and specialized legislation to ensure the comprehensive protection of minors.

Ultimately, this study has highlighted the gravity and distinctive characteristics of the crime of kidnapping and killing children - its composite nature, its rapid execution, and the devastating harm it inflicts. It has also clarified the underlying social, economic, psychological, and cultural factors that foster its occurrence. Recognizing and addressing these causes through effective prevention, awareness, and legislative reform remain essential steps toward safeguarding the lives and dignity of children everywhere.

References

Alston, P. (2006). Reconceiving the UN Human Rights Regime: Challenges Confronting the New UN Human Rights Council. Melbourne Journal of International Law. Available from: https://law.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0007/1681198/Alston.pdf

Bouri, F. (2019–2020). The Crime of Kidnapping Minors in Algerian Legislation and Its Prevention. Master's thesis, University of Maghnia, Algeria. Available from: https://backendspace.cu-maghnia.dz:8443/server/api/core/bitstreams/24c9686d-b418-4466-be6b-4d0427b548db/content

Chiaoui W., Hamid, et al. (2019). The Crime of Violent Child Abduction in Algeria. Revue Critique de Droit et des Sciences Politiques, 14 (2), 52–89. Available from: https://asjp.cerist.dz/en/article/132547

Ezzedine, F. (2023). The Phenomenon of Child Abduction in Algeria. Algerian Journal of Human Security. Available from: https://asjp.cerist.dz/index.php/en/article/210245

Jazar, F. Z. (2012). The Crime of Kidnapping Persons. Doctoral dissertation. Available from: https://www.elmizaine.com/2019/09/pdf_72.html

Glossary of Legal Terms (1999). First Edition. University Institution for Studies, Lebanon. Available from: https://koha.birzeit.edu/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=220630&shelfbrowse_itemnumber=276654

Nabih, N. A. H. (2008). Legally Impossible Crime. New University House, Egypt. Available from: https://documentation.univ-biskra.dz/opac_css/index.php?lvl=notice_display&id=51278

United Nations General Assembly. Rome Statute of the International Criminal Court (1998). Available from: https://research.un.org/en/docs/ga/quick/regular/53.

Citation:
Меккауи Зубейр. Юридическое регулирование похищения и убийства детей в алжирском и международном праве // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 63-69.
Mekkaoui Zoubeyr. (2026) The Legal Treatment of Child Abduction and Homicide under Algerian and International Law. Legal Linguistics, 40, 63-69.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 40, 70-76, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4012

ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ *УДК 343.01, ББК 67.408, ГРНТИ 10.77.51, Код ВАК 5.1.1*

Право потребителя на просвещение в области защиты по законодательству России и зарубежных стран

Е. Ю. Коваленко[1], Т. Л. Платунова[2]

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656015, Барнаул, Россия. E-mail: [1]ekov_@mail.ru, [2]taplatunova@yandex.ru

Статья посвящена исследованию права потребителя на информацию в области защиты его интересов в российском и зарубежном правопорядке через призму законодательных новелл и их правового эффекта в гражданском обороте, анализу формирования правовых гарантий для потребителя в свете международных правовых требований, выявлению основных направлений развития законодательства по защите прав потребителей, а также оценке практического опыта отдельных регионов России и регионов зарубежных стран в решении вопроса по реализации прав потребителей на информацию о способах защиты их прав.

Ключевые слова: право потребителя на информацию, защита прав потребителя, неюрисдикционная защита, процессуальная защита, альтернативные способы защиты прав потребителей.

Consumer's Right to Education in the Field of Protection under Russian and Foreign Legislation

E. Yu. Kovalenko[1], T. L. Platunova[2]

Altai State University

61 Lenin St., 656015, Barnaul, Russia. E-mail: [1]ekov_@mail.ru, [2]taplatunova@yandex.ru

The article is devoted to the study of the consumer's right to information in the field of protection of their rights in the Russian and foreign legal systems through the prism of legislative novelties and their legal effect in civil circulation, the analysis of the formation of legal guarantees for consumers in the light of international legal requirements, the identification of the main directions for the development of legislation on consumer protection, and the assessment of the practical experience of individual regions of Russia and regions of foreign countries in addressing the issue of implementing consumers' rights to information about the ways to protect their rights.

Key words: Consumer's right to information, consumer rights protection, non-jurisdictional protection, procedural protection, alternative methods of consumer rights protection.

Одним из основополагающих и общепризнанных международных прав в области защиты прав потребителей является право граждан на потребительское просвещение. Каждое государство гарантирует это право. Ввиду того, что потребитель является незащищенным участником в отношениях с продавцом, государство принимает меры по обеспечению его правом на потребительское просвещение. Можно отметить, что впервые еще 15 марта 1962 г. в связи с защитой прав потребителей была принята «Декларация о защите прав потребителей» президента США Джона Ф. Кеннеди. Декларация определяла следующие права потребителей: право выбора; право на информацию; право быть представленным (Декларация 1962). Затем, в 1973 году, Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла резолюцией «Хартию защиты прав потребителей». Документ определял следующие права потребителя: право на защиту здоровья и безопасности потребителей; право на защиту экономических интересов потребителей; право на возмещение ущерба потребителю; право на просвещение потребителей; право представлять потребителя. В европейской практике правовой защиты потребителей существует несколько моделей защиты потребителей. К одной из них можно отнести так называемую «административную», характерным признаком которой является наличие одного или нескольких государственных органов, ответственных за потребительскую политику (Хартия 1973).

На законодательном уровне в нашей стране нет определения понятия «потребительское просвещение», однако законодатель использует его в ст. 3 Закона РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 04.08.2025) "О защите прав

потребителей" (Закон РФ 1992), в котором указывает: «право потребителей на просвещение в области защиты прав потребителей обеспечивается посредством включения соответствующих требований в федеральные государственные образовательные стандарты и образовательные программы, а также посредством организации системы информации потребителей об их правах и о необходимых действиях по защите этих прав». Таким образом, потребительское просвещение – это деятельность, направленная на информирование потребителей об их правах и обязанностях в сфере защиты прав потребителей, а также на формирование навыков разумного потребительского поведения, на знание потребителем своих прав и понимание того, как их реализовать или защитить.

Человек по свой природе всегда стремится к удовлетворению своих потребностей, и потребитель старается всегда выбирать ту продукцию, которая должна соответствовать его ожиданиям, т. е. быть качественной и безопасной. В связи с этим вопросы правового информирования потребителя приобретают высокую важность при осуществлении гражданином своих прав.

Вопросы широкого правового информирования и просвещения населения продолжают иметь приоритетное значение в области защиты прав потребителей в России. Так, к примеру, в 2023 году в автономном округе Югра в России были реализованы комплексные мероприятия, направленные на информирование населения о потребительских правах, практическом применении законодательства о защите прав потребителей, грамотном поведении при отстаивании своих законных интересов в различных ситуациях, возникающих при приобретении товаров и услуг. Основные направления информационно-просветительской работы в указанном округе в области защиты прав потребителей были выбраны неслучайно – это и типичное консультирование граждан, непосредственно обратившихся за правовой помощью о всех правах потребителей, и, главное, о необходимых действиях по защите данных прав. В округе осуществлялось целенаправленное пропагандирование законодательства о защите прав потребителей среди всего населения посредством размещения информационных материалов в средствах массовой информации, а также в сети Интернет. Кроме того популяризация прав потребителей происходила в рамках организации регулярных выступлений на радио и телевидении. Специалисты в области защиты прав потребителей проводили тематические встречи с населением различных муниципальных районов, а именно с представителями самых социально уязвимых категорий населения. На базе образовательных организаций, комплексных центров обслуживания населения, различных учреждений проводились тематические лектории и мероприятия и с субъектами предпринимательской деятельности (Сведения 2024).

По итогам анализа данных, полученных с сайта Правительства Югры, нами установлено в целях актуализации поднятых в исследовании проблем по правовому просвещению и защите прав потребителей, что чаще всего в юридической практике поступают вопросы по защите прав потребителей в сфере розничной торговли, их доля составила 74,6% от всех обращений потребителей. Доли обращений по бытовым услугам составляют 11,4%, по жилищно-коммунальным услугам – 3,5%, услугам связи – 1,7%, транспортным услугам – 1,6%, медицинским услугам – 0,9%, банковским и страховым услугам, услугам правового характера – по 0,5%, образовательным услугам – 0,4%, туристским и спортивно-физкультурным услугам – по 0,3%, культурно-развлекательным услугам – 0,2%, доли обращений по остальным услугам – менее 4% (Сведения 2024).

Основные причины обращений потребителей были связаны с обнаружением недостатка в товаре (услуге, работе), нарушением срока оказания услуги (выполнения работы), вопросами по обмену (возврату) товара надлежащего качества, порядку расчета платы за услуги.

Несмотря на то, что в современной России сформирована нормативная база, обеспечивающая потребителю права, соответствующие международным стандартам, анализ практики показывает, что отдельные законодательные положения остаются несовершенными, что создает определенные трудности в реализации закрепленных прав потребителей. Следует обратить внимание на необходимость совершенствования судебной практики, включая преодоление ограниченной доступности квалифицированной юридической помощи, тенденцию судов к снижению размера законной неустойки по требованиям потребителей, а также недостаточный уровень компенсации морального вреда. Анализ научной литературы позволяет отметить, что на законодательном уровне до сих пор отсутствует единое определение категории «способ защиты нарушенных или оспариваемых прав», что вызывает дискуссии как среди ученых-правоведов, так и среди законодателей. Следовательно, изучение существующих методов защиты прав потребителей и их классификация представляют собой актуальную задачу теории и практики права. Информированность потребителя о существующих способах защиты нарушенных или оспариваемых прав представляет собой проблему, связанную с правовым просвещением потребителей.

На наш взгляд, в связи с этим требует осмысления само понятие «потребительское просвещение», а также элементы его содержания. В статье В. Е. Белова рассматривается закрепленное в законодательстве право потребителя на просвещение в области защиты прав потребителей [Белов 2024: 443]. Проводится анализ содержания права на просвещение, анализируется взаимосвязь права на просвещение и права потребителей на образование, раскрываются публичные и общественные инструменты реализации данного права, а также проблемы его практической реализации на современном этапе. По сути содержание права сводится к овладению потребителем правовой информацией о способах и механизмах защиты своих прав.

По мнению А. Бабенко: «Механизм защиты прав потребителей включает не только гражданско-правовые средства, но и публично-правовые инструменты, особое значение среди которых отводится судебной и административной защите гражданских прав» [Бабенко 2014: 134]. По мнению А. Р. Пироговой: «К числу таких дополнительных правовых возможностей потребителя как слабой стороны правоотношения следует отнести:

− закрепление в законе наряду с самим потребителем перечня лиц, обладающих правом обращения в суд по спорам о защите прав потребителей (как в защиту конкретного потребителя, так и неопределенного круга потребителей);

− предоставление потребителю возможности выбора подсудности: обращения в суд по месту нахождения организации, а если ответчиком является индивидуальный предприниматель, – его жительства (общая территориальная подсудность);

− жительства или пребывания истца; заключения или исполнения договора, а если иск вытекает из деятельности филиала или представительства организации – по месту нахождения филиала или представительства (альтернативная подсудность);

− освобождение потребителя, равно как и лиц, обладающих правом на предъявление иска, как в защиту конкретного потребителя, так и неопределенного круга потребителей от уплаты государственной пошлины в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах;

− закрепление правовых презумпций, влияющих на распределение бремени доказывания между сторонами (потребителем и изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) в процессе, освобождающих потребителя от бремени доказывания тех или иных обстоятельств (например, презумпция отсутствия у потребителя специальных познаний);

− наделение потребителя правом требовать компенсации морального вреда при нарушении его имущественных прав, при этом фактически освобождая его от обязанности доказывания факта причинения физических и нравственных страданий» [Пирогова 2022: 54]. Потребитель находится в наиболее слабой позиции по сравнению с его контрагентами, его статус осознается им поверхностно, как отмечают исследователи [Кирилловых 2020: 24]. Не трудно согласиться с этим положением дел, поэтому внимание к просвещению потребителя должно выстраиваться в государстве масштабно.

Просвещение потребителя относительно свойств и характеристик товара является обязанностью продавца, поэтому в случае судебного спора, как справедливо отмечает Э. Д. Рагимова, «предположение об отсутствии у потребителя специальных познаний о его свойствах и характеристиках товара основано на закрепленной законом обязанности изготовителя (исполнителя, продавца) своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность компетентного выбора (ст. 12). Информация о товарах (работах, услугах) в соответствии с п. 2 ст. 8 Закона должна доводиться до сведения потребителя в наглядной и доступной форме в объеме. Особо необходимо остановиться на способах защиты и восстановления нарушенных прав потребителей. Убытки выступают универсальной мерой гражданско-правовой ответственности» [Рагимова 2025: 343].

Для предотвращения недобросовестности продавцов и защиты потребителя в нашей стране принят Закон РФ от 7 февраля 1992 г. N 2300-1 "О защите прав потребителей" (далее - Закон N 2300-1). Вместе с тем основной нормативно-правовой базой, регулирующей отношения между лицом, предоставляющим товары или услуги, и потребителем, являются положения Гражданского кодекса Российской Федерации, которые устанавливают основные нормы по защите прав потребителей. Положения Закона N 2300-1 имеют большую долю разъяснений и интерпретаций прав. Таким образом, можно говорить об интегрированном подходе и совместном применении установленных норм, взаимосвязанных друг с другом.

Закон N 2300-1 характеризует граждан как потребителей, поэтому прежде всего стоит говорить о правовых особенностях данной категории лиц. Потребитель – гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Решающее значение в принятии Закона N 2300-1 имеет идея структурной неполноценности потребителя по сравнению с могущественными корпорациями или компаниями. Потребитель должен иметь возможность принять наиболее рациональное решение. Поэтому цель защиты прав потребителей состоит в уменьшении дисбаланса между двумя сторонами. Очевидно, что указанный Закон призван защитить человека как уязвимого участника отношений в сравнении с профессионалом, чья осведомленность и практические умения максимально извлечь прибыль из сложившихся отношений оставляют за ним некоторые возможности для злоупотреблений.

На сегодняшний день подавляющее большинство гражданско-правовых договоров с участием потребителей, осложненных иностранным элементом, заключаются в отношении объектов материального мира (вещей, товаров), а также интеллектуальной собственности (например, программного обеспечения), приобретаемых потребителями дистанционным способом (онлайн) с помощью различных web-сайтов, приложений и т. п. Несколько реже встречаются потребительские онлайн-договоры с иностранным элементом, объектами прав участников которых выступают услуги либо работы. Для заключения договоров возмездного оказания услуг с иностранной профессиональной стороной потребители, как правило, лично едут в иностранное государство, как это происходит, например, в целях приобретения медицинских, экскурсионных или гостиничных услуг потребителями за границей. Хотя и подобные договоры могут заключаться на территории Российской Федерации, а значит, могут возникнуть вопросы и о применимом праве, и о месте рассмотрения споров из подобных договоров.

Например, в сегодняшнее время (в период санкций) сложно что-либо заказать с иностранных сайтов, или оплатить доступ к программным обеспечениям и т. д. Помимо этого, в случае успешной оплаты неизвестно, возможно ли при нарушении прав потребителей восстановить эти права.

По сравнению с 1992 г. торговля и сфера услуг существенно изменились. В 1992 г. потребители не покупали товары

через сеть Интернет и не заказывали услуги, связанные с информационными технологиями. Сегодня имеется множество потребительских отношений, которых во время разработки Закона просто не существовало. Современное правовое регулирование дистанционной купли-продажи представляет собой комплексную систему норм, объединяющую положения Гражданского кодекса Российской Федерации и специального законодательства о защите прав потребителей. Основные принципы закреплены в ст. 497 Гражданского кодекса РФ, регулирующей розничную куплю-продажу, в том числе заключенную дистанционным способом, и в ст. 26.1 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». Дополнительное развитие эти положения получили в пп. 12–27 Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2463.

Следует подчеркнуть, что появление дистанционных способов торговли привело к изменению структуры гражданских правоотношений, расширив круг их участников. Теперь в подобных сделках помимо традиционных субъектов – продавца и покупателя – могут участвовать агрегаторы, платежные посредники, службы доставки и операторы электронных площадок. Такое многоуровневое взаимодействие требует более детализированного регулирования и четкого разграничения прав и обязанностей всех участников оборота. Агрегаторы как платежные посредники совершенно не заботятся о правовой информированности потребителя, более того, содействуют лишь собственным интересам.

Это означает, что действующее законодательство и судебная практика должны приспосабливаться к изменяющимся экономическим отношениям и пытаться их отрегулировать с учетом классических норм Закона № 2300-1.

В связи с этим интересен для изучения опыт иностранных государств в сфере защиты прав потребителей. Например, в Германии нет отдельного закона о защите прав потребителей. В основном это связано с тем, что тема затрагивает большое количество правовых сфер и правовых сделок, а также сфер жизни, которые необходимо регулировать с целью защиты прав потребителей. Поэтому положения о защите потребителей можно найти, например, в Гражданском кодексе (BGB), в Кодексе пищевых продуктов и кормов (LFGB), в Постановлении о косметике (KosmetikV), в Законе о наркотиках (AMG), в Кодексе о несостоятельности (InsO), в Постановлении о правах пассажиров или в Законе о конкуренции (UWG) [Головина 2021: 69].

Эти законы о защите прав потребителей, кроме Гражданского кодекса Германии, регулируют широкий круг вопросов. Примеры включают: неоказанные услуги (§ 241a BGB); принципы договоров потребления (§ 312-312k BGB); право на отзыв (§ 355-361 BGB); правила покупки потребительских товаров (§ 474-479 BGB); право аренды на время отпуска (§ 481-487 BGB); положения о договорах потребительского кредита (§ 491-505 Гражданского кодекса); закон об аренде жилья (§ 549-577a BGB) и другие. Производители должны соответствовать определенным минимальным стандартам, чтобы иметь возможность продавать свои товары внутри страны. Таким образом, гарантия и рекламации также имеют значение для защиты прав потребителей.

В Республике Беларусь существует аналогичное регулирование данных правоотношений. В статье 1 Закона Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» дается аналогичное понятие «потребителя» (Закон Республики Беларусь). Правовой основой, помимо данного закона, также являются: Гражданский кодекс Республики Беларусь, иное законодательство, международные договоры Республики Беларусь, а также международно-правовые акты, составляющие право Евразийского экономического союза.

В Законе Азербайджанской Республики «О защите прав потребителей» потребитель определяется как лицо, использующее, приобретающее, заказывающее, либо имеющее намерение приобрести или заказать товары, работы и услуги для удовлетворения личных нужд (Закон Азербайджанской республики). Как видим, законодатель Азербайджанской Республике не выделяет семейные или иные нужды, не связанные с предпринимательской деятельностью, мы можем говорить о том, что он либо отождествляет их, либо они не входят в этот перечень.

Отметим, что в отечественном законодательстве нормы защиты прав потребителей тоже не ограничиваются Законом № 2300-1 и Гражданским кодексом РФ. Потребительские отношения всегда затрагивают все сферы жизни общества. Прежде всего это обусловлено постоянной потребностью населения в товарах, работах и услугах. Однако стоит помнить о том, что становление рынка невозможно без надлежащего и бесперебойного законодательного регулирования в сфере защиты прав потребителей. Эта необходимость проявляется в нестабильной работе потребительского рынка, в результате которого интересы потребителей нарушаются, например, в непредоставлении потребителю информации о товаре, работе или услуге вплоть до ущемления прав потребителей в заключаемом договоре между продавцом (изготовителем) и потребителем, что в результате приводит к убыткам для последнего. Между тем значительная часть товаров не отвечает требованиям безопасности для жизни и здоровья людей.

Реализация защиты потребителем нарушенных прав может происходить в двух основных формах:

- внесудебной, т. е. посредством применения соответствующих административно-юрисдикционных полномочий, в том числе с помощью субъектов, наделенных соответствующей административной юрисдикцией (например, Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Уполномоченного по правам человека и др.);

- процессуальной - путем обращения в судебный орган, согласно ст. 17 Закона N 2300-1, по выбору потребителя.

Выбор способа и формы защиты прав реализуется на усмотрение потребителя, права которого были нарушены. На сегодняшний день наиболее популярным и действенным способом защиты прав потребителей является судебная защита. Так, согласно судебной статистике, в 2021 г. гражданскими судами было рассмотрено 156 359 дел в категории

защиты прав потребителей в сфере торговли и услуг, в 2020 г. их было 150 715, в 2019 г. - 182 228 (Обзор судебной практики 2021). Несмотря на уменьшение количества рассмотренных дел, данная категория судебных исков занимает значительное место среди остальных требований в судах общей юрисдикции. На наш взгляд, данный факт свидетельствует о доверии граждан к судебным органам как единственному способу защиты прав. Вместе с тем необходимо обратить внимание на альтернативные способы защиты прав потребителей.

Так, в целях предупреждения, пресечения нарушения прав и защиты прав и законных потребительских интересов в нашей стране учреждена служба Роспотребнадзора. Согласно Плану деятельности Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека на период до 2024 года деятельность Роспотребнадзора на период до 2024 года в первую очередь направлена на достижение национальных целей развития Российской Федерации, установленных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. N 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года", а также целей, основных задач и приоритетов, утвержденных Основными направлениями деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года, включая обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения как одного из основных условий реализации конституционных прав граждан на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду. Для представления интересов граждан в суде и проведения организационных проверок существуют другие специально уполномоченные органы, в том числе прокуратура.

Однако, поддерживая точку зрения О. В. Люкиной, считаем, что основной проблемой на сегодняшний день является то, что фактически альтернативные способы урегулирования споров с участием потребителей не применяются [Люкина 2021: 212]. Кроме того, указанные службы осуществляют свои полномочия в законодательно установленных рамках. Между фиксированием нарушения прав потребителей и их восстановлением наблюдается достаточно большой промежуток времени.

При этом альтернативные методы урегулирования конфликтов широко используются во всем мире, а в отдельных странах достигли наибольшей результативности (США, Германия и пр.). Помимо классических институтов, таких как министерства или ведомства, в странах Европейского союза особую активность в этой сфере проявляют некоммерческие ассоциации и неправительственные организации (НПО). Так, в Германии одним из самых известных учреждений по защите прав потребителей является Центр защиты прав потребителей. Организация является политически активной организацией ассоциаций, базирующихся на уровне земель, которые объединились по всей стране.

Кроме того, стоит обратить внимание и на существующий в Германии фонд Stiftung Warentest (Фонд Stiftung Warentest). Он считается одним из самых известных фондов, который регулярно проводит испытания и анализ потребительских товаров и услуг. Его сравнения часто используются для проверки полезности, практической ценности и совместимости с окружающей средой.

Еще одна организация по защите прав потребителей, которая часто упоминается в СМИ, это Foodwatch. Некоммерческая ассоциация фокусируется на продуктах питания. Основная цель – консультирование и информирование потребителей о сельскохозяйственном и продовольственном производстве. Кроме того, ассоциация в контексте защиты прав потребителей может подавать иски. Организация действует в европейских странах и имеет офисы в Германии, Австрии, Франции и Нидерландах.

Стоит отметить и европейскую систему быстрого оповещения RAPEX (Директива 2001). Существуют требования к качеству товаров, утвержденные уполномоченными органами для защиты прав потребителей. Если качество или технические характеристики товара не соблюдаются, то такой товар должен быть снят с реализации во всех предприятиях торговли быстро и повсеместно, чтобы не успел навредить другим потребителям. Именно с этой целью в 2003 г. была создана система RAPEX, что расшифровывается как Rapid Exchange – "быстрый обмен". Система быстрого оповещения об опасных непищевых продуктах обеспечивает быстрый общеевропейский обмен информацией об опасных потребительских товарах. В ней принимают участие все государства - члены Европейского союза, а также Исландия, Лихтенштейн и Норвегия.

RAPEX позволяет за короткое время распространить предупреждения о продуктах от национальных органов по всей Европе. Таким образом, опасные продукты должны быстро исчезнуть с полок на всем внутреннем рынке ЕС. Европейская комиссия публикует еженедельные сводки уведомлений системы быстрого оповещения в Интернете. Она предоставляет информацию о соответствующем продукте, конкретных опасностях и мерах, принятых для защиты потребителей.

Товары, импортируемые из Китая, представляют собой проблему, так как они возглавляют список всех зарегистрированных опасных грузов, в связи с чем приоритетом для ЕС является сотрудничество с китайскими властями. Сегодня уже используется так называемый китайский механизм: каждое уведомление о китайском продукте передается местным властям, чтобы можно было напрямую связаться с производителем или экспортером.

В Российской Федерации альтернативные способы разрешения споров с участием потребителей пока широкого распространения не получают, и это следует трактовать как очевидный недостаток. Полагаем, что основной причиной является длительность процедуры восстановления нарушенных прав и отсутствие гарантии их восстановления, в отличие от судебного порядка.

В России есть Честный знак – национальная система маркировки товаров. В настоящее время в торговых точках России можно увидеть QR-код на товарах молочной продукции, который может сообщить потребителям о сроках годности. Однако эти меры не столь эффективны, и зачастую, несмотря на установленную юридическую ответственность, правила нарушаются.

В 2025 году был принят ряд федеральных законов, которые внесли изменения в Закон о защите прав потребителей, в частности изменения в статью 16 ФЗ о навязывании потребителю дополнительных товаров и услуг (редакция закона от 07.04.2025 N 69-ФЗ). С 1 сентября 2026 года вступят в силу правила, которые обязывают продавцов и владельцев маркетплейсов указывать в сведениях о товаре ссылку на запись в реестре сертификатов и деклараций, подтверждающую его соответствие установленным требованиям. Документ направлен на защиту права потребителей получать достоверную информацию о товарах и их изготовителях. Действующий закон о защите прав потребителей пока не содержит обязательных требований к продавцу (в случае дистанционной торговли - владельцу агрегатора) о предоставлении ссылки на соответствующий реестр.

Еще один шаг на пути защиты прав потребителя – компании не имеют право оформлять согласие на дополнительные товары и услуги без согласия потребителя, за такие действия установлена административная ответственность по статье 14.8 п.2.1 КоАП (КоАП РФ 2026).

Развитие сферы цифровой маркировки товара обеспечивает беспрепятственное получение потребителем информации о товаре, к примеру, спортивном питаним, строительных материалах, товарах для дезинфекции, детских игрушках, стартует маркировка сладостей и кондитерских изделий и др. Эти требования обязательны и для продавцов маркетплейсов. Данные решения законодателя обеспечивают реализацию прав потребителя на информацию. Такая практика должна охватывать большинство товаров народного потребления.

Еще одно нововведение может рассматриваться как реализация права потребителя на информацию о продукте в сфере потребительского кредитования – период охлаждения для потребительских кредитов и займов, на основании Закона о периоде охлаждения по кредиту, который вступил в силу с 1 сентября 2025 года (Федеральный закон от 13.02.2025 N 9-ФЗ). На процесс одобрения заявки период охлаждения в банке не влияет – решение о выдаче кредита принимается как обычно. Но перевести деньги клиенту банк сможет только после окончания установленного периода. В это время у потребителя есть право отказаться от сделки без последствий. Кредитор обязывается законом извещать заемщика о периоде охлаждения и о его сроках.

Целенаправленная и системная работа в области просвещения населения позволяет вырабатывать у граждан определенные навыки и стереотипы поведения в различных ситуациях, возникающих во время приобретения товаров и заказе услуг, что позволяет потребителю более уверенно чувствовать себя при защите своих прав в процессе урегулирования потребительских споров. Достоин внимания опыт некоторых зарубежных государств по вопросу альтернативных способов защиты прав потребителей, в том числе прав на информацию. В регионах России также имеются достойные практические примеры реализации прав потребителей на просвещение. Результаты деятельности органов власти в Ставропольском, Краснодарском краях, в Югре в области защиты прав потребителей по правовому просвещению и информированию жителей территорий подтверждают целесообразность продолжения последовательной работы в данном направлении во всех регионах страны. Целью такой деятельности должно стать обеспечения эффективной защиты прав потребителей и поддержания баланса интересов всех участников потребительского рынка в России.

Список источников

Декларация о защите прав потребителей от 15 марта 1962 года URL: https://hoofnagle.berkeley.edu/2015/05/07/president-kennedy-consumer-bill-of-rights-march-15-1962/

Хартия защиты прав потребителей 1973. Принята Резолюцией Парламентской Ассамблеи Совета Европы №543 от 17 мая 1973 года URL: https://base.garant.ru/71796354/

Закон РФ от 07.02.1992 N 2300–1 (ред. от 01.05.2025) «О защите прав потребителей». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/

Сведения об оказании правовой помощи и правовом просвещении в сфере защиты прав потребителей в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре за 1 полугодие 2024 года. URL: https://zpp.admhmao.ru/informatsionno-analiticheskie-materialy/2024-god/10666157/svedeniya-ob-okazanii-pravovoy-pomoshchi-i-pravovom-prosveshch/

Закон Республики Беларусь № 90-З (Закон Республики Беларусь от 9 января 2002г.) «О защите прав потребителей». URL: https://oozp.by/legal-documents/consumer-protection-law?ysclid=mqyjyisyhm820521348

Закон Азербайджанской Республики от 19 сентября 1995 года №1113 «О защите прав потребителей». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2795/ (дата обращения: 29.11.2025).

Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей. URL: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-po-delam-o-zashchite_1/

План деятельности Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека на период до 2024 года" (утв. Роспотребнадзором). URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/upload/iblock/cdf/plan-deyatelnosti-rospotrebnadzora-do-2024-goda.pdf

Фонд Stiftung Warentest URL: https://www.beuc.eu/beuc-network/members/stiftung-warentest

Директива 2001/95/ЕС Европейского Парламента и Совета от 3 декабря 2001 г. об общей безопасности продукции. URL: https://www.icqc.eu/userfiles/File/directiva%202001%2095%20ec%20gpsd%20ru.pdf (дата обращения: 29.11.2025).

Государственная система маркировки «Честный знак». URL: https:// HYPERLINK "https://честныйзнак.рф/"честныйзнак HYPERLINK "https://честныйзнак.рф/". HYPERLINK "https://честныйзнак.рф/"рф HYPERLINK "https://честныйзнак.рф/"/

THE Foodwatch FOUNDATION. URL: https://www.foodwatch.org/en/foodwatch-international/ (29.11.2025).

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред о 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026). URL: https://www.consultant.ru
Защита прав потребителей в Ханты-Мансийском автономном округе. URL: https://zpp.admhmao.ru/informatsionno-analiticheskie-materialy/2023/ob-obespechenii-zashchity-prav-potrebiteley-v-khan/4-pravovoe-informirovanie-i-prosveshchenie-naselen/9755960/4-pravovoe-informirovanie-i-prosveshchenie-naseleniya-v-sfer/

Литература

Бабенко А. О некоторых аспектах компенсации морального вреда / Право и экономика. - 2014. - № 1. - С. 132-135.
Головина Л. А. Защита прав потребителей в Германии, Великобритании и США / Молодой ученый. - 2021. - №15(357). - С.169-170. URL: https://moluch.ru/archive/357/79789/
Кирилловых А. А. Право потребителя на просвещение: содержание и проблемы механизма реализации. URL: https://www.jusinf.ru/catalog/article4292/
Люкина О. В. Правовые аспекты защиты прав потребителей в торговле / Университетская наука. - 2021. - N 2(12). - С. 212 -215.
Пирогова А. Р. Актуальные проблемы правового регулирования в сфере защиты прав потребителей / Гражданско-правовое регулирование общественных отношений в современной России : Сборник научных статей и докладов XI Международной научно-практической конференции, Орел, 11 марта 2022. Орел, 2022. - С. 53-56.
Рагимова Э. Д. Защита прав потребителей в российском гражданском праве: проблемы и перспективы / Актуальные вопросы развития управления, экономики и права в современных условиях : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 31 марта 2025 года. Уфа, 2025. - С. 340-344.

References

Babenko, A. (2014). On Some Aspects of Compensation for Moral Damage. Law and Economics, 1, 132-135 (in Russian).
Golovina, L. A. (2021). Consumer Rights Protection in Germany, the United Kingdom, and the United States. Young Scientist, 15(357), 169-170. Available from: https://moluch.ru/archive/357/79789/ (in Russian).
Kirillovykh, A. A. (2020). Consumer's Right to Education: Content and Implementation Mechanism Issues. Available from: https://www.jusinf.ru/catalog/article4292/ (in Russian).
Lyukina, O. V. (2021). Legal Aspects of Consumer Rights Protection in Trade. University Science, 2(12), 212-215 (in Russian).
Pirogova, A. R. (2022). Actual Problems of Legal Regulation in the Field of Consumer Rights Protection. Civil Law Regulation of Social Relations in Modern Russia : Collection of Scientific Articles and Reports of the XI International Scientific and Practical Conference. Oryol, 53-56 (in Russian).
Ragimova, E. D. (2025). Consumer Rights Protection in Russian Civil Law: Problems and Prospects. Collection of Materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference. Ufa, 340-344 (in Russian).

Citation:
Коваленко Е. Ю., Платунова Т. Л. Право потребителя на просвещение в области защиты по законодательству России и зарубежных стран // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 70-76.
Kovalenko E. Yu., Platunova T. L. (2026) Consumer's Right to Education in the Field of Protection under Russian and Foreign Legislation. Legal Linguistics, 40, 70-76.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 40, 77-81, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4013

ЛИНГВОЭКСПЕРТОЛОГИЯ *УДК 81'33, ББК 81.1, ГРНТИ 16.31.61, Код ВАК 5.9.8*

Семантизация спорных номинаций лиц в лингвистической экспертизе

А. А. Федосеев

Байкальский государственный университет

ул. Ленина, 11, 664003, Иркутск, Россия. E-mail: frey-2008@yandex.ru

В статье рассматриваются средства и способы семантизации спорных номинаций лиц при проведении лингвистической экспертизы текста в делах об оскорблении, о защите чести, достоинства и деловой репутации. В подобного рода делах однозначная семантизация номинации лица, то есть предельно точное, соответствующее речевой ситуации, характеристикам ее участников, стилистической отнесенности контекста выявление значения языковой единицы, используемой в качестве наименования человека, является одним из важнейших факторов, обеспечивающих непредвзятость, объективность выводов лингвиста-эксперта. Важнейшей составляющей работы лингвиста при проведении лингвистической экспертизы является отбор словарей, позволяющих семантизировать вызвавшие спор номинации лиц адекватно речевой ситуации, которой релевантен исследуемый текст. Принимая нормативные словари и грамматики в качестве базовых источников лингвистической информации, нельзя упускать из виду то обстоятельство, что в них могут быть представлены далеко не все лексико-семантические варианты спорных номинаций, являющихся предметом исследования. В этой связи возникает необходимость в словарях, отражающих просторечно-разговорный, сленговый, ненормативный пласт современной русской лексики. Выбор соответствующих словарей, а также привлечение материалов Национального корпуса русского языка, позволяющих точно определить все значения (семы), присвоенные субъектом речи выбранному им означающему-номинативу в представленном на экспертизу тексте, должны быть продиктованы, в первую очередь, тщательным исследованием стилистической отнесенности контекста, точной оценкой речевой ситуации и речевого поведения ее участников, прецедентных использований спорной языковой единицы с целью выявления ее прагматического созначения. Только комплексный подход к семантизации спорных номинаций позволяет лингвисту-эксперту представить суду вполне объективные, точные, достоверные ответы на поставленные судом вопросы.

Ключевые слова: семантизация, номинация, оскорбление, прагматическое созначение, контекст.

Semantization of Disputable Name-Callingin Linguistic Expertise

A. A. Fedoseev

Baikal State University

11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russia. E-mail: frey-2008@yandex.ru

The article concentrates on means and ways of semantization of disputable name-calling in linguistic expertise of cases of insult and defamation. In cases of that kind definitive semantization of name-calling is the most important factor in providing unbiased and objective expert finfings. That is, clarification of the meaning of a linguistic unit used to call a person must be exhaustive, accurate, corresponding to the speech situation and to the characteristic features of the participants, as well as to the stylistic features of the context. The most important part of the linguistic expertise of a text is selection of dictionaries allowing for semantization of disputable name-calling in compliance with the speech situation relevant to the text under investigation. While taking normative dictionaries and grammar references as basic sources of linguistic information, one must be aware that those may fail to contain all lexico-semantic variants of the investigated disputable name-calling. Hence arises the necessity for dictionaries reflecting colloquial, slang and non-normative layer of modern Russian vocabulary. The selection of relevant dictionaries, as well as of materials of the Russian National Corpus, which is supposed to allow one to precisely define all the meanings (semes) assigned by the subject of speech to the nominal signifier used in the text under linguistic investigation, must be based, first of all, on thorough investigation of the stylistic context, accurate assessment of the speech situation and speech behavior of the participants and of precedent uses of the disputable linguistic unit in order

to clarify its pragmatic connotation. Only this complex approach to the semantization of disputable name-calling makes it possible for the linguist to give quite objective, precise and credible answers to questions put by the court.

Key words: semantization, name-calling, defamation, pragmatic connotation, context.

В процессе проведения судебной лингвистической экспертизы лингвист-эксперт зачастую вынужден прибегать к семантизации актуальных для конкретного экспертного исследования номинаций. Очевидно, что перед экспертом стоит задача предельно полного и точного раскрытия значения языковой единицы в свете поставленных перед экспертом вопросов. Под номинациями в данном случае следует понимать употребление языковых единиц, «характеризующихся номинативной функцией, т. е. служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений…» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 336). В частности, в делах об оскорблении, о защите чести, достоинства и деловой репутации недвусмысленная однозначная семантизация номинации лица, то есть предельно точное, соответствующее контексту «выявление смысла, значения языковой единицы» [Розенталь 2003: 430], используемой в конкретном контексте для наименования человека, является одним из важнейших факторов, обеспечивающих непредвзятость, объективность выводов лингвиста-эксперта.

Как отмечала А. М. Плотникова, семантизация представляет собой «процесс и результат сообщения необходимых сведений о значении слова <…>, процесс создания словарного толкования как отображения «кванта знаний» о мире» [Плотникова 2013: 47-50]. Сходного мнения придерживается и А. Н. Баранов, подчеркивая, что при определении «круга источников лингвистической информации <…> особенно важными оказываются существующие нормативные словари и грамматики» [Баранов 2013: 17]. Однако, как отмечают авторы монографии «Государственный язык России: нормы права и нормы языка», «во многих толковых словарях на основе употребления слова в живой речи фиксируются разные его значения, но ни одно из этих значений не предписывается в качестве правильного» [Государственный язык России: нормы права и нормы языка 2018: 22], что наводит на мысль о возможной недостаточной точности семантизации той или иной номинации с опорой лишь на словарную дефиницию и, как следствие, необъективности представленных суду выводов эксперта. Следовательно, приступая к семантизации тех или иных номинаций, которые определяются поставленными перед экспертом вопросами и, соответственно, целями исследования, эксперт должен четко осознавать, что «квант знания» о мире представлен в языковом сознании носителей языка отнюдь не только тем значением или значениями, которые можно обнаружить в толковом словаре, но и тем, что представляют так называемые «прагматические созначения», которые «далеко не у всех слов присутствуют в их словарном варианте, но создаются контекстными условиями» [Будаев, Ворошилова, Руженцева 2019: 95].

Таким образом, очевидно, что семантизация номинаций в каждой конкретной речевой ситуации должна опираться не только на словарное толкование, но и на контекст, в котором номинация используется и который, как правило, играет определяющую роль при семантизации употребленной в данном контексте номинации.

Немаловажную роль в установлении того, какой именно «квант знаний» о мире отображает та или иная номинация в конкретном типе контекста, может играть постоянно развивающийся и постоянно пополняемый современным языковым материалом Национальный корпус русского языка. На момент написания статьи (декабрь 2025 года) НКРЯ насчитывал 133554 текста и почти 400 миллионов словоупотреблений в основном корпусе, что, несомненно, позволяет говорить о широких возможностях, которые открывает корпус в плане семантизации спорных номинаций, выявления их прагматического созначения, особенно с учетом их коллокативного потенциала.

Рассмотрим номинации лиц *баран*, *барашек*, *маразматик*, которыми в одной из социальных сетей обменивались оппоненты (гражданин А и гражданин Б) и которые впоследствии стали предметом лингвистической экспертизы в рамах встречных исков в деле об оскорблении, то есть об унижении чести и достоинства другого лица, выраженного в неприличной форме.

Как отмечает М. А. Осадчий, «при экспертной оценке публичной коммуникации основанием для признания высказывания неприличным является установление в высказывании ненормативных и/или табуированных элементов; под ненормативными элементами понимаются ЛСВ, имеющие в лингвистических словарях пометы *бран., руг., груб.-прост.* или внесенные в словари бранной лексики, матизмов и обсценизмов; под табуированными элементами понимаются образы телесного низа, экскрементов, полового акта и акта дефекации» [Осадчий 2019: 87]. Соглашаясь с М. А. Осадчим, можно сказать, что перед лингвистом-экспертом в рассматриваемом случае стояла задача установить, содержат ли лингвистические словари статьи с лексемами, ставшими причинами судебных исков, и если да, то имеют ли лексико-семантические варианты данных лексем пометы *бран., руг., груб.-прост.*; либо обнаружить искомые лексемы в словарях бранной лексики, матизмов и обсценизмов.

Ряд высказываний гражданина А обращены непосредственно к гражданину Б, в частности, «*Так может быть, тебя лучше ликвидировать, ты блин, барашек! …*», «*Ты просто баран… Потому что есть такие бараны, как ты*», где словоформы «*баран*», «*барашек*» используются для называния и вычленения фрагмента действительности, обозначенного личным местоимением «ты», и формирования о нем соответствующего понятия. В Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой лексема «баран» представлена двумя значениями: «1. Самец овцы. 2. Жвачное парнокопытное млекопитающее…» (Словарь русского языка: В 4-х т., Т. 1. А – Й 1981: 61). Оба эти значения являются прямыми номинациями, никаких стилистических помет не имеют и никак не соотносятся с человеком. Однако просторечно-разговорный контекст высказывания, его стилистическая маркированность явно указывают на то, что

слово «баран» используется в качестве косвенной номинации и употребляется в переносном значении. Толковый словарь русской разговорной речи дает следующее толкование лексемы «баран»: «DEF: о глупом, плохо соображающем мужчине», со стилистической пометой «STYL: *бран., презр.*» (Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А – И 2017: 80). Схожее значение лексемы «баран» как номинации лица приводится и в Толковом словаре русского сленга, а именно: «Недалекий, тупой человек» (Елистратов 2010: 32).

Таким образом, использование слова «баран» в качестве номинации лица в рассматриваемом случае не вызывает сомнения. Кроме того, согласно стилистической помете в Толковом словаре русской разговорной речи, оно используется как бранное, то есть, с необходимостью, согласно мнению М. А. Осадчего, должно быть признано неприличным, следовательно, оскорбительным.

Куда более неоднозначной представляется лексема «барашек», которая в Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой представлена рядом лексико-семантических вариантов, а именно: «1. *Уменьш.-ласк. к* баран; ягненок. 2. Выделанная баранья шкурка <...> 3. <...> Белая пена на гребнях волн <...> 4. <...> Небольшие кучевые облака <...> 5. <...> Цветочные сережки ивовых растений <...> 6. Гайка с двумя ушками или дужкой <...>» (Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1. А – Й 1981: 61). Наряду с прямым значением (уменьшительно-ласкательным к слову «баран») и пятью переносными, представленными в словаре, ни один из лексико-семантических вариантов лексемы «барашек» не является номинацией лица. В словарях бранной лексики, матизмов и обсценизмов лексема «барашек» также отсутствует (Елистратов 2010, Квеселевич 2005). Следовательно, словари не дают нам основания утверждать, что слово «барашек» может использоваться в качестве номинации лица. Однако контекст указывает на то, что данная лексема используется именно для номинации лица: «*... ты блин, барашек! ...*». Несмотря на то, что значение лексемы «барашек» с точки зрения правил русского словообразования в ее прямом значении трактуется в исключительно в позитивном ключе [Виноградов 1986: 103], в приведенном контексте, к тому же предваряемое эвфемизмом «блин», слово «барашек» приобретает уничижительно-презрительный оттенок, и, следовательно, будучи образованным от слова «баран», так же как слово «баран», употребленное в качестве номинации лица, воспринимается как бранное.

Таким образом, следует признать, что однозначно как позитивную или негативную номинацию лица лексему «барашек» семантизировать вряд ли представляется возможным, в силу чего она не может быть использована в качестве аргумента доказательства в деле об оскорблении личности.

Ряд представленных на исследование высказываний гражданина Б содержали информацию о гражданине А, в частности: «*Я всех уважаю, кроме вас, потому что вы маразматик*», «*Так и маразматиков режут, что ж теперь*», «*Маразм лечится!*». В данных высказываниях используются словоформы «*маразматик*», «*маразм*». Прямым, непосредственным референтом слова «маразматик» гражданин А является только в высказывании «*Я всех уважаю, кроме вас, потому что вы маразматик*», поскольку автор прямо указывает на гражданина А посредством личного местоимения «вы» и, употребляя слово «*маразматик*» как предикат высказывания, приписывает гражданину Б соответствующий признак. В высказывании «*Так и маразматиков режут, что ж теперь*» референт слова «*маразматиков*» имеет обобщенное значение и непосредственно не соотносится с гражданином А, но очевидно, что связан с ним контекстуально. В высказывании «*Маразм лечится!*» лицо, которому может быть приписан данный признак, является неопределенным. Тем не менее контекст, в котором употреблено данное высказывание, с очевидностью указывает на то, что состояние маразма приписывается именно гражданину А. Таким образом, в центре внимания оказывается номинация «маразматик», которая, по мнению гражданина А, унижает его честь и достоинство.

В частности, в Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой слово «маразматик» отсутствует, очевидно, в силу того, что, обладая просторечно-разговорной окраской, находится на периферии литературного языка. Но в то же время в данном словаре представлена лексема «маразм», которая определяется как «состояние полного упадка психической и физической деятельности человека вследствие старости или длительной хронической болезни» (Словарь русского языка : В 4-х т. Т. 2. К – О 1983: 228), и основа которой является производящей для основы лексемы «маразматик». Исходя из приведенного значения лексемы «маразм», можно предположить, что маразматик – это человек, находящийся в состоянии полного упадка психической и физической деятельности вследствие старости или длительной хронической болезни. Но бытовой, просторечно-разговорный характер общения, на который указывает целый ряд стилистически маркированных языковых особенностей контекста, заставляет усомниться в буквальном, прямом, выводимом из значения лексемы «маразм», номинации «маразматик». В Словаре русского языка лексема «маразм» определяется скорее как медицинский термин, описывающий состояния когнитивных способностей человека и человеческой психики, нежели как бытовое понятие. В бытовом же, просторечно-разговорном контексте лексема «маразматик» окрашивается «субъективным отношением говорящего к адресату речи, его действиям, поведению, к предмету разговора», в результате чего ее семантка утрачивает определенность [Синтаксис и литературное редактирование 2004: 81], размывается, становится полностью зависимой от контекста, от участников речевой ситуации и отношений между ними. Подтверждение данного положения находим в Толковом словаре русской разговорной речи, где лексема «маразм» представлена в двух значениях, а именно: «1. DEF: об ослаблении умственных способностей, памяти. 2. *перен*. о чем-л. абсурдном, крайне нелепом». При этом, в первом значении, слово «маразм» имеет стилистическую помету «STYL: *шутл*.», а также помету «PRAGM: в отличие от медицинского термина *маразм*, это слово в разговорной речи употребляется обычно шутливо или иронично в качестве преувеличения», указывающую на условия употребления слова в речи; во втором значении слово имеет стилистическую помету «STYL: *неодобр*.» и помету «PRAGM: в этом значении слово *маразм* часто используется как реакция на ситуацию и реплику собеседника...», указывающую на условия употребления слова в речи (Толковый

словарь русской разговорной речи. Вып. 2: К – О 2017: 244). Как видим, в просторечно-разговорном контексте «маразм» из серьезного диагноза превращается в шутку, хотя и с критическим оттенком. Этот же словарь дает и толкование собственно лексемы «маразматик», а именно: «DEF: о человеке (обычно пожилом) с признаками маразма» (в 1. знач.)», со стилистической пометой «STYL: *неодобр., пренебр.*» (Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2: К – О 2017: 245). То есть «маразматик» в ситуации бытового общения оказывается номинацией отнюдь не серьезной – шутливой, хотя и с оттенком неодобрения и пренебрежения. Материалы Национального корпуса русского языка (здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка ruscorpora.ru) в целом подтверждают приводимое в Толковом словаре разговорной речи значение данного слова, хотя отдельные его коллокации (*Лидер КНДР в долгу не остался, дав следующую характеристику Трампу: «выживший из ума старик-**маразматик**». [Мэлор Стуруа. «Можете считать это объявлением войны»: Трампа призвали наказать КНДР // Московский комсомолец, 25.09.2017]; В свою очередь Ким Чен Ын назвал речь Трампа «сумасшедшим бредом», а самого американского президента — «старым **маразматиком**». [Пушков назвал троллингом слова Трампа о дружбе с Ким Чен Ыном // Известия, 12.11.2017]; В декабре официальное правительственное информагентство КНДР ЦТАК назвало президента США Дональда Трампа «сумасшедшим **маразматиком**». [Сенатор США оценил вероятность ядерного удара Трампа по КНДР // Известия, 17.12.2017]*) с достаточно высокой долей вероятности указывают на то, что слово используется как бранное. Но это, скорее, все же исключения, чем общее правило его использования.

Таким образом, в делах об оскорблении только комплексный подход к семантизации спорных номинаций лиц, а именно изучение словарных значений всех лексико-семантических вариантов конкретных лексем, представленных в лингвистических словарях разных уровней, исследование прагматического созначения словоформ, а также анализ условий речевой ситуации и речевого поведения ее участников, позволяет лингвисту-эксперту представить суду вполне объективные, всесторонне обоснованные, достаточно точные, достоверные ответы на вопросы, поставленные на разрешение эксперта.

Список источников

Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга. М., 2010.
Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: ок. 16000 слов. М., 2005
Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Яровцева. М., 1990.
Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. А – Й. М., 1981.
Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 2. К – О. М., 1983.
Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А – И / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2014.
Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2: К – О /Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2017.

Литература

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основы и практика. М., 2013.
Будаев Э. В., Ворошилова М. Б., Руженцева Н. Б. Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы. М., 2019.
Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.
Государственный язык России: нормы права и нормы языка / под ред. С. А. Белова, Н. М. Кропачева. СПб., 2018.
Осадчий М. А. Русский язык в судебном процессе: Книга для судебных лингвистов-экспертов, журналистов, политиков, специалистов по рекламе и PR. М., 2019.
Плотникова А. М. Семантизация слова в современных толковых словарях и словарях концептов: новые тенденции / Филологический класс: журнал. 2013. № 3(33). URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=455727
Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М., 2003.
Синтаксис и литературное редактирование / Под ред. В. И. Максимова. М., 2004.

References

Baranov, A. N. (2013). Linguistic expertise of a text: Theory and practice. Moscow (in Russian).
Budaev, E. V. (2019). Linguistic expertise evolution: Methods and techniques. Moscow (in Russian).
Vinogradov, V. V. (1986). The Russian language (a grammatical teaching of a word). Moscow (in Russian).
The state language of Russia: Norms of the law and of the language (2018). S. A. Belov, N. M. Kropachev (Ed.). Saint Petersburg (in Russian).
Osadchiy, M. A. (2019). The Russian language in a court trial: A manual for legal linguistic experts, jpurnalists, politicians, specialists in advertisement and PR. Moscow (in Russian).
Plotnikiva, A. M. (2013). Semantization of a word in modern explanatory and conceptual dictionaries: new tendencies. Philological class: journal. No. 3(33). Available from: URL:https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=455727 (in Russian).
Rosental, D. E., Telenkova, M. A. (2003) A reference book of the Russian language. A dictionary of linguistic terms. Moscow (in Russian).
Syntax and literary editing (2004). V. I. Maksimov (Ed.). Moscow (in Russian).

Citation:
Федосеев А. А. Семантизация спорных номинаций лиц в лингвистической экспертизе // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 77-81.
Fedoseev A. A. (2026) Semantization of Disputable Name-Callingin Linguistic Expertise. Legal Linguistics, 40, 77-81.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 40, 82-87, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4014

РЕЧЕВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ *УДК 811.161.1, ББК 81.1, ГРНТИ 16.31.02, Код ВАК 5.9.8*

Особенности лексической замены англицизмов в рамках закона «О защите русского языка как государственного» (на материале фитнес-индустрии)

В. Н. Белоусов[1], Е. А. Непомнящих[2]

Байкальский государственный университет

ул. Ленина, 11, 664003, Иркутск, Россия. E-mail: [1]BelousovVN@bgu.ru, [2]trunova.k_86@mail.ru

Статья посвящена изучению особенностей лексической замены англицизмов в публичном языковом пространстве, ориентированном на массового потребителя, в связи с вступившими в силу 1 марта 2026 г. изменениями в законодательных актах Российской Федерации. В соответствии с законодательными изменениями, при использовании русского языка как государственного языка РФ допускается использование только тех иностранных слов, которые являются нормативными, то есть кодифицированы в рекомендованном перечне словарей. Правовые нововведения трансформировали способы лингвистического представления информации в публичном языковом поле, на которое оказывают существенное влияние процессы глобализации. Однако именно процессом глобализации и объясняется англизация современного русского языка – экспансия английских заимствований. Верификация реальной речевой практики в новых законодательных условиях была проведена на примере фитнес-индустрии, которая на сегодняшний день активно развивается и в которую вовлечено большое количество коммуникантов. Анализ названий спортивных тренировок выявил, что в целом номинации соответствуют требованиям закона «О государственном языке РФ». Однако в некоторых случаях наблюдается использование латинской графики, что является неправомерным в связи с законодательными изменениями. Зафиксированы случаи некорректной замены англицизмов – употребления лексических единиц, которые не представлены в рекомендованных нормативных словарях. В некоторых случаях это объясняется трудностями перевода на русский язык узкоспециальных лексем, обозначающих специфический спортивный инвентарь или тип физической активности, а также невозможностью подобрать абсолютный русскоязычный эквивалент, соответствующий грамматической системе языка, принципу благозвучия и коммуникативной задаче.

Ключевые слова: русский язык как государственный, англицизмы, заимствования, латинизация, публичная информация.

Peculiarities of Lexical Substitution of Anglicisms within the Law 'On the Protection of the Russian Language as the State Language' (Case Study of Fitness Industry)

V. N. Belousov[1], E. A. Nepomniashchikh[2]

Baikal State University

11 Lenin St. 11, 664003, Irkutsk, Russia. E-mail: [1]BelousovVN@bgu.ru, [2]trunova.k_86@mail.ru

This article examines lexical substitution of Anglicisms in the public linguistic landscape aimed at the mass consumer, in connection with the amendments to the legislative acts of the Russian Federation that came into force on March 1, 2026. According to these legislative changes, when Russian is used as the official language of the Russian Federation, only those foreign words that are normative, id est codified in the recommended list of dictionaries, are permitted. These legal novelties have transformed the methods of linguistic representation of information in the public linguistic landscape, which is significantly influenced by globalization processes. However, it is precisely the process of globalization that explains Anglicization of the modern Russian language—the expansion of English loanwords. Verification of real-life speech practices under the new legislative conditions was conducted as a case-study of fitness industry, which is currently actively developing and involves a large number of communicators. The analysis of the names of workouts revealed that, overall, the

nominations comply with the requirements of the Law "On the State Language of the Russian Federation." However, in some cases, the use of Latin script is observed, which is illegal due to the legislative changes. There have been cases of incorrect substitution of Anglicisms—the use of lexical units not included in the recommended standard dictionaries. In some cases, this is explained by the difficulties of translating highly specialized lexemes denoting specific sports equipment or types of physical activity into Russian, as well as the impossibility of finding an absolute Russian equivalent that complies with the grammatical system of the language, the principle of euphony, and the communicative purpose.

Key words: Russian language as a state language, Anglicisms, borrowings, Latinization, public information.

1 марта 2026 г. вступил в силу Федеральный Закон от 24 июня 2025 г. №168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» 2025). Ст. 1 дополняет Закон Российской Федерации от 07 февраля 1992 года №2300-1 «О защите прав потребителей» (Закон РФ «О защите прав потребителей» 1992), в частности, в ст. 10.1 «Информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей» говорится о том, что информация, которая адресована потребителям для публичного ознакомления, должна быть выполнена на русском языке как государственном языке Российской Федерации. Цель изменений – сделать понятной и общедоступной информацию в публичном пространстве, предназначенную неопределенному кругу потребителей, особенно старшему поколению, испытывающему трудности при декодировании текстов, содержащих неологизмы или латинскую графику. Согласно Закону, по усмотрению изготовителя или продавца информация может быть выполнена также на иностранных языках, при этом надписи на обоих языках должны быть идентичными по содержанию, равнозначными по размещению и техническому оформлению, но русский текст должен быть приоритетным, то есть первичным.

В соответствии со ст. 3 ФЗ №53 «О государственном языке РФ» (Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» 2005), государственный язык подлежит обязательному использованию «в продукции средств массовой информации; <…> информации, предназначенной для потребителей товаров (работ, услуг); в рекламе». Также закон ограничивает употребление заимствований: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке и перечень которых содержится в нормативных словарях, предусмотренных частью 3 настоящей статьи» (ст. 1 п. 6). Если ранее иностранное слово, не имеющее аналогичного русскоязычного варианта, употреблялось правомерно и обоснованно, то настоящая редакция закона обязывает коммуниканта сверяться с перечнем утвержденных заимствований и употреблять только те лексические единицы, которые соответствуют нормам. Нормы современного русского литературного языка, согласно ст. 1 п. 3, определяются как «правила использования языковых средств, зафиксированные в нормативных словарях, справочниках и грамматиках» и «утверждаются Правительством Российской Федерации на основании предложений Правительственной комиссии по русскому языку». К 2027 году будет создан Национальный словарный фонд – «федеральная государственная информационная система, которая представляет собой совокупность информации о нормах современного русского литературного языка, зафиксированных в нормативных словарях» (ст. 4.1. п. 1). До этого времени, в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.04.2025 № 1102-р (Распоряжение Правительства Российской Федерации 2025), необходимо руководствоваться утвержденным списком нормативных словарей (https://ruslang.ru/normativnyje_slovari).

Для того, чтобы лексическая единица стала нормативной, то есть была кодифицирована в словарях, необходимо соблюдение определенных условий: соответствие грамматической системе русского языка, массовая и регулярная воспроизводимость в речи большинством носителей русского языка, общественное одобрение и принятие. В современном русском языке нормы формируются не под влиянием художественной литературы как образцового варианта русского литературного языка, а под воздействием средств массовой информации как основного информационного источника.

Известно, что язык – это «инструмент культурного влияния в условиях глобализации» [Кашбулгаянов, Ковшик 2026: 29]. Нынешние законодательные изменения вызваны обилием заимствованной лексики, функционирующей в современном языковом пространстве. Неологизмы как «индикаторы социальных изменений и процессов, происходящих в различных коммуникативных средах» [Меляева, Нургельдыева, Багтыярова 2026: 301], появляются, как правило, в результате лексических заимствований. При этом многие из них «не вызывают непонимания и осуждения носителей литературного языка» [Козарева 2024: 101]. С одной стороны, «лексика в языке вынуждена обслуживать реалии современного мира, а потому должна подстраиваться под новые потребности общества» [Луговская, Чжан 2024: 179], то есть «процесс появления новых языковых единиц носит активный и непрекращающийся характер» [Мельникова 2026: 438]. С другой стороны, ученые сегодня в рамках лингвоэкологии говорят о важности исследования «современной языковой картины мира и коммуникативного пространства» [Григорян 2017: 219] в аспекте «языковой экспансии английского языка как формы глобального дискурсивного доминирования» и «массовой англицизации как симптома кризиса культурной саморегуляции в условиях глобализации» [Пигарева 2025: 332].

Ограничение употребления заимствований существенно замедлит процесс вхождения в современный русский язык иностранных слов, поскольку снизит частотность употребления в реальной речевой практике, а значит –

отсрочит фиксацию в нормативных словарях. Кроме того, это снизит количество неправомерных употреблений заимствований, зафиксированных латинской графикой, но при этом имеющих прямые русскоязычные аналоги: *catalog* (*каталог*), *sale* (*распродажа*), *price* (*цена*), *open* (*открыто*) и т. д.

Существенная проблема возникает с теми заимствованиями, которые уже, по большей части, вошли в активную речевую практику, но еще не были зафиксированы в словарях. В этом случае, в соответствии с законодательными изменениями, необходимо не только калькировать иностранное слово при помощи кириллической графики, но и пояснять смысл. Кроме того, вызывает сложность написание русского варианта английского слова в части транслитерации некоторых английских звуков, например, *a* и *e* – *э* или *e* (напрмиер, *кэ/ешбэ/ек*).

Обратим внимание на то, что латинский вариант написания возможен в том случае, если слово зарегистрировано как товарный знак, знаки обслуживания, общественные товарные знаки. Эту информацию можно проверить на официальном сайте Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) (https://searchplatform.rospatent.gov.ru/trademarks).

Отметим также, что существенной проблемой при идентификации нормативности лексической единицы является несоответствие перечня лексических единиц в представленных рекомендованных словарях. Очевидно, что Словарь иностранных слов фиксирует лексические единицы, не входящие в Толковый словарь, состоящий в том числе из уже «обрусевших» заимствований. Однако не понятно, почему в орфографическом словаре представлены единицы, которые не представлены в Толковом словаре. Например, лексемы *ай-кью* (Орфографический словарь русского языка 2025: 41) и *промокод* (Орфографический словарь русского языка 2025: 2212) представлены в Орфографическом словаре, в котором дается написание лексической единицы без пояснения значения. Ни в Словаре иностранных слов, ни в Толковом словаре указанных лексических единиц нет, вследствие чего не совсем ясно, является ли их употребление нормативным, а значит – правомерным. На наш взгляд, употребление лексической единицы следует считать правомерным, если она представлена хотя бы в одном из указанных рекомендованных словарей, даже если это Орфографический словарь, не содержащий толкования. Слово *кэшбэк*, довольно часто употребляемое в публичном пространстве, не представлено ни в одном из словарей, при этом в Словаре иностранных слов *кэш* употребляется исключительно применительно к IT-сфере, в значении «*То же, что кэш память*» (Словарь иностранных слов 2025: 952). Следовательно, употребление слова *кэшбэк* является неправомерным без уточнения семантики, поскольку требует от русскоязычного носителя знания английского языка для понимания смысла: от англ. *cashback: cash* – наличные, *back* – назад, то есть возврат денежных средств или скидка, предложенная клиенту в виде процента от покупки.

Далее проанализируем примеры замены англицизмов в фитнес-индустрии – названия тренировок в фитнес-клубе World Class Lite, Иркутск, демонстрирующие попытки лексических корректировок в соответствии с новыми требованиями законодательных изменений.

Примечательно, что большая часть названий имела исходный русский вариант (в текстах примеров, по возможности, сохранена исходная графика, в том числе регистр написания): *Бокс для детей*, *Сделай тело*, *Топ-топ*, *Суставная гимнастика*, *Красивое тело*, *Основы тренажерного зала*, *Дельфины*, *ГАРМОНИЯ ТЕЛА*, *Веселые рыбки*, *Женское здоровье*, *ГАМАКИ*, *Школа гибкости*, *АКУЛЫ*, *СВОБОДА ТЕЛА*, *Под водой*, *Гимнастика*, *Ритм танца*, *ЙОГА-ТЕРАПИЯ*, *Школа рисования*, *ВОДНЫЙ СТАРТ*.

Некоторые названия тренировок перевода не получили в связи с тем, что являются зарегистрированными в соответствии с международным форматом тренировочной методики Les mills и имеют стандартную латинскую графику в мировой сети спортивных клубов: *W Pump!*, *W Balance*, *W COMBAT, W CORE.*

Многие названия, ранее зафиксированные посредством латинской графики, получили прямой перевод, что соответствует требованиям закона, а также, на наш взгляд, существенно облегчает восприятие слов русскоязычными реципиентами: *Swimming – Плавание*, *Yoga – Йога, Time to swim – Время плавать, Torso – Торс*, *Step-interval – Степ-интервал*, *Functional training – Функциональный тренинг*, *Sycle – Велотрек*, *Stretching – Стретчинг.* Примечательно, что все перечисленные лексические единицы являются нормативными, поскольку зафиксированы в Словаре иностранных слов, хотя, на наш взгляд, слово *стретчинг* могло бы быть заменено семантически эквивалентным русскоязычным аналогом *растяжка*. В названии тренировки *ИНЬ-ЙОГА* употребление лексического элемента *инь* также можно рассматривать как правомерное: данная лексема не фиксируется в Толковом словаре и Словаре иностранных слов, однако кодифицирована в Орфографическом словаре с пояснением *«понятие китайской философии»* (Орфографический словарь русского языка 2025: 914).

Анализ названий спортивных тренировок выявил некоторые несоответствия нормам современного русского литературного языка. Например, английское название тренировки *Dance Mix* в новом варианте преобразовано в словосочетание *Танцевальный микс*, однако Словарь иностранных слов в значении «смешение, сочетание чего-л. разнородного» (Словарь иностранных слов 2025: 1144) фиксирует слово *микст*, лексема *микс* в рекомендованных нормативных словарях не представлена. Название тренировки *Сайкл + Функциональный тренинг* (ранее *Sycle + Functional training*) можно рассматривать двояко. Английское слово *cycling* дословно переводится как *велоспорт* и в фитнес-индустрии понимается как кардиотренировка высокой интенсивности с использованием стационарных велосипедов. В Орфографическом словаре представлена лексема *сайклинг*, однако усеченный вариант слова – *сайкл* – отсутствует в нормативных словарях.

В некоторых случаях прямой, дословный перевод недопустим в силу этимологических особенностей лексической единицы. Например, название тренировки *Pilates Mat* было зафиксировано как *Пилатес Мат*, то есть калькированием на кириллицу без перевода элемента *Mat*. Это связано с тем, что слово *мат* является обрусевшим и используется в значении «мягкая толстая подстилка, используемая при выполнении спортивных упражнений для предохранения

от ушибов» (Словарь иностранных слов 2025: 1089). Прямой перевод названия тренировки представлял бы собой сочетание *«подстилка для пилатеса»*, что абсолютно не соответствовало бы коммуникативной задаче. Однако словосочетание *Пилатес Мат* тоже не является лингвистически корректным, так как не соответствует нормам русской грамматики, в соответствии с которыми два существительных, стоящих друг с другом, должны быть соединены определенной синтаксической связью, поскольку в данном случае не наблюдаются отношения однородности. Исключить лексему *мат* тоже невозможно, так как она указывает на разновидность спортивной тренировки пилатес, выполняемой с использованием специального коврика.

Подобная проблема возникает и при переводе названия тренировки *Аква НУДЛС*, где заимствованный лексический элемент *noodles* буквально переводится как *лапша* и обозначает специальный спортивный инвентарь в виде гибких палок, используемых при упражнениях в воде. Думается, что прямой перевод *водная лапша* или *аква лапша* тоже не был бы понятен потребителю, однако использование калькированного элемента *нудлс*, в соответствии с требованиями законодательных изменений, является неправомерным, так не дает представления о характере физической нагрузки и требует знания английского языка для уточнения смысла.

Особую группу названий составляют водные тренировки, в которых лексический элемент *вода* фиксируется в калькированной форме – *аква*: *АКВАТИКА*, *Аква ФИТНЕС*, *Аква для беременных*. Лексема *аква* представлена в Словаре иностранных слов и дефинируется как «первая часть сложных слов, вносящая значения: 1. Относящийся к воде, связанный с водой. 2. Содержащий воду, связанный с содержанием воды (Словарь иностранных слов 2025: 67). В название водных тренировок с лексемой *аква* часто выносится элемент, обозначающий уровень сложности (*Аква СТАРТ*, *Аква КАРДИО*), стиль (*Аква ФРИСТАИЛ*), вид спорта (*Аква БОКС*) или часть тела, на которую будет направлена физическая нагрузка (*Аква ФИТНЕС ПРЕСС*, *Аква ФИТНЕС НОГИ*). Все указанные лексемы представлены в нормативных словарях.

Произведен перевод некоторых английских аббревиатур, которые ранее не давали ясного представления о характере физической активности. Например, слово *LAP*, которым ранее обозначалась силовая тренировка, является английской аббревиатурой – *Legs*, *Abdominal*, *Butts* – и буквально переводится как *ноги*, *пресс*, *ягодицы*. В новом варианте она получила название *Тренировка на нижнюю часть тела*, что соответствует требованиям законодательных изменений.

Лексический элемент *PRO* прочно зафиксировался в сознании современных русскоговорящих носителей и традиционно понимается как более высокий уровень проведения чего-либо – *профессиональный* уровень. Названия тренировок, содержащих этот элемент, были калькированы – *PROкачка/ПРОкачка*, *Ягодицы PRO/Ягодицы про*, *Pilates Pro/Пилатес Про* – или получили вариант с утратой указанного лексического элемента – *PROШпагат – Шпагатная мастерская.* Орфографический словарь фиксирует *про* как предлог и в значении «*про и контра*» (за и против) (Орфографический словарь русского языка 2025: 2182). Лексема *про* как составная часть сложных слов или самостоятельный лексический элемент, возникший в результате усечения лексемы *профессиональный*, в рекомендованных нормативных словарях не фиксируется. Даже если рассматривать *про* как предлог – *про что*? (винительный падеж), то в этом случае он должен стоять перед именем существительным, а не после него. Указанные названия тренировок не соответствуют языковым и законодательным нормам.

В некоторых случаях произведен не перевод названия тренировки, а сразу же дано пояснение типа физической нагрузки. *Make Body* в буквальном переводе обозначало бы *создать тело*, однако в новом варианте получило название *Пресс+стретчинг*, отражающее суть физической активности – силовая нагрузка, направленная на укрепление пресса, дополненная растяжкой.

Многие тренировки-студии, то есть посещаемые за дополнительную плату, начали содержать фамилию и имя тренера, например, *Студия Екатерины Горяшиной* (ранее – *Body Strong*), *Студия Дарьи Михайловой* (ранее – *Студия КРУГОВАЯ*), *Студия Олеси Гусельниковой* (ранее – *IRON WOMAN*). При этом нередко в тексте-пояснении используются английские слова, написанные латиницей, обозначающие, например, названия танцевальных стилей и направлений, которые взяты за основу тренировки: *Студия танца Наталья Долотказиной* – в пояснении *HIGH HEELS*, *Студия танца Дарьи Черемпей* – в пояснении *FRAME UP STRIP*. В переводе на русский язык указанных заимствований наблюдаются определенные сложности. *High heels* буквально переводится как *«высокие каблуки»* и обозначает танцевальное направление, в котором используется обувь на высоких каблуках. *Frame up strip* – дословно «стрип без границ» – танцевальный стиль на основе стрип-пластики. Указанные примеры являются случаями, когда заимствование приходит в язык вместе с явлением, которое обозначается вербальным комплексом и не требует дословного перевода. Так в свое время в русский язык пришло слово *футбол*, которое мы не переводим буквально как *нога* (*foot*) */ мяч* (*ball*), или *хот-дог*, не переводимое нами дословно как *горячая* (*hot*) *собака* (*dog*), и многие другие. Аналогично объясняется сохранение названия танцевальной тренировки *Zumba* в соответствии с названием танцевального направления под латиноамериканские ритмы. Однако использование латинской графики в данных случаях является некорректным.

С одной стороны, уход от английских версий названий упростил восприятие, поскольку теперь не требует от декодирующего текст потребителя знания английского языка для понимания смысла. Кроме того, название напрямую стало ассоциироваться с ведущим тренером, а значит, начало работать на продвижение его имени как «личного бренда» [Зуйкина, Агабабова 2022: 601]. С другой стороны, все названия стали относительно предсказуемыми, стандартными, утратили свою экспрессивность и креативность, которые имманентно свойственны брендингу в силу воздействия на эмоциональный интеллект при распознавании закодированного латиницей смысла: *FitGym* – (от англ.) – *fit* (усеченный вариант слова *«фитнес»*) + *gym «тренажерный зал»* – новый вариант названия

Студия силового тренинга в тренажерном зале; *IRON WOMAN* – (от англ.) – *iron «железный» + woman «женщина»* – новый вариант названия – *Студия Олеси Гусельниковой*. Однако с позиции новых законодательных изменений указанные лексические трансформации необходимы. Помимо этого, и ранее некоторые названия не отличались оригинальностью и экспрессивностью, а ограничивались, например, объективацией частей тела, на которые направлена физическая активность – *ЯГОДИЦЫ И ПРЕСС*, *Супер пресс*.

Некоторые названия сохранили исходную латинскую графику по непонятным причинам (*Boxing*, *FLY YOGA*), что с позиции действующего в настоящее время Закона является неправомерным.

Таким образом, вступившие в силу законодательные изменения вызвали трансформацию лингвистической презентации информации, адресованной массовому потребителю в публичном пространстве. Правомерность употребления заимствованной лексической единицы необходимо выявлять на основе проверки с лексическими единицами, зафиксированными в рекомендованном перечне словарей. Если лексема в словарях не представлена, она не является нормативной, следовательно, русский язык как государственный язык Российской Федерации используется неправомерно. Анализ номинаций тренировок в фитнес-индустрии выявил некоторые несоответствия при отказе от англицизмов. С одной стороны, лексическая замена иногда производится формально, что говорит о неправомерном использовании заимствований: английские слова калькируются кириллицей без уточнения смысла, что требует от русскоговорящего носителя знания английского языка; в название тренировки выносится фамилия и имя тренера, при этом в карточке-пояснении используются англицизмы, написанные латиницей; некоторые названия, зафиксированные в латинской графике и имеющие абсолютные эквиваленты в русском языке, не переведены на русский язык. С другой стороны, некоторые слова являются общемировыми трендами современной спортивной индустрии и их дословный перевод невозможен в силу лингвистических причин.

Список источников

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24.06.2025 N 168-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508347/.

О государственном языке Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) : Федеральный закон от 01.06.2005 N 53-ФЗ. URL: https://base.garant.ru/12140387/.

О защите прав потребителей (ред. от 28.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) : Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/

Орфографический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации / Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук. URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/orfograficheskij_slovar.pdf.

Орфоэпический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации / Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук. URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/orfoepicheskij_slovar.pdf.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.04.2025 № 1102-р. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505060013.

Словарь иностранных слов / Институт лингвистических исследований Российской академии наук. URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/slovar_inostr_slov.pdf.

Толковый словарь государственного языка Российской Федерации / Санкт-Петербургский государственный университет. Часть 1 (А–Н). URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/tolkovyj_slovar_chast1_A-N.pdf.

Толковый словарь государственного языка Российской Федерации / Санкт-Петербургский государственный университет. Часть 2 (О–Я). URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/tolkovyj_slovar_chast2_O-Ja.pdf.

Литература

Григорян А. Э. Философия лингвоэкологии в исследовании коммуникативного пространства / Право и практика. - 2017. - № 1. - С. 218-222.

Зуйкина К. Л., Агабабова Т. М. Особенности формирования личного бренда специалиста в сфере связей с общественностью / Вопросы теории и практики журналистики. - 2022. - Т. 11. - № 3. - С. 601-616.

Кашбулгаянов Р. А., Ковшик Е. А. Язык как инструмент культурного влияния: философское осмысление феномена / International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2026. - Vol. 2-2. - С. 28-33.

Козарева Е. С. Сложно говорить без спойлеров: специфика употребления слова спойлер в современном русском языке / Global & Regional Research. - 2024. - Т. 6. - № 1. - С. 100-103.

Луговская М. Ю., Чжан Ц. Новая лексика в языке и речи, связанная с финансовой сферой / Global & Regional Research. - 2024. - Т. 6. - № 3. С. 178-187.

Мельникова Е. Ю. Иноязычное заимствование как один из механизмов неологизации дискурса индустрии красоты (на материале английского и русского языков) / Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2026. - Т. 19. - № 2. - С. 437-445.

Меляева А., Нургельдыева А., Багтыярова А. Социальная обусловленность процессов неологизации в современной

коммуникации / Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2026. - № 1-1(112). - С. 300-304.
Пигарева А. В. Глобализация и языковая экспансия в современных социально-экологических трансформациях современной России / Право и практика. - 2025. - № 4. - С. 331-337.

References

Grigoryan, A. E. (2017). Philosophy of Linguoecology in the Study of the Communicative Space. Law and Practice, 1, 218-222 (in Russian).
Kashbulgayanov, R. A., Kovshik, E. A. (2026). Language as a Tool of Cultural Influence: Philosophical Comprehension of the Phenomenon. International Journal of Humanities and Natural Sciences, 2-2, 28-33 (in Russian).
Kozareva, E. S. (2024). It is difficult to speak without spoilers: the specifics of using the word spoiler in modern Russian. Global & Regional Research, 6(1), 100-103 (in Russian).
Lugovskaya, M. Yu., Zhang, C. (2024). New vocabulary in language and speech related to the financial sphere. Global & Regional Research, 6(3), 178-187 (in Russian).
Melnikova, E. Yu. (2026). Foreign language borrowing as one of the mechanisms of neologization of the beauty industry discourse (based on English and Russian). Philological Sciences. Questions of Theory and Practice, 19(2), 437-445 (in Russian).
Melyaeva, A., Nurgeldyeva, A., Bagtyyarova, A. (2026). Social Determinants of the Processes of Neologization in Modern Communication. International Journal of Humanities and Natural Sciences, 1-1(112), 300-304 (in Russian).
Pigareva, A. V. (2025). Globalization and Language Expansion in Contemporary Socio-Ecological Transformations of Modern Russia. Law and Practice, 4, 331-337 (in Russian).
Zuikina, K. L., Agababova, T. M. (2022). Features of Forming a Personal Brand of a Specialist in the Field of Public Relations. Issues of Theory and Practice of Journalism, 11(3), 601-616 (in Russian).

Citation:
Белоусов В. Н., Непомнящих Е. А. Особенности лексической замены англицизмов в рамках закона «О защите русского языка как государственного» (на материале фитнес-индустрии) // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 82-87.
Belousov V. N., Nepomniashchikh E. A. (2026) Peculiarities of Lexical Substitution of Anglicisms within the Law 'On the Protection of the Russian Language as the State Language' (Case Study of Fitness Industry). Legal Linguistics, 40, 82-87.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 40, 88-93, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4015

РЕЧЕВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ УДК 159.922.8:004, ББК 88.50 + 32.971.353, ГРНТИ 10.81.01, Код ВАК 5.1.4

Особенности общения несовершеннолетних в сети Интернет

Л. Ю. Кирюшина

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: love-kiryushina@yandex.ru

Рассматриваются психологические особенности личности несовершеннолетних и их влияние на общение в сети Интернет. Потребность в общении рассматривается как одна из потребностей несовершеннолетних. Выявлены психологические предпосылки поведения несовершеннолетних в процессе общения в Интернете. Автором в рамках данной статьи проанализированы некоторые факторы, влияющие на особенности общения несовершеннолетних в сети Интернет, обоснована необходимость разработки новых способов профилактики преступлений в сети Интернет в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: личность несовершеннолетнего, потребность в общении, речевые правонарушения, речевое мошенничество.

Features of Internet Communication of Minors

L. Yu. Kiryushina

Altai State University

61 Lenina St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: love-kiryushina@yandex.ru

The article deals with the psychological peculiarities of the personality of a minor and their impact on the Internet communication. The need for communication is considered as one of the needs of minors. There have been revealed the psychological prerequisites of the behavior of minors in the process of the Internet communication. The author analyses some of the factors affecting the Internet communication habits of minors. These and other things require the development of new techniques to deter crimes against minors on the Internet.

Key words: personality of a minor, need for communication, offensive language, verbal fraud.

Общение, по справедливому наблюдению исследователей в различных отраслях научного знания, занимает особое место на протяжении всей жизни человека и оказывает влияние на все жизненные процессы. Значение общения как особого социального взаимодействия между людьми отмечается исследователями уже у детей в период младенчества.

Общение и коммуникация являются неотъемлемой частью жизни каждого человека, но современные технологии требуют новых подходов к восприятию и сохранению информации, полученной с помощью интерактивных форм общения, в том числе и с использованием средств сотовой связи и различных коммуникативных ресурсов, создаваемых в сети Интернет. Возможность получения несовершеннолетним обратной связи в процессе общения в сети Интернет в виде сердечка, лайка, позитивного или даже негативного комментария делает процесс коммуникации очень заманчивым и приятным.

В литературе отмечается, что в самом общем виде под обратной связью понимают информацию, которая исходит от реципиента коммуникативного сообщения, несет в себе характеристику данного сообщения, воспринимаемую коммуникатором. При передаче обратной связи «исходные» коммуникатор и реципиент «меняются местами». Объект воздействия в этом случае выполняет роль источника обратной связи (или коммуникатора - в социальном контексте), а субъект воздействия – роль получателя обратной связи (реципиента) [Белов 2014: 149].

Как отмечает С. К. Гураль, язык – это саморегулирующее, самопорождающее и самодостаточное явление, но вместе с тем и социальное образование, отражающее быт и нравы его носителей [Гураль 2007: 32-33]. Именно благодаря использованию особых языковых форм мы можем определить примерный возраст партнеров по общению, их эмоциональное состояние, социальный интеллект и статус, а самое главное – выявить потребность в общении или

нежелание общаться в настоящий момент. Следовательно, активное вовлечение подростков в виртуальный мир говорит о непреодолимом желании общения и поиске партнеров по общению.

Не вызывает сомнения тот факт, что общение для человека – его среда обитания, поскольку без общения невозможно формирование личности человека, его воспитание, развитие интеллекта людей [Введенская, Павлова 1996: 5]. А. Н. Леонтьев считал, что личность является поздним продуктом общественно-исторического и онтогенетического развития человека, и его главный тезис, что личностью не рождаются, а становятся. При этом А. Н. Леонтьев предлагает в качестве отправной точки формирования личности считать конкретный момент в развитии психики ребенка [Нуркова, Березанская 2007: 389]. Важно отметить, что это момент, в который исследователь смог эмпирически зафиксировать факт, что два мотива – социальный и биологический – стали обнаруживать иерархическую зависимость, т. е. социальный мотив подчинил себе биологический.

Человек становится человеком по-настоящему, как отмечают авторы учебника по психологии В. В. Нуркова и Н. Б. Березанская, только в мире людей [Нуркова, Березанская 2007: 389]. В качестве яркого и наглядного примера, подтверждающего это высказывание, они приводят историю двух девочек, названных Камала и Амала. Эти две девочки были найдены английским миссионером в логове волков в 1920 г. в Индии. Литературный вымысел Д. Р. Киплинга в «Книге джунглей» (1894 г.) о человеческом детеныше, воспитанном волками, не выдержал суровых реалий жизни, так как за шесть лет, которые девочки провели в приюте, одна из девочек (Камала) приобрела словарный запас всего 30 слов. Важно отметить, что этих девочек не получилось приобщить даже к минимальным навыкам жизни в обществе, они не смогли адаптироваться и умерли после нескольких лет жизни в обществе [Нуркова, Березанская 2007: 389].

Учитывая вышесказанное, согласимся с исследователями, которые отмечают, что человек – существо социальное, которое не может долго находиться вне круга общения. При этом общение понимается как сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека [Бороздина 2007: 10].

На протяжении всей жизни человека общение занимает особое место и оказывает влияние на все жизненные процессы. Общение как особое социальное взаимодействие между людьми и его значение отмечается исследователями даже у детей в период младенчества. В мозге человека имеются специфические структуры, отвечающие за усвоение основных атрибутов речи. Согласно концепции американского психолингвиста Ноама Хомского, именно человек наиболее эмоциональный из всех живых существ, поскольку именно он обладает в высшей степени дифференцированными средствами внешнего выражения эмоций и широким разнообразием внутренних переживаний [Блум, Лейзерсон, Хофстедтер 1988: 135].

«Ведущая деятельность младенца», как отмечают В. В. Нуркова и Н. Б. Березанская, – это непосредственно-эмоциональное общение со взрослыми. Примером такой деятельности служит «комплекс оживления», возникающий на третьем месяце жизни. Для того, чтобы удовлетворить потребность общения со взрослым, приходится овладеть различными средствами, прежде всего речью» [Нуркова, Березанская 2007: 394]. В научной литературе справедливо отмечается, что когда родители разговаривают со своими детьми, они передают им нечто гораздо большее, чем просто слова, предложения и правила синтаксиса. Они знакомят ребенка с категориями и символами и учат его тому, как переводить сложный мир в представления и слова [Крайг 2003: 383].

Речь, как отмечал в своей работе С. Л. Рубинштейн, рано включается в процесс умственного развития ребенка. Развитие мышления ребенка совершается в двух планах – непосредственно в действенном плане и в плане речевом. Роль речи чрезвычайно велика; речь, слово, оформление, обобщение объективных свойств и соотношение предметов, с которыми ребенок сталкивается в определенных условиях, дают возможность перенести найденный им способ действия в другие, существенно сходные условия. Хотя, как отмечается, они могут быть вместе с тем резко отличны от первых по своим внешним, непосредственно чувственно воспринимаемым, «поверхностным» признакам [Рубинштейн 2007: 344-346].

Всю жизнедеятельность личности, несмотря на возраст, определяют ее ценностные ориентации, представляющие собой диапазон возможных вариантов решений жизненных проблем [Кирюшина 2011: 40]. Предпосылкой, побуждающей человека к деятельности, выступают его потребности. Потребности означают нужду индивида в чем-либо. С точки зрения нейрофизиологии потребность представляет собой образование доминанты – устойчивого возбуждения определенных механизмов головного мозга, которые организуют, регулируют необходимые поведенческие акты. Все потребности обладают направленностью, напряженностью и цикличностью.

Murray (Мюррей) в 1938 г. определял потребность как психическую силу, порождающую организованную деятельность. Именно при активации потребности человек ищет и обращает внимание на определенные типы ситуаций. При этом потребности могут фиксироваться, формируя устойчивые мотивационные тенденции человека [Капрара, Сервон 2003: 463].

Американский психолог Абрахам Харольд Маслоу полагал, что высшие потребности направляют поведение человека в той мере, в какой удовлетворяются потребности более низкого уровня, и предложил следующую иерархическую систему (пирамиду) потребностей [Кирюшина 2011: 40-41]:

1. Физиологические (органические) потребности (голод, жажда, половое влечение, нужда и др.);
2. Потребности в безопасности (чувствовать себя защищенным, избавиться от страха, неудач и агрессивности);
3. Потребность в принадлежности и любви (быть признанным, находиться с людьми);
4. Потребность в уважении или почитании (достижение успеха, признание, авторитет, компетентность, одобрение);

5. Познавательные потребности (исследовать, знать, понимать, уметь);

6. Эстетические потребности (порядок, красота, симметрия, гармония);

7. Потребность в саморегуляции (саморазвитие личности, реализация целей, потребностей).

Речь как система исторически сложившейся практики использования звуков, жестов или знаков для передачи условных символов, имеющих общепринятые смыслы и значения (т. е. слов), в первую очередь выступает средством общения и инструментом мышления. Так же речь, по справедливому наблюдению исследователей, выступает еще и одним из способов волевой регуляции и контроля поведения и деятельности [Репина, Воронцов, Юматова 2003: 112].

Полагаем, что потребность в общении остается одной из самых важных в процессе социализации личности и особое значение приобретает в подростковом периоде. Речь, как пишет С. Л. Рубинштейн, возникает из потребности в общении. Она всегда направлена на слушателя, на другого, и служит для общения с ним [Рубинштейн 2007: 408].

Анализ научной литературы позволяет выделить следующие особенности реализации потребности в общении в подростковом периоде. Психологи обращают внимание на особенности общения подростков и закономерности формирования, связанные с возрастными особенностями психики, к числу которых следует отнести:

- устойчивую и чрезвычайную значимость общения со сверстниками;
- принятие, взаимопонимание и благополучие в отношении со сверстниками;
- отрочество сензитивно для развития средств общения;
- потребность в общении со сверстниками становится одной из центральных в подростковый период;
- ведущей деятельностью становится интимно-личностное общение;
- быстрое овладение новыми способами дистантного общения (посредством социальных сетей, мессенджеров, приложений и т. д.).

Интерес в общении приобретает особое значение и становится ведущим мотивом в выборе партнера по общению. Т. В. Дубинина справедливо отмечает, что, вступая в общение, человек обращает внимание в первую очередь на своего партнера по общению, а именно: насколько интересно партнеру то, о чем идет разговор; удобно ли ему; насколько партнеру интересен именно я и т. д. [Дубинина 2004: 126]. Именно данным обстоятельством, полагаем, и объясняется особое значение общения как одной из потребностей человека.

Однако в рамках вопроса, который мы рассматриваем в этой статье, важно отметить, что в процессе общения несовершеннолетних данный фокус с личности партнера может быть перемещен в сторону самого подростка. В данном случае будет проявляться одна из психологических особенностей несовершеннолетних, а именно эгоцентризм.

Стремление к самосовершенствованию как осознанный мотив, характеризующийся готовностью стать лучше, не является, как отмечают исследователи, неизменным состоянием, которое дается человеку от рождения. Оно проходит определенный путь становления, преобразования. В каждый возрастной период это стремление имеет свои предпосылки для развития и формы этого стремления [Холодкова 2004: 86]. Этой закономерностью, полагаем, объясняется стремление подростков показаться лучше, чем они есть на самом деле. В качестве примера такого стремления можно привести случаи, когда даже фотографии в Интернет добавляются после редактирования с помощью специальных программ и фильтров, позволяющих существенно изменить внешность и усовершенствовать ее.

Одним из объяснений, позволяющим понять особенности общения подростков в сети Интернет, является возрастное проявление психики подростков – возрастной эгоцентризм, который может иметь различные проявления. Одним из наиболее ярких проявлений эгоцентризма подростков является персональный миф, или миф о собственной исключительности, проявляющийся в убежденности в собственной неуязвимости, в особенности чувств. Подростки убеждены в уникальности личных переживаний, поскольку им кажется, что никто другой не переживал и не будет переживать таких страданий или такого восторга, как они. Психологами справедливо отмечается, что обычно такая форма эгоцентризма сопровождается следующими рассуждениями: «Со мной не может случиться то, что происходит с другими, потому что я не похож на этих других», «Я не попаду в полицию», «Я не стану наркоманом». Следует учитывать, что у некоторых несовершеннолетних может возникнуть особое чувство собственного бессмертия или неуязвимости, которое, как правило, лежит в основе многих форм рискованного поведения [Сосновский 2005: 516].

Полагаем, что в общении посредством сети Интернет эта особенность будет проявляться определенным образом, поскольку обезличенный, анонимный характер общения позволяет:

- безнаказанно оскорблять партнеров по общению, оставлять негативные комментарии под видеороликами;
- изменять свой возраст и общаться с более взрослыми по возрасту людьми;
- использовать чужие имена и фамилии;
- копировать чужие образцы поведения.

Полагаем, что чувство полной свободы и безнаказанности способно спровоцировать такие формы и способы общения, которые были бы недопустимы и никогда бы не были применены в контактном общении.

А. Н. Леонтьев (1948 г.) справедливо отмечал в своих работах, что всякий акт речи «представляет собой как бы решение своеобразной психологической задачи, которая в зависимости от формы и вида речи и от конкретных обстоятельств и целей общения, требует разного ее построения и применения разных речевых средств» [Нуркова, Березанская 2007: 394].

Общение посредством сети Интернет, как и любой акт общения, обладает теми же особенностями, которые

свойственны подростковой психике. Выбор способов и средств общения, партнеров по общению будет подчиняться тем же возрастным особенностям психики, что и простой акт межличностного общения. Полагаем, будут реализовываться точно такие же потребности и связанные с ними желания, а именно желание быть принятым, оцененным и успешным. Если подросток не находит признания и поддержки внутри семьи и внутри того круга социального общения, в котором он находится (школа, секции, соседи, спортивные секции и т. п.), подросток будет искать удовлетворение этих потребностей в общении посредством сети Интернет до тех пор, пока не найдет ту группу, то сообщество, которое разделит все его интересы и позволит реализовать все потребности.

Практика показывает, что такое проявление агрессивного поведения, как вербальная агрессия, с улиц и школ шагнуло в интернет-пространство и приобрело новые формы – виртуальные. Оскорбления, насмешки, третирование, буллинг и другие формы вербальной агрессии в социальных сетях становятся частью повседневной жизни отдельных детей и подростков. Формы общения по схеме «дети-обидчики» и «дети-жертвы» в настоящее время существуют в виртуальном пространстве и реализуются посредством сети Интернет.

Одним из важнейших условий существования проблемы агрессивности и психологического насилия в виртуальном пространстве, полагаем, является ее латентный характер. Такие формы насилия по отношению к несовершеннолетнему чаще всего скрыты от внимания родителей, лиц их заменяющих, друзей, одноклассников, классного руководителя и учителей в школе.

До активного вхождения интернет-ресурсов, современных мессенджеров и т. п. в жизнь человека исследователи детской и подростковой психологии отмечали ограниченность круга общения подростков. Такой «круг общения», как правило, составляли родственники, одноклассники, соседи, друзья и знакомые по кружкам, секциям и т. п. В настоящее время современное интернет-пространство значительно расширило эти границы. Следовательно, расширился круг лиц, с которыми подростки могут общаться и которые могут совершить различные преступные деяния в отношении детей и подростков, а также проявлять различные формы вербальной агрессии.

Общение подростков со сверстниками приобретает в подростковый период чрезвычайную значимость [Сосновский 2005: 473]. Кроме того, именно в этот период потребность в общении со сверстниками становится одной из центральных, а ведущей деятельностью является интимно-личностное общение. Как отмечают психологи, сходство дает основу для дружбы и доверительных отношений [Берн 2008: 224]. Полагаем, этим объясняется желание подростков состоять в различных группах, подписываться на одни и те же каналы и т. д.

Согласимся с мнением, что в современном мире молодой человек не просто оказывается в изменяющейся ситуации, требующей адаптации и социализации, от него требуется активно изменять ситуацию своей жизни (самому делать свою жизнь) [Лукьянов, Частоколенко, Котикова 2014: 90].

Учитывая вышесказанное, можно выделить следующие характерные черты общения несовершеннолетних в сети Интернет:

1. Реализация потребности в общении, которая является спецификой интересов в 10-14 летнем возрасте.

2. Обеспечивается «мода на интересы», когда весь класс или даже всю школу охватывает какое-либо увлечение [Сосновский 2005: 468]. В данном случае, виртуальное пространство и возможности Интернета позволяют реализовать и потребность в общении со сверстниками: общие интересы дают повод, содержание, средства общения и такую «моду».

3. Излишняя активность в общении с более взрослыми по возрасту лицами, в том числе и противоположного пола.

4. Безоглядность увлечений, когда они приобретают чрезмерный характер. В попытках удовлетворить свои потребности и реализовать свои увлечения подростки передают информацию, которая относится к персональным данным и защищается законодательством РФ, лицам, которые в дальнейшем используют ее для совершения мошенничества, преступлений сексуальной направленности и других преступлений с использованием информационных технологий.

5. Проявление таких форм поведения в процессе общения, как провокация, когда подростки проявляют низкий уровень правовой культуры и правовой грамотности, что не позволяет дать правильную оценку тому общению, которое возникает в Интернете и тем последствиям, которые могут наступить.

6. Освобождение от родительской опеки. Стремление заменить такую опеку доверительными, эмоционально окрашенными отношениями со сверстниками, друзьями, лицами старшими по возрасту посредством различных интернет-ресурсов.

7. Восполнение дефицита общения в семье, если оно существует. Решающее значение имеет не просто состав семьи (отношения между родителями, даже не их объективно неблаговидное, пусть и противоправное поведение), а, главным образом, их эмоциональное отношение к ребенку. Это проявляется в его принятии или, напротив, отвержении. Крайне важным является неприятие своего ребенка, которое может быть и скрытым [Антонян, Кудрявцев, Эминов 2004: 40-41].

8. Агрессия, которая выражается в оскорблениях, негативных комментариях, обусловленная анонимностью и субъективным ощущением безнаказанности и вседозволенности.

9. Особая форма проявления возрастного эгоцентризма несовершеннолетних – персональный миф, или миф о собственной исключительности, проявляющийся в убежденности в собственной неуязвимости, в особенности испытываемых чувств. Подростки убеждены в уникальности личных переживаний, поскольку им кажется, что никто другой не переживал и не будет переживать таких страданий или такого восторга, как они.

10. Психологическая особенность подростков, проявляющаяся в присущей подросткам потребности к стремлению иметь близкого верного друга, с которым можно было бы поделиться своими переживаниями, тревогами, трудностями, сокровенными мыслями, способного выслушать, понять и посочувствовать.

11. Поиск наставника в решении важных для подростка вопросов. Также несовершеннолетние все чаще обращаются по самым разным вопросам к близким друзьям, а не к родителям, поскольку именно друзья и приятели придают подростку сил и уверенности в себе, помогают в решении внутренних проблем и межличностных конфликтов [Сосновский 2005: 474].

12. Возможность создавать иллюзии своей реальности, своего мира, творить и действовать.

13. Обесценивание реальности и создание своей коммуникативной реальности.

14. Свобода выбора идентичности в виртуальном пространстве, возможностей самореализации и самовыражения.

15. Возможность получения быстрой обратной связи в виде одобрения, выраженного в комментариях, сердечках, лайках. Даже негативный комментарий, если цель была эпатировать и разозлить.

Данный перечень не является исчерпывающим, это лишь некоторые основные, на наш взгляд, особенности общения подростков сети Интернет. Полагаем, что эти возрастные особенности удовлетворения подростковых интересов влияют на создание криминальной ситуации и создают условия для совершения преступлений в отношении несовершеннолетних с использованием информационных технологий.

Именно потребностью в общении как одной из основных потребностей личности в социуме объясняется стремление подростков вступать в виртуальное общение и поддерживать диалог посредством социальных сетей, различных интернет–сообществ и т. д. и с использованием любых современных информационно-телекоммуникационных технологий. Дальнейшее изучение особенностей общения подростков в сети Интернет, изучение их коммуникативных особенностей в виртуальном пространстве позволит разрабатывать эффективные меры, направленные на профилактику преступлений, совершаемых в сети Интернет в отношении несовершеннолетних.

Литература

Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника СПб., 2004.

Белов А. Б. Роль обратной связи в общении: основные направления исследований в современной социальной психологии / Вопросы психологии. - 2014. - №3. - С. 149-158.

Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2008.

Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение. М., 1988.

Бороздина Г. В. Психология делового общения. М., 2007.

Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Культура и искусство речи. Ростов н/Д., 1996.

Гураль С. К. Язык как процесс и как саморазвивающаяся система / Вестник Томского государственного университета. - 2007. - №298. - С. 32-36.

Дубинина Т. В. Экология взаимодействия в практической психологии / Сибирский психологический журнал. - 2004. - №19. - С.125-131.

Каприра Дж., Сервон Д. Психология личности. СПб., 2003.

Кирюшина Л. Ю. Юридическая психология. Барнаул, 2011.

Крайг Г. Психология развития. СПб., 2003.

Лукьянов О. В., Частоколенко Я. Б., Котикова К. О. Псевдосоциализация в творческих молодежных субкультурах / Вопросы психологии. - 2014. - №5. - С. 87-94.

Нуркова В. В., Березанская Н. Б. Психология : учебник. М., 2007.

Репина Н. В., Воронцов Д. В., Юматова И. И. Основы клинической психологии. Ростов н/Д, 2003.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2007.

Сосновский Б. А. Психология. М., 2005.

Холодкова О. Г. Стремление к самосовершенствованию как компонент психологической культуры младшего школьника / Сибирский психологический журнал. - 2004. - №19. - С. 85-88.

References

Antonyan, Yu. M., Kudryavtsev, V. N., Eminov, V. E. (2004). The identity of the perpetrator. Saint Petersburg (in Russian).

Belov, A. B. (2014). Feedback in communication: Principal lines of research in international social psychology. Voprosy psychologii, 3, 149-158 (in Russian).

Bloom, F., Lazerson, A., Hofstadler, L. (1988). Brain, Mind, and Behavior: a monograph. Moscow (in Russian).

Borozdina, G. V. (2007). Psychology of business communication. Moscow (in Russian).

Burn, S. M. (2008) The social psychology of gender. Saint Petersburg (in Russian).

Caprara, D., Cervone, D. (2003). Personality. Determinants, dynamics, and potentials. Saint Petersburg (in Russian).

Craig, G. J. (2003). Human development: seventh edition. Saint Petersburg (in Russian).

Dubinina, T. V. (2004). Ecology of interaction in practical psychology. Siberian psychological magazine, 19, 125-131 (in Russian).

Gural, S. K. (2007). Language as a process and self developing system. Vestnic Tomsk State University, 298, 32-36 (in Russian).

Holodkova, O. G. (2004). The striving for the self-perfection as a component of the psychological culture of the junior pupil. Siberian psychological magazine, 19, 85-88 (in Russian).
Kiryushina, L. Yu. (2011). Law psychology: a monograph. Barnaul (in Russian).
Lukianov, O. V., Chastokolenko, Ya. B., Kotikova, K. O. (2014). Pseudo-socialization in creative youth subcultures. Voprosy psychologii, 5, 87-94 (in Russian).
Nurkova, V. V., Berezanskaya, N. B. (2007). Psychology: a monograph. Moscow (in Russian).
Repina, N. V., Vorontsov, D. V., Yumatov, I. I. (2008). Rostov-on-Don (in Russian).
Rubinstein, S. L. (2007). Fundamentals of General Psychology. Saint Petersburg (in Russian).
Sosnovsky, B. A. (2005).). Psychology: a monograph. Moscow (in Russian).
Vvedenskaya, L. A., Pavlova, L. G. (1996). Culture and the art of speech. Rostov-on-Don (in Russian).

Citation:
Кирюшина Л. Ю. Особенности общения несовершеннолетних в сети Интернет // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 88-93.
Kiryushina L. Yu. (2026) Features of Internet Communication of Minors. Legal Linguistics, 40, 88-93.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 40, 94-102, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4016

РЕЧЕВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ *УДК 81-11, ББК 67.408.121.2, ГРНТИ 16.21.55, Код ВАК 5.9.8*

Телефонное мошенничество: лингвопрагматические механизмы речевого воздействия

Г. В. Напреенко[1], В. Д. Солдатова[2]

Кемеровский государственный университет

ул. Красная, 6, 650000, Кемерово, Россия. E-mail: [1]galina_napreenko@mail.ru, [2]soldatvaleria16@gmail.com

Статья посвящена исследованию лингвистических механизмов и речевых стратегий, применяемых злоумышленниками в телефонном мошенничестве. На основе комплексного анализа транскриптов реальных телефонных разговоров, полученных из открытых источников, в работе детально исследуются вербальные и паралингвистические приемы, обеспечивающие эффективное воздействие мошеннических схем на жертву. В качестве методологической основы исследования применяется теория речевых актов Дж. Остина, что позволяет выявить иллокутивные и перлокутивные эффекты в мошенническом дискурсе и проанализировать структуру диалога через призму речевых действий. В результате проведенного исследования систематизированы ключевые манипулятивные стратегии: создание искусственного цейтнота для блокировки критического мышления, симуляция официального статуса для внушения доверия, эксплуатация базовых эмоциональных реакций и использование жаргона для формирования иллюзии достоверности. Особое внимание уделяется анализу характерных речевых актов и идентификации лингвистических маркеров мошенничества, таких как отсылки к авторитету, указание точных цифр для правдоподобия, использование специфических формул («верификация данных», «блокировка счета», «подозрительные операции»). Практическая значимость работы раскрывается в нескольких аспектах: разработка образовательных программ по повышению медиаграмотности населения, создание алгоритмов автоматического распознавания мошеннических звонков на основе выявленных лингвистических паттернов, а также разработка методик лингвистической экспертизы для судебной практики. Полученные результаты позволяют углубить понимание манипулятивных механизмов в коммуникации и расширяют научные представления о роли речи в управлении поведением. Материал адресован специалистам в области прикладной лингвистики, экспертам по информационной безопасности, а также разработчикам систем защиты от социальной инженерии.

Ключевые слова: телефонное мошенничество, социальная инженерия, речевая манипуляция, коммуникативное воздействие, фишинг.

Telephone Fraud: Lingua-Pragmatic Mechanisms of Speech Influence

G. V. Napreenko[1], V. D. Soldatova[2]

Kemerovo State University

6 Krasnaya St.,650000, Kemerovo, Russia. E-mail: [1]galina_napreenko@mail.ru, [2]soldatvaleria16@gmail.com

The article covers the study of linguistic mechanisms and speech strategies used by scammers in telephone fraud for psychological manipulation of victims. Based on a comprehensive analysis of transcripts of real telephone conversations obtained from open sources, the paper examines in detail verbal and paralinguistic techniques that ensure an effective impact on the consciousness of the victim of fraudulent schemes. The theory of speech acts by J. Ostin is used as the methodological basis of the research thus enabling us to analyze illocutionary and perlocutionary effects in the dialog of fraud-related discourse. As a result of the conducted research, key manipulative strategies are systematized, including the creation of artificial time pressure to block critical thinking, the pretense of official authority to inspire trust, the exploitation of basic emotional reactions and the use of specialized jargon to create the illusion of credibility. Special attention is given to representative speech acts and language markers such as impersonation of an official, reference to data and clichés like “verification of personal data”, “account blocking”, “suspicious transaction”. The practical significance of the work is revealed in several aspects: the development of educational programs to improve the media literacy of the population, the creation of algorithms for automatic recognition of fraudulent calls based on identified linguistic patterns, as well as the development of

linguistic expertise techniques for judicial practice. The results obtained make it possible to deepen the understanding of manipulative mechanisms in communication and expand scientific understanding of the role of speech in behavior management. The material is addressed to specialists in the field of applied linguistics, information security experts, as well as developers of protection systems against social engineering.

Key words: telephone fraud, social engineering, speech manipulation, communication influence, phishing.

С момента коммерциализации и приобретения массовой доступности сотовой связи телефонное мошенничество стало социально-экономическим явлением. Распространенность случаев телефонного мошенничества демонстрирует устойчивую динамику, что напрямую коррелирует с уровнем проникновения мобильных телефонов во все возрастные и социальные группы населения. Наиболее уязвимой социальной группой для злоумышленников традиционно становятся лица с низким уровнем цифровой грамотности, в частности, представители старшего поколения. Однако потенциально жертвой телефонного мошенничества может стать любой пользователь мобильной связи, не осведомленный о базовых правилах кибербезопасности. Согласно репрезентативным данным исследования ВЦИОМ за первый и второй квартал 2021 года, с телефонным мошенничеством в форме голосовых звонков сталкивались 57 % респондентов. Еще 19 % опрошенных получали СМС-сообщения. При этом 35 % граждан указали на отсутствие подобного опыта. Финансовые потери в результате действий злоумышленников понесли 9% россиян, из которых 6 % сообщили о значительном материальном ущербе (по данным официального сайта Всероссийского центра изучения общественного мнения).

По оперативным данным, на территории Кемеровской области с начала 2024 года было зафиксировано 764 случая мобильного мошенничества. Совокупный финансовый ущерб от действий киберпреступников оценивается в 250 млн рублей. В качестве основных каналов для совершения противоправных действий злоумышленники активно используют социальные сети и площадки с размещением товарных объявлений. Наиболее распространенными схемами являются: имитация звонков от сотрудников банковских учреждений, правоохранительных органов и служб безопасности, а также инсценировка обращений от лица родственников или знакомых потерпевших. В рамках социального инжиниринга преступники информируют жертв о блокировке расчетных счетов, компрометации учетных записей, оформлении кредитов и иных фиктивных инцидентах, требующих передачи денежных средств или конфиденциальности данных (по данным регионального информационного агентства «Кузбасс»).

В отечественной криминологической науке феномен социальной инженерии остается недостаточно изученным, что актуализирует необходимость его комплексного исследования именно в криминологическом ключе с учетом методологического аппарата цифровой криминологии. Социальная инженерия приобрела выраженное криминогенное звучание в условиях интенсивного развития информационно-телекоммуникационных технологий и стала активно использоваться для совершения противоправных посягательств против собственности и безопасности информационных систем. В российском научном дискурсе концепт социальной инженерии фрагментарен. Так, В. С. Овчинский вводит категорию «психологической атаки», по содержанию эквивалентную криминальной социальной инженерии, определяя ее как нетехнический метод получения конфиденциальных данных, основанный на специфике коммуникативных взаимодействий [Овчинский 2018: 76]. Более развернутую формулировку предлагают авторы монографии «Социальная инженерия и информационная безопасность», трактуя ее как систему методов контроля и воздействия на индивидов с целью побуждения к определенным действиям, направленную на получение персональных данных для достижения преступного результата. Авторы относят социальную инженерию к сфере разработки и применения методик целенаправленного манипулирования людьми, а ее методы определяют как совокупность техник манипуляции, нацеленных на нарушение информационной безопасности [Сиротин 2023: 5].

Манипуляция человеческим сознанием способна реализовываться посредством различных инструментов, включая языковые средства. Исследование лингвистических механизмов манипулирования составляет один из ключевых объектов изучения когнитивной лингвистики. Становление речевой манипуляции в качестве самостоятельного направления лингвистических исследований произошло относительно недавно. Несмотря на актуальность данной проблематики, ее методологический аппарат остается в процессе формирования. В широком смысле О. С. Иссерс отождествляет речевое воздействие с речевым общением, поскольку даже нейтральный разговор способен структурировать и изменять картину мира собеседника. Именуя речевое воздействие убеждением в широком смысле, исследователь высказывает мысль о том, что убеждение – это «совместная идентификация, которая происходит при использовании языковых знаков, причем в процессе участвуют оба – говорящий и слушающий. У коммуникантов происходит взаимная «пристройка», взаимовлияние, поскольку в процессе общения осуществляется коррекция модели мира обоих» [Иссерс 2009: 43].

Согласно мнению В. Е. Чернявской, речевая манипуляция представляет собой форму речевого воздействия, ориентированную на имплицитное и скрытое побуждение реципиента к совершению определенных действий [Чернявская 2006: 19]. Данный процесс предполагает латентное внедрение в сознание адресата желаний, установок и поведенческих моделей, служащих реализации интересов отправителя сообщения, которые могут не совпадать с интересами самого адресата. Ключевой целью речевой манипуляции выступает склонение объекта воздействия к некритическому восприятию определенных утверждений в качестве истинных без всестороннего анализа аргументации. Речевое манипулирование вводится через отбор и применение таких языковых средств, которые позволяют оказывать целевое влияние на адресата [Чернявская 2009: 139]. Характерной особенностью является то,

что такое воздействие остается неосознанным для реципиента и воспринимается им как часть объективно передаваемой информации.

Отдельные манипулятивные уловки, распространенные языковые клише, которые используют преступники в телефонном мошенничестве, психологические предпосылки поведения потерпевших рассматриваются в работе [Кирюшина 2025]. Автор подчеркивает, что мишенями манипулятивного воздействия «практически всегда выступают устойчивые, шаблонные, стереотипные навыки и привычки восприятия, мышления, поведения» [Кирюшина 2025: 104], потерпевшими «становятся лица с прочными социальными, психологическими, нравственными и поведенческими установками» [Кирюшина 2025: 104]. В случае если реакция потерпевших не соответствует выбранному мошенниками шаблону или стереотипному поведению, общение может завершиться.

Е. И. Галяшина приводит примеры типичных речевых зачинов телефонного фишинга, в которых мошенники используют те или иные ключевые слова, воздействующие на адресата и побуждающие совершить действия, выгодные для него, например: «ваш аккаунт был взломан», «нужна твоя помощь», «данные вашей банковской карты», «перевести ваши средства на безопасный счет» и пр. [Галяшина 2025: 25].

Таким образом, речевое манипулирование предполагает не объективную репрезентацию действительности, а ее субъективную интерпретацию. При изучении данного феномена в современной лингвистике ключевое значение приобретают два термина: персуазивность и суггестивность.

Персуазивность обозначает целенаправленное языковое воздействие на сознание адресата с целью убеждения или побуждения к определенным действиям. Персуазивная коммуникация характеризуется сознательным продуцированием сообщений, направленных на изменение поведения или точки зрения реципиента [Чернявская 2012: 24].

Суггестивность подразумевает скрытое, замаскированное включение внушения в передаваемую информацию. Отличительными чертами суггестивного воздействия являются неосознанность, непроизвольность и незаметность усвоения внушаемых установок [Чернявская 2012: 25].

В соответствии с теорией речевых актов, разработанной Дж. Остином, язык рассматривается как инструмент прямого воздействия на коммуниканта. В данной парадигме каждое высказывание выполняет не только функцию передачи информации, но и обладает иллокутивной силой – способностью осуществлять определенные действия и вызывать конкретные поведенческие реакции у адресата.

Дж. Остин выделяет три структурные компонента речевого акта:

1. Локутивный акт – физическое произнесение или написание высказывания (например, фраза «Вы должны передать мне деньги» как факт артикуляции);

2. Иллокутивный акт – коммуникативное намерение говорящего, подразумеваемое действие (та же фраза воспринимается как требование или команда);

3. Перлокутивный акт – фактический результат речевого воздействия (например, передача денег адресатом) [Остин 1999: 332].

Таким образом, применение данной теории позволяет проанализировать, как языковые высказывания становятся инструментом социального воздействия. В контексте мошеннических схем перлокутивный акт выражается в том, что адресат, подчиняясь иллокутивной силе высказывания, совершает конкретные действия: передает деньги, сообщает конфиденциальные данные или иным образом выполняет указания говорящего. Совершение адресатом требуемых действий представляет собой перлокутивный эффект, который выходит за рамки простой коммуникации и переходит в практические, правовые последствия.

Данная модель применяется для анализа коммуникативных стратегий мошенников. В телефонных переговорах преобладают *директивные* (требования действий под видом официальных распоряжений), *комиссивные* (обещания решения проблем) и *эмотивные* акты (моделирование экстренных ситуаций). Стратегический отбор речевых конструкций формирует у адресата когнитивные искажения, провоцируя дальнейшие действия.

Теория Дж. Остина объясняет эффективность мошеннических схем через способность злоумышленников корректно формировать иллокутивные акты с учетом когнитивных ожиданий и социальных стереотипов жертв. Моделирование диалога и воспроизведение социальных ролей, соответствующих ожиданиям адресата, провоцируют перлокутивный эффект в форме доверия к ложному нарративу.

Эмпирической базой исследования явились 58 аудиозаписей, опубликованных на видеохостинге YouTube. В аудиозаписях зафиксирована целенаправленная деятельность блогеров по взаимодействию со злоумышленниками с целью разоблачения схем их противоправной деятельности. Длительность проанализированных записей варьируется от 1 до 30 минут. Отбор материала проводился по критериям достаточного хронометража и тематического разнообразия мошеннических сценариев, что позволило включить в анализ такие направления, как банковское мошенничество, псевдомедицинские услуги и симуляция работы органов правопорядка. Далее на примере расшифровок телефонных разговоров из видеоматериалов произведена идентификация ключевых манипулятивных приемов с цитированием речевых стратегий, эксплицирующих мошеннические намерения.

1. Создание ложного авторитета и легитимности

Мошенники часто представляются сотрудниками государственных органов, банков или известных компаний, чтобы вызвать доверие:

- *«С вами связывается главное управление МВД России, отдел экономической безопасности. С вами говорит Евгеив Андрей Андреевич».*

- *«Финансовый отдел Сбербанка вас беспокоит. Меня зовут Михаил».*
- *«Звоню Вам по теме инвестирования с коротким вопросом. Возможно, какой-то опыт у вас был уже в этом направлении?»*
- *«Здравствуйте! Меня зовут Руслан. Я представляю Тинькофф Банк. Как могу к вам обращаться?»*
- *«Главное управление МВД России вас беспокоит. Капитан полиции Звягин Сергей Андреевич. Сразу информирую о вашей записи диалога. Дальнейшая запись диалога будет подкрепляться к общим материалам дела в единый реестр».*
- *«Объясняю ситуацию. Меня зовут Сергей Иванович, фамилия Соболев, инспектор ДПС».*
- *«Я с регистратуры вам звоню… Вам нужно будет пересдать».*
- *«Полиция беспокоит вас, главного управления МВД. Лейтенант полиции Козлов Роман Сергеевич. Хотел бы обратить ваше внимание, в первую очередь, что диалог наш с вами ведется под запись телебезопасности».*

В данных примерах использование названий реальных структур («МВД России», «Сбербанк»), званий («капитан полиции») и полных ФИО выступает в качестве сигналов легитимности и выполняет перформативную функцию присвоения статуса официального институционального общения, что вызывает доверие и снижает бдительность адресата. Упоминание «материалов дела», предупреждение о «записи разговоров» и использование глаголов долженствования («Вам нужно») формирует в высказывании модальность долженствования. Эта лингвистическая стратегия направлена на конструирование фрейма «юридически неизбежного процесса», что может подавлять критическое мышление из-за страха перед системой. В коммерческих сценариях мошенники используют вежливый тон и формулы речевого этикета («короткий вопрос», «как мне к Вам обращаться?»), реализуя речевую стратегию установления контакта и вовлечения в диалог.

2. Имитация срочности и давление угрозами

Мошенники создают ситуацию повышенной эмоциональной напряженности, вынуждая адресата действовать незамедлительно, лишая его возможности рационально осмыслить происходящее:

- *«Дело в том, что 7 минут назад в реестр нашего банка поступила анкета на кредитование от ваших паспортных данных… Вы данные действия подтверждаете?»*
- *«Без пятого номера ваше письмо останется на платном хранении в сортировочном центре… 340 рублей в сутки, срок хранения 5 лет».*
- *«Две минуты назад в систему банка поступила заявка на изменение вашего финансового номера телефона. Скажите, пожалуйста, данное заявление вы подавали самостоятельно?»*
- *«Финансовая безопасность всей страны под угрозой! А вы сейчас, в данный момент, пренебрегаете предупреждениями сотрудников правоохранительных органов!»*
- *«Данную связь разрывать нельзя, мне необходимо либо же провести с Вами процедуру верификации».*
- *«Соответственно, за данным протоколом ваше финансовое обслуживание будет приостановлено на 30 минут для проведения технических работ в целях безопасности. Также обращаю ваше внимание, что диалог записывается и будет передан в правоохранительные органы по факту мошенничества».*
- *«Риски действительно присутствуют, потому что Центральный банк в заявлении указывает на ряд операций на суммы свыше 100 тысяч рублей, которые были приостановлены…».*

Упоминание точных временных рамок («7 минут назад», «2 минуты назад», «340 рублей в сутки», «30 минут») делает историю правдоподобной, создает ощущение срочности и достоверности происходящего. Адресат не успевает проверить информацию, так как вымышленная ситуация якобы развивается в реальном времени. Фразы вроде «ваше обслуживание будет приостановлено», «финансовая безопасность под угрозой» или «вы пренебрегаете предупреждениями» переводят диалог в плоскость немедленной опасности. Жертву ставят перед выбором: немедленно подчиниться или столкнуться с необратимыми последствиями. Слова «верификация», «протокол», «реестр», «приостановлено по факту мошенничества» имитируют официальную процедуру. Это лишает человека инициативы, создавая иллюзию, что все действия предопределены правилами, которые нельзя оспаривать.

3. Апелляция к страху через юридическую ответственность

Злоумышленники запугивают адресата уголовной ответственностью, блокировкой счетов или другими правовыми последствиями:

- *«Пожизненное заключение за госизмену. И это все распространяется непосредственно на родственников, друзей, коллег, детей».*
- *«Если с вашими счетами ведутся мошеннические действия, будет открыто расследование по статье 159, часть 2 по факту мошенничества».*
- *«Сегодняшним днем нам поступило заявление у Центрального банка по факту мошенничества. Это статья 159, часть 3… сотрудники полиции… массово похитили персональные данные порядка 120 тысяч граждан. И… к сожалению, вы также попали в данный список граждан, которые могут пострадать».*
- *«Вы нарушаете статью 183. Это политика конфиденциальности. Штраф в размере 1 миллиона. Либо лишение условно на 2 года».*
- *«Сегодняшним днем нам поступило заявление от Центрального банка по факту мошенничества. Это статья 159, часть 3. Гласит она о том, что это мошенничество, совершенное должностным лицом с использованием своего служебного положения».*
- *«Ой, тут авария случилась… Тут приехали родители, заявление на меня написали… Если я оплачу операцию и*

лечение их дочери, заберут заявление… запросили 30 тысяч долларов…».

- *«Если сейчас ваша карта заблокируется, или спишутся с ваших счетов деньги, мы не виноваты будем. Потому что вы прервали куплю-продажу договора».*

Упоминание конкретных статей УК РФ («статья 159, часть 2», «статья 183») и процедур («расследование», «заявление от Центрального банка») создает иллюзию легитимности. Жертва, не разбираясь в профессиональной лексике, не может сразу оценить уместность этих норм, что вызывает ощущение непререкаемости обвинений. Фразы вроде «пожизненное заключение», «штраф 1 миллион», «блокировка счетов» выполняют иллокутивную функцию прямой угрозы. Угроза намеренно масштабируется («распространяется на родственников, друзей, детей»), что реализует стратегию гиперболизации последствий, направленную на интенсификацию психологического давления и индукцию генерализированного чувства вины. Сценарий с «аварией и родителями» использует манипуляцию на личных страхах, имитируя бытовой кризис. Лексика маркирована эмоционально, также содержит прагматические маркеры срочности («ой», «заберут заявление»), что служит реализации речевой тактики провокации паники и призвано вызвать у адресата иллокутивный эффект – потребность в немедленных действиях по разрешению искусственно созданного кризиса.

4. Имитация официальных процедур

Создавая иллюзию законности своих действий, мошенники вводят адресата в заблуждение, вынуждая его пройти фиктивные технические процедуры:

- *«Нам с Вами необходимо будет составить технический дубликат анкеты… Банковская система не может одновременно рассматривать две одинаковые заявки».*
- *«Ваш номер талона 13-52-14… А теперь мне нужен ваш СНИЛС».*
- *«По регламенту банка я не могу совместить разговор, поскольку я могу вести либо же самим клиентом, либо же заверенным лицом».*

Профессиональный жаргон («технический дубликат анкеты», «регламент банка», «заверенное лицо») имитирует реальные банковские или бюрократические процедуры, что создает иллюзию официальности и заставляет адресата поверить в существование правил, с которыми он не знаком, но должен выполнить. Злоумышленники подкрепляют свои требования вымышленными, но звучащими правдоподобно обоснованиями: «система не может рассматривать две заявки» или «не могу совместить разговор». Это лишает возможности оспорить действия, так как они представлены как часть строгого технологического или юридического процесса.

5. Использование социальной инженерии и личных данных

Мошенники используют информацию об адресате (имя, место работы, семейное положение и т. п.) для того, чтобы усилить его доверие:

- *«Ваша мама родилась непосредственно в Донецкой Республике… Она говорит, на Украине у нее, ну, много то ли знакомых, то ли товарищей есть».*
- *«Вы являетесь пенсионером, верно? Вы обычный пенсионер, либо же ребенок войны, либо ветеран труда?»*
- *«Антон Олегович, в данный момент Вам нужно предоставить либо же банковский договор, номер банковского договора, либо же номер Вашей дебетовой карты…».*

Упоминание конкретных данных («Ваша мама родилась в Донецкой Республике», «Антон Олегович», статус пенсионера) создает иллюзию звонка уполномоченного сотрудника, у которого есть доступ к закрытым базам данных, что автоматически легитимизирует звонок в глазах человека. Кроме того, вопросы о статусе («пенсионер, ветеран труда») и использование имени и отчества создают видимость индивидуального подхода и заботы. Это смещает фокус с проверки личности звонящего на обсуждение проблемы, что позволяет мошеннику эффективно использовать мошенническую схему.

6. Имитация заботы и помощи

Мошенники часто выступают в роли помощников, стремящихся избавить адресата от возможных проблем:

- *«Моя задача передавать заявление на Центральный банк Российской Федерации, который займется полной проверкой, а также отменой всех неправомерных действий».*
- *«Это в ваших интересах получить полис, поймите».*
- *— И я ваши, соответственно, ваши финансы разморожу, чтобы вы спокойны были.*

— Ой, Вы знаете, а мне кажется, я не буду спокойна, пока вы не разморозите…

— Моя хорошая, вы не переживайте…

- *«Сейчас нам необходимо произвести возврат денежных средств обратно на карту, а также установить вам двухфакторную защиту для вашей безопасности».*
- *«Но вы не переживайте, на текущий момент система банка отобразила данную заявку как подозрительной, поэтому мы приостановили данную транзакцию до выяснения обстоятельств».*

Фразы «моя задача – передать заявление», «я ваши финансы разморожу» и «нам необходимо произвести возврат» создают образ сотрудника, который действует в интересах жертвы для решения некой проблемы. Эмоциональные обращения («моя хорошая», «вы не переживайте») и заверения в безопасности («для вашей безопасности») используются для снижения тревоги и блокировки сопротивления. Жертву убеждают, что ее благополучие – главная

забота звонящего. Процедуры, которые на самом деле ведут к переводу денег, подаются как защитные меры. Такой прием вынуждает человека воспринимать действия как помощь.

7. Требование конфиденциальной информации

Ключевой целью мошенников часто является получение данных для доступа к счетами или оформления кредитов:

- *«Назовите, пожалуйста, ИНН. Давайте сейчас зайдем с вами перепроверим, если не против».*
- *«Уточните, как вам будет комфортно пройти этапы идентификации. По десяти цифрам вашего финансового договора или по нумерации вашей любой активной карты?»*
- *«Уточните, пожалуйста, полный серийный номер вашего физического пластика, который с лицевой стороны. 16 цифр, сразу вас предупреждаю, это не является конфиденциальной информацией».*
- *«Карта при вас находится? Никто не мог из сторонних лиц воспользоваться?»*
- *«…предъявите проверочный код карты…это на обратной стороне карты у вас указан под магнитной полосой после вашей подписи трехзначные числа…».*
- *«Для этого мне необходимо будет указать или страховое свидетельство, или ИНН».*

Запросы данных подаются как обычные операционные действия, создавая у адресатов ощущение, что это стандартная банковская практика, не требующая повышенной бдительности. Прямые утверждения «это не является конфиденциальной информацией» или вопросы о том, «комфортно» ли предоставить данные, призваны снять естественные защитные реакции. Одновременно демонстративная забота о безопасности усиливает доверие к говорящему. Предложение выбрать способ идентификации («по договору или по карте») ставит адресата перед ложным выбором, смещая фокус внимания с вопроса «зачем это делать?» на вопрос «как это сделать?».

8. Использование терминологии, профессионального жаргона

Злоумышленники используют сложные термины, чтобы жертва почувствовала себя неуверенно и согласилась на предлагаемую помощь в вопросе:

- *«Николай, видимо, Вы стали жертвой мошеннических действий, поскольку в Ваш мобильный банк был выполнен вход из города Санкт-Петербург в мобильное устройство iPhone 6. Вам пытались изменить Ваш финансовый номер».*
- *«Система нашего банка зафиксировала несанкционированный вход в Ваш личный кабинет с города Владивосток… Также была попытка списания денежный средств на сумму 3000 рублей».*
- *«Далее будет проведен ряд оперативно-разыскных мероприятий, а также следственных действий».*
- *«Информацию запрашивал не я, а работная система. По регламенту банка я не имею права знать какой информации и запрашивать ее. Запрашивает все. Работирует система фиксации нашего банка. Это отдельный анонимный сервер между клиентом и роботом».*
- *«У Вас блокировка по карте вызвана тем, что кто-то пытался осуществить покупку через интернет-магазин…».*
- *«Для того, чтобы отменить перевод, сейчас необходимо Вас верифицировать… Говорите, активация защиты, после чего код подразделения банка…».*
- *«Поступила к нам в обработку заявка, чтобы выполнить вход в Ваш личный кабинет… Также была зафиксирована подвязка стороннего номера телефона… Вам данная личность известна?»*
- *«Приложение ВТБ Лайта в последней версии Вы не обновили. Это как раз причина взлома Вашего личного кабинета, так как во второй версии низкий уровень безопасности».*
- *«Но регламент банка вышел в 2018 году, то, что даже сотрудники не имеют права запрашивать никакой конфиденциальной информации у клиента».*
- *«В данный момент в нашей системе зафиксирована заявка на пополнение электронного кошелька с Вашей карты за банк».*
- *«…произошла утечка персональных данных, то есть их кража. Полный пакет документов был скомпрометирован, в том числе внутрибанковская информация».*

Употреблением терминов («несанкционированный вход», «оперативно-разыскные мероприятия», «верификация», «подвязка номера»), ссылкой на сложные системы («работирует система фиксации», «анонимный сервер») мошенник создает иллюзию своей экспертизы. Адресат, не разбираясь в деталях, теряется и соглашается с требованием.

9. Дискредитация реальных служб поддержки

Мошенники убеждают адресата в том, что только они способны разрешить возникшую ситуацию, в то время компетентность официальных служб ставится под сомнение:

- *«С вами уже связался квалифицированный специалист Департамента контроля финансовых операций… Сбербанк некомпетентен в решениях таких вопросов, поскольку там работают обычные менеджеры».*

10. Постановка наводящих вопросов для сбора информации

Под предлогом помощи в расследовании мошенник задает вопросы, цель которых – выяснить информацию для того, чтобы в дальнейшем ее использовать:

- *«Скажите, в каких банковских структурах могут фигурировать ваши паспортные данные?»*
- *«Вадим Павлович, вы не пользуетесь ни одним банком на территории Российской Федерации?»*
- *«Картой какой пользуетесь? Зарплатная, кредитная, пенсионная?»*
- *«Скажите, пожалуйста, а вот именно последнюю операцию, которую вы совершали, помните?»*

- *«Скажите, пожалуйста, сколько активных пластиковых продуктов вы в данный момент используете от Сбербанка?»*

Каждый вопрос направлен на выяснение конкретных параметров финансового профиля: какие банки используются адресатом, тип карты, количество продуктов, детали последних операций. Вопросы формулируются в рамках мнимой легитимности процедуры («помощь в расследовании»), что создает впечатление их законности. Адресат ошибочно воспринимает предоставление запрашиваемой информации не как раскрытие персональных данных, а как участие в процедуре их верификации.

11. Давление и обвинение

При возникновении попыток отрицания со стороны адресата в ходе коммуникативного взаимодействия злоумышленник прибегает к тактике агрессивного воздействия, выдвигая обвинения в недостоверности предоставляемых сведений, во лжи. Данный прием провоцирует эмоциональный дискомфорт и стимулирует адресата к раскрытию фактической информации вследствие испытываемого чувства вины.

- *«Зачем мне ложную информацию сейчас предоставлять?»*
- *«Ну, а чего Вы молчали, Вадим?»*

12. Создание иллюзии безопасности

Мошенник специально подчеркивает, что не запрашивает личную информацию, чтобы успокоить бдительность адресата и представить свои вопросы как рутинную и безопасную процедуру:

- *«Я понимаю, но я у вас никакой секретной информации не запрашиваю, это во-первых».*

13. Имитация системы поддержки

Для правдоподобности мошенники могут имитировать передачу звонка между отделами или банками:

- *«Ожидайте, пожалуйста, на линии в течение 30 секунд. С вами свяжется специалист банка».*
- *«Павел, здравствуйте. Старший специалист банка передает заявку от Сбербанка о факте мошенничества».*

Фразы «передает заявку от Сбербанка» и «ожидайте на линии» точно копируют реальные процессы взаимодействия между банковскими службами. Это создает впечатление сложной внутренней системы, работающей по установленным протоколам.

14. Эксплуатация дополнительных каналов для подтверждения надежности звонка

Мошенники предлагают проверить их номер через сервис Google или Яндекс, чтобы убедить в своей легитимности:

- *«Проверьте номер сейчас. Откройте либо Яндекс, либо Google. У вас номер отображается, с которого я вам звоню. Введите этот номер сейчас».*
- *«Мы вам сейчас отправляем рассылку от нашей компании «Авито» на номер твоего телефона… Проверьте самую верхнюю СМС-рассылку».*

Предложение проверить номер через поисковые системы эксплуатирует доверие людей к этим платформам. Адресат думает, что «если номер отображается в поиске, значит, он настоящий». При этом мошенник может использовать поддельный номер, зарегистрированный в спам-базах, или номер, который действительно принадлежит банку. Фразы «проверьте самую верхнюю СМС-рассылку» и «введите номер сейчас» заставляют выполнять конкретные инструкции.

15. Фишинг под видом возврата средств

Мошенник звонит под видом «аналитического отдела Сбербанка» и предлагает вернуть средства с брокерского счета:

- *«У вас одобрена заявка на ИМИС. Общая сумма 34800 долларов… В течение суток сумма поступает вам на карту».*

Фразы «у Вас одобрена заявка» и «сумма поступает» формирует восприятие процесса как свершившегося события без вмешательства клиента.

Упоминание ИМИС как настоящего финансового продукта, указание конкретной суммы и временных рамок усиливает реалистичность ситуации, отвлекает от возможных рисков путем предоставления детализированной информации.

16. Блокировка счета как метод давления

Мошенник угрожает заблокировать счета, если адресат отказывает сотрудничать:

- *«Я на данный момент блокирую ваши счета на срок от 30 до 90 банковских дней на время разбирательства».*
- *«У вас была перерегистрация мобильного банка… Ваша карта будет заблокирована сроком на 90 дней до выяснения обстоятельств».*
- *«Мне нужно вас идентифицировать как клиента нашего банка по номеру договора… Если вы мне не доверяете, я заблокирую ваши все счета».*

Категоричные формулировки («если вы мне не доверяете, я заблокирую») превращают нежелание адресата сообщать данные в причину для применения санкций. Это ставит жертву перед выбором: немедленное сотрудничество или полная блокировка счетов. Также упоминание конкретных сроков («от 30 до 90 банковских дней»)

и процедурных формулировок («до выяснения обстоятельств», «на время разбирательства») имитирует юридически корректный процесс, что заставляет жертву поверить в законность угрозы и необходимость соблюсти инструкции, чтобы избежать блокировки финансов.

17. Фишинг под видом технической поддержки

Мошенник под предлогом «защиты от вирусов» заставляет установить программу удаленного доступа:

- *«Установите программу поддержки клиентов… TeamWeaver QuickSupport… Это для очистки вашего телефона от вирусных и вредоносных исчитывающих программ».*

Указанная программа удаленного доступа представляется как программа поддержки клиентов и инструмент для очистки от вирусов. Упоминание «вирусных и вредоносных исчитывающих программ», где «исчитывающих» – псевдопрофессиональный неологизм, имитирует техническую экспертизу и запугивает адресата несуществующей опасностью, требуя немедленных действий.

18. Запрос подтверждения действий

Мошенники пытаются заставить адресата санкционировать транзакции, чтобы затем использовать согласие в собственных корыстных целях:

- *«Подскажите, вы совершали вход в ваш личный кабинет 7 минут назад… Дело в том, что у вас транзакция, которая ожидает вашего дополнительного подтверждения, перевод на сумму 4200 рублей, насчет получателя Сидоренко Алексея Владимировича. Вы подтверждаете данный перевод?»*

Указание точного времени, суммы и ФИО получателя создает иллюзию реально существующей транзакции. Вопрос «Вы подтверждаете данный перевод?» маскируется под стандартную банковскую проверку. Человек, опасаясь несанкционированного списания денег, подтверждает операцию, не понимая, что этим дает согласие на противоправные действия в свой адрес.

К сожалению, в настоящее время не существует эффективной защиты от телефонного мошенничества посредством использования готового списка телефонных номеров мошенников для их блокировки в функции «черный список». Единственным доступным способом фильтрации остается ручное внесение незнакомых номеров в базу данных абонентского устройства с последующей их идентификацией и блокировкой.

Согласно исследованиям, телефонные мошенники обычно осуществляют предварительно подготовленный телефонный звонок [Кудрявцева 2014: 335]. Злоумышленники могут располагать информацией о размере денежных средств на счетах потенциальной жертвы, а также о последних финансовых операциях.

Ключевым элементом системы противодействия остается своевременная передача информации о фактах телефонного мошенничества в правоохранительные органы для проведения процессуальных и оперативно-разыскных проверок.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что телефонное мошенничество представляет собой многоаспектный феномен, эффективность которого в значительной степени обусловлена умелым применением злоумышленниками речевых приемов манипуляции.

В качестве методологической основы исследования использована теория речевых актов Дж. Остина, что позволило проанализировать мошеннический дискурс через призму иллокутивных намерений (директивы, комиссивы, эмотивы) и достигаемых перлокутивных эффектов (доверие, совершение целевых действий). Систематизированы ключевые манипулятивные приемы, к которым относятся: создание искусственного цейтнота для подавления критического мышления жертвы, симуляция официального статуса для внушения доверия, эксплуатация базовых эмоций (страха, жадности, желания помочь) и использование специализированного жаргона для формирования иллюзии достоверности.

Выявлены характерные лингвистические маркеры мошеннического дискурса, такие как отсылки к авторитету («МВД России», «Сбербанк», «Центральный банк», «капитан полиции», «инспектор ДПС»), указание точных цифр и временных рамок («7 минут назад», «в течение суток», «340 рублей в сутки»), использование специфических формул, создающих иллюзию официальности и срочности («верификация данных», «блокировка счета», «подозрительные операции», «протокол», «реестр», «срочно требуется», «иначе будут последствия»). Ключевыми также являются термины, эксплуатирующие эмоции страха и доверия («мошенничество», «уголовная ответственность», «штраф»), и жаргон, имитирующий профессиональные процедуры («технический дубликат анкеты», «регламент банка», «двухфакторная защита», «несанкционированный вход», «анонимный сервер»). Эта лексика выполняет перлокутивную функцию, направленную на подавление критического мышления, формирование доверия и побуждение к немедленным действиям. Ее распознавание позволяет идентифицировать манипулятивную коммуникацию на ранних этапах взаимодействия.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения ее результатов в нескольких сферах: разработка программ и материалов для повышения медиаграмотности и цифровой грамотности населения; создание алгоритмов и систем автоматического распознавания мошеннических звонков на основе выявленных лингвистических и паралингвистических паттернов; разработка методик лингвистической экспертизы для анализа коммуникации в целях установления фактов манипуляции.

Таким образом, лексика в телефонном мошенничестве – это не просто набор слов, а инструмент. Мошенники виртуозно комбинируют приемы легитимизации, давления и манипулятивной неопределенности, чтобы

последовательно лишить человека бдительности, вызвать нужную эмоцию (страх, доверие) и в конечном итоге добиться своей преступной цели. Понимание лингвистических уловок позволяет распознать манипуляцию на раннем этапе и прервать диалог. Дальнейшие исследования в данном направлении могут быть сосредоточены на детальном анализе вариативности речевых стратегий в зависимости от целевой аудитории, а также на разработке и внедрении образовательных технологий.

Список источников

Региональное информационное агентство «Кузбасс». URL: https://kuzbass.media/2024/05/04/49754.html
Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-masshtaby-i-poteri

Литература

Галяшина Е. И. Языковые приемы телефонного мошенничества и способы его распознавания / Правовой альманах. - 2025. - №1 (41). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-priemy-telefonnogo-moshennichestva-i-sposoby-ego-raspoznavaniya
Иссерс О. С. Речевое воздействие: Учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М., 2009.
Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014.
Овчинский В. С. Криминология цифрового мира. М., 2018.
Остин Дж. Избранное; перевод с англ. Л. Б. Макеевой и В. П. Руднева. М., 1999.
Социальная инженерия и информационная безопасность: монография. М., 2023.
Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М., 2006.
Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М., 2012.
Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009.

References

Austin, J. L. (1999). Favorites. Translated from English by L. B. Makeeva and V. P. Rudnev. Moscow (in Russian).
Chernyavskaya, V. E. (2006). The discourse of power and the power of discourse: problems of speech impact. Moscow (in Russian).
Chernyavskaya, V. E. (2009). Linguistics of the text. Polycode, intertextuality, interdiscursivity. Moscow (in Russian).
Chernyavskaya, V. E. (2012). The discourse of power and the power of discourse: problems of speech impact. Moscow (in Russian).
Criminology / edited by V. N. Kudryavtsev and V. E. Eminov. (2014). 5th ed., revised and additional. Moscow (in Russian).
Galyashina, E. I. (2025). Linguistic techniques of telephone fraud and ways of its recognition. Legal Almanac, 1 (41). Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-priemy-telefonnogo-moshennichestva-i-sposoby-ego-raspoznavaniya (in Russian).
Issers, O. S. (2009). Speech impact: A textbook for students studying in the specialty "Public Relations". Moscow (in Russian).
Kiryushina, L. (2025). Manipulative Form of Communication as One Way of Committing Telephone Fraud. Jurilinguistics, 37, 103–107 (in Russian).
Ovchinsky, V. S. (2018). Criminology of the digital world. Moscow (in Russian).
Social engineering and information security (2023). Monograph. Moscow (in Russian).

Citation:
Напреенко Г. В., Солдатова В. Д. Телефонное мошенничество: лингвопрагматические механизмы речевого воздействия // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 94-102.
Napreenko G. V., Soldatova V. D. (2026) Telephone Fraud: Lingua-Pragmatic Mechanisms of Speech Influence. Legal Linguistics, 40, 94-102.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 40, 103-106, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4017

РЕЧЕВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ *УДК 343.01, ББК 67.408, ГРНТИ 10.77.51, Код ВАК 5.9.8*

Феномен «мошенничество» как манипулятивная коммуникативная практика

А. С. Сибирская

Сибирский федеральный университет

пр. Свободный, 82А, 660041, Красноярск, Россия. E-mail: sibarya9@gmail.com

Статья посвящена исследованию феномена мошенничества, который на протяжении долгого времени интересует ученых, работающих в рамках не только юриспруденции и правоведения, но и языкознания. Лингвистический анализ приемов, которые используются мошенниками в процессе коммуникации, вносит значительный вклад в лингвистическую безопасность общества. В статье представлен диахронический анализ возникновения и трансформации термина «мошенничество» в российском историко-правовом контексте. Современный этап исследований феномена описывается в рамках юридической лингвистики. В частности, анализируется термин «мошеннический дискурс» – особый вид дискурса, который включает в себя синтез различных языковых практик. Особое внимание уделяется речевой манипуляции, главному инструменту влияния в мошенническом дискурсе, помогающему подчинить себе волю слушающего и считающемуся неправовой формой коммуникативного поведения. В статье также описываются основные структурно-прагматические компоненты высказываний мошенников (обращение, ложное утверждение и директив), дискурсивные эмблемы, присущие дискурсу данного типа (использование сложных терминов, излишняя эмоциональность, давление на доверие и т. п.), а также основные коммуникативные стратегии, к которым прибегают мошенники в ходе общения со своими потенциальными жертвами (апелляция к страху, апелляция к удаче и стратегия создания иллюзии рутинности). Подчеркивается важность детального изучения феномена мошенничества, которая обусловлена непрерывным развитием данной формы имущественного преступления, а также ее высокой адаптацией к современным реалиям жизни. Отмечается также особая значимость анализа мошеннического дискурса для выявления основных манипулятивных тактик и возможного предотвращения роста числа жертв.

Ключевые слова: дискурсивные эмблемы, мошеннический дискурс, речевая манипуляция, стратегии воздействия, юридическая лингвистика.

The Phenomenon of "Fraud" as a Manipulative Communication Practice

A. S. Sibirskaia

Siberian Federal University

82a Svobodny St., 660041, Krasnoyarsk, Russia. E-mail: sibarya9@gmail.com

The article discusses the phenomenon of fraud, which has been of interest to both scientists working in jurisprudence and in linguistics. Linguistic analysis of the communicative techniques used by fraudsters makes a significant contribution to the linguistic security of society. The article presents a diachronic analysis of the origin and transformation of the term "fraud" in the Russian historical and legal context. The current state of this phenomenon research is described within the legal linguistics. In particular, the article presents the "fraudulent discourse" as a special kind of discourse that includes a synthesis of various language practices. Special emphasis is put on speech manipulation which is the main instrument of influence in the fraudulent discourse, which helps to subjugate the will of the listener and is considered an illegal form of communicative behavior. The article also describes the main components of the fraudulent statements (address, false statements and directives), typical discursive tokens (complex terms, emotionality, psychological pressure, etc.), and the communication strategies fraudsters use while communicating (an appeal to fear, an appeal to luck, and the strategy for creating the illusion of routine). The importance of a detailed study of the phenomenon of fraud is emphasized, which is due to the continuous development of this form of crime, as well as its high adjustment to modern life. The special importance of analyzing fraudulent discourse is also noted to identify the main manipulative tactics and possibly prevent an increase in the number of victims.

Key words: discursive tokens, fraudulent discourse, linguistic manipulation, strategies of influence, legal linguistics.

Мошенничество остается одной из самых актуальных проблем, стоящих перед современным обществом и требующих незамедлительного решения. Стремительное развитие цифровых технологий, неограниченный доступ к информации в сети Интернет, а также современные тенденции коммуникации значительно повышают риск быть вовлеченным в мошеннические схемы. На протяжении последнего десятилетия технически опосредованное мошенничество получает все большее распространение, а число людей, пострадавших от уловок киберпреступников, растет с каждым годом.

У данной социальной практики довольно длительная история. Первые упоминания мошенничества встречаются в государственных актах начала XVI века. В тот же временной период мошенничество приобретает свои отличительные характеристики и начинает выделяться из общего понятия хищения [Архипов 2021: 12].

Легальное определение термин «мошенничество» получил уже в следующем веке в 1781 г., что связано с появлением Указа «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех Губерниях». В те годы под мошенничеством понимались карманная кража или кража частей одежды в многолюдных местах, некоторые случаи ненасильственного грабежа, а также завладение чужим имуществом путем обмана [Томсинов 2011: 289–292].

Окончательно термин «мошенничество» был определен в 1845 году. Тогда под таким способом хищения начали подразумевать «…всякое, посредством какого-либо обмана учиненное похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества» (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845: 865).

В начале XX века уголовные кодексы Российской империи были заменены декретами новой советской власти. Впервые мошенничество в нормативных документах социалистического государства упоминается в 1921 г. В УК РСФСР 1960 г. мошенничество определялось как хищение государственного или общественного имущества (ст. 93) и завладение личным имуществом граждан путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 147) [Архипов 2021: 17].

В 1993 г. принятие Конституции Российской Федерации существенно изменило понимание системы преступлений против собственности. В 1994 г. Федеральным законом № 10-ФЗ также было введено общее понятие хищения. Данные изменения в законодательстве послужили основой для системы преступлений против собственности в современной России [Архипов 2021: 18].

В настоящее время действующим Уголовным кодексом мошенничество определяется как «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием» (Уголовный кодекс Российской Федерации 1996: ст. 159).

Правовое и бытовое понимание мошенничества не всегда совпадают [Смирнова 2024: 92]. Часто в бытовом узусе под определение мошенничества попадают правонарушения, юридически квалифицируемые как кража (тайное хищение чужого имущества (ст. 158 УК РФ)) или вымогательство (требование передачи чужого имущества или права на имущество, либо совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, либо под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего и его близких (ст. 163 УК РФ)) (Уголовный кодекс Российской Федерации 1996: ст. 158, 163).

Сферой научного интереса лингвистов мошенничество стало относительно недавно. Это закономерно связано с появлением в 1999 г. такого раздела прикладной лингвистики, как юридическая лингвистика [Костромичева 2007: 57]. В рамках юридической лингвистики изучаются способы речевого манипулирования – основного инструмента мошенников.

Многие отечественные и зарубежные ученые предлагают свои определения термина «речевая манипуляция», акцентируя внимание на разных аспектах, что обусловлено областью научного знания.

С точки зрения психологии манипуляция представляет собой вид психологического воздействия, в результате которого у человека возникают особые намерения, не совпадающие с его актуально существующими желаниями в реальности [Доценко 1997: 59]. С юридической точки зрения речевая манипуляция признается «неправовой» формой речевого поведения, так как нарушает права человека на свободу волеизъявления и принятия самостоятельного решения [Рюмшина 2004: 3]. Манипуляция в лингвистике понимается как особый метод речевого воздействия, в ходе которого говорящий обретает контроль над сознанием людей против их воли и интересов [Van Dijk 2006: 360]. Соответственно, коммуникация мошенников со своими жертвами всегда манипулятивна, ее целью выступает эмоциональное воздействие на жертву с целью получения выгоды. Отличительной чертой манипулятивной коммуникации мошенников является эмоциональное уверение адресата и нейтрализация логических аргументов [Миронова, Тугай 2024: 111].

Растущий интерес лингвистов к исследованию проблемы мошенничества привел к формированию термина «мошеннический дискурс».

И. В. Смирнова отмечает, что для данного типа дискурса характерно наличие особой цели, заключающейся в завладении чужим имуществом и получении выгоды путем обмана и злоупотребления доверием [Смирнова 2024: 92]. Для достижения поставленной цели злоумышленником совершается сознательное воздействие на коммуниканта с использованием различного рода речевых манипуляций, таких как сообщение ложных/недостоверных сведений, утаивание и/или частичное предоставление информации [Смирнова 2024: 92].

Л. А. Литвинова рассматривает мошеннический дискурс как послание, в основу которого положено ложное утверждение, целью которого является некорректное воздействие на адресата, манипулирование его сознанием для получения материальной выгоды [Литвинова 2023б: 88].

В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин определяют мошеннический дискурс как синтез различных коммуникативных практик, создающих уникальный способ эффективной манипуляции восприятием и эмоциями потенциальных жертв [Карасик, Слышкин 2021: 14–31]. К дискурсам, наиболее повлиявшим на формирование мошеннического дискурса, относятся коммерческий (маркетинговые и рекламные стратегии), экспертный (активное использование профессионализмов) и эмоциональный (элементы эмоционального обращения, оказывающие влияние на психологическое состояние жертвы) дискурсы [Карасик, Слышкин 2021: 14–31].

Структура мошеннического дискурса, согласно концепции Л. А. Литвиновой, состоит из трех структурно-прагматических компонентов:

1) приветствие/обращение;

2) ложное утверждение (сообщение фактов, не имеющих отношения к реальной действительности и направленных на введение адресата в заблуждение);

3) директивная часть (прямое или косвенное побуждение адресата к совершению действия, выгодного для преступника).

По своей структуре мошеннические тексты могут быть трех-, двух- и однокомпонентные. Трехкомпонентные тексты включают в себя все три типа речевых актов, упомянутых выше. В двухкомпонентной структуре, как правило, отсутствует один из элементов – обращение или ложное утверждение, однако всегда присутствует директив, то есть побуждение к действию.

Однокомпонентная структура представлена только директивом, в котором побуждение может быть представлено эксплицитно и имплицитно [Литвинова 2022: 102–106].

Ложные утверждения в развернутых текстах являются своеобразным гарантом вовлеченности жертвы в процесс. Данный факт обусловлен главной целью преступников, которая заключается в оказании влияния на психоэмоциональное состояние реципиента. В зависимости от характера вызываемых эмоций ложные утверждения делятся на несколько семантико-прагматических групп:

1) направленные на получение положительной эмоциональной реакции адресата (сообщения о приятном событии: выигрыше, призе, заманчивой акции, наследстве, лотерее и др.);

2) направленные на получение негативной эмоциональной реакции адресата (сообщение о неприятном событии: о блокировке карты, задолженности, подозрительной активности на банковском счете жертвы, посещении запрещенных сайтов и др.);

3) сообщения более или менее нейтрального характера, которые могут в некоторой степени заинтересовать адресата или вызвать у него небольшое раздражение [Литвинова 2023а: 25–27].

Так, основываясь на выбранном для оказания влияния на адресата ложном утверждении, мошенники могут выбрать одну из трех основных стратегий воздействия:

1) апелляция к страху;

2) апелляция к удаче;

3) стратегия создания иллюзии рутинности [Смирнова 2024: 92–101].

Несмотря на создание преступниками различных коммуникативных ситуаций, в каждой из тактик нередко прослеживаются схожие средства воздействия или дискурсивные эмблемы, самыми распространенными из которых являются использование сложных терминов, избыточная эмоциональность, создание искусственной срочности, давление на доверие адресата, а также полное игнорирование уточняющих вопросов [Миронова, Тугай 2025: 107–108].

В зависимости от конкретной коммуникативной ситуации перлокутивный эффект также отличается: при стратегии апелляции к страху и использовании приказной коммуникативной тональности (адресант часто выступает в роли представителя власти) жертва начинает испытывать страх, а также чувство вины или ответственности за содеянное.

При использовании стратегии апелляции к удаче, преступники, напротив, отдают предпочтение дружелюбному тону, демонстрируя свои добрые намерения и услужливость. В такой ситуации жертва сфокусирована на своих положительных эмоциях и невольно начинает доверять коммуникативному партнеру.

Стратегия создания иллюзии рутинности не имеет направленности на оказание сильного эмоционального воздействия на реципиента. Шаблонные фразы (например, «*Извините, клала мужу 200 руб., а по ошибке положила вам. Верните, пожалуйста, дочке на билайн»)* призваны усыпить бдительность реципиента [Литвинова 2023а: 25–27].

Таким образом, мошенничество как вид самого распространенного имущественного преступления берет свое начало много веков назад, но, в отличие от других видов преступной деятельности, имеет потенциал постоянно адаптироваться под реалии определенного времени, тем самым представляя сильную угрозу для некоторых представителей социума, на которых оно направлено. Изучение соответствующего дискурса помогает проанализировать самые распространенные стратегии вовлечения жертв в преступные схемы, а также выделить основные единицы на разных уровнях языка, с помощью которых осуществляется речевое манипулирование.

Список источников

Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.

Литература

Архипов А. В. История развития законодательства об ответственности за мошенничество в России / Вестник Томского государственного университета. - 2021. - № 39. - С. 12–20.
Дейк Т. А. ван. Дискурс и манипуляция / Дискурс и общество. - 2006. - № 17. - С. 359–383.
Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1997.
Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса / Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. - 2021. - № 1. - С. 14–31.
Костромичева М. В. Юридическая лингвистика: к вопросу о соотношении языка и права / Среднерусский вестник общественных наук. - 2007. - № 3. - С. 57–61.
Литвинова Л. А. Манипулятивный потенциал ложных утверждений в структуре мошеннического дискурса / Вестник Полоцкого государственного университета. - 2023. - № 3. - С. 25–27.
Литвинова Л. А. Обращения и другие средства выражения адресации в англо- и русскоязычном дискурсе мошенников / Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. - 2023. - № 4 (139). - С. 88–93.
Литвинова Л. А. Структурно-прагматические модели организации мошеннического дискурса / Вопросы и методики преподавания иностранного языка: сборник трудов конференции. - 2022. - № 11. - С. 101–106.
Миронова А. А., Тугай Л. А. Мошеннический дискурс (дискурсивная личность, дискурсивные эмблемы, характеристика мошеннического дискурса) / Юрислингвистика. - 2025. - № 35. - С. 104–110.
Миронова А. А., Тугай Л. А. Психолингвистический подход к исследованию текстов мошеннического дискурса / Вестник Челябинского государственного университета. - 2024. - № 5. - С. 107–113.
Рюмшина Л. И. Манипулятивные приемы в рекламе. М., 2004.
Смирнова И. В. Дискурс технически опосредованного мошенничества: жанр «развод» / «разводилово» и его стратегии / Жанры речи. - 2024. - № 1 (41). - С. 90–103.
Томсинов В. А. Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы. М., 2011.

References

Arhipov, A. V. (2021). The history of the development of legislation on liability for fraud in Russia. Tomsk State University Bulletin, 39, 12–20 (in Russian).
Dijk, T. A. van. (2006). Discourse and Manipulation. Discourse and Society, 17, 359–383.
Docenko, E. L. (1997). Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection: a monograph. Moscow (in Russian).
Karasik, V. I., Slyshkin G. G. (2021). Trends in the development of modern discourse. Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 1, 14–31 (in Russian).
Kostromicheva M. V. (2007). Legal linguistics: on the question of the relationship between language and law. Central Russian Journal of Social Sciences, 3, 57–61 (in Russian).
Litvinova L. A. (2022). Structural and pragmatic models of fraudulent discourse organization. Issues and Methods of Teaching a Foreign Language: conference proceedings, 11, 101–106 (in Russian).
Litvinova L. A. (2023). Addresses and other means of addressing in the English- and Russian-language discourse of fraudsters. Izvestiya of Francisk Skorina Gomel State University, 4 (139), 88–93 (in Russian).
Litvinova L. A. (2023). The manipulative potential of false statements in the structure of fraudulent discourse. Vestnik of Polotsk State University, 3, 25–27 (in Russian).
Mironova A. A., Tugaj L. A. (2024). A psycholinguistic approach to the study of fraudulent discourse texts. Bulletin of Chelyabinsk State University, 5, 107–113 (in Russian).
Mironova A. A., Tugaj L. A. (2025). Fraudulent discourse (discursive personality, discursive emblems, characteristics of fraudulent discourse). Legal Linguistics, 35, 104–110 (in Russian).
Ryumshina L. I. (2004). Manipulative techniques in advertising: a monograph. Moscow (in Russian).
Smirnova I. V. (2024). Discourse of technically mediated fraud: the genre of "razvod" / "razvedilovo" and its strategies. Speech Genres, 1 (41), 90–103 (in Russian).
Tomsinov V. A. (2011). Legislation of Emperor Peter III: 1761-1762. Legislation of Empress Catherine II: 1762-1782: a monograph. Moscow (in Russian).

Citation:
Сибирская А. С. Феномен «мошенничество» как манипулятивная коммуникативная практика // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 103-106.
Sibirskaia A. S. (2026) The Phenomenon of "Fraud" as a Manipulative Communication Practice. Legal Linguistics, 40, 103-106.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 40, 107-112, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4018

ЯЗЫК И ПРАВО *УДК 340.151+82-91, ББК 82.3, ГРНТИ 13.07.25, Код ВАК 5.1.1*

Русский героический эпос и его роль в формировании представлений о государстве и праве: на примере былин об Илье Муромце

Ю. В. Ерохина

Государственный академический университет гуманитарных наук
Мароновский пер., 26, 119049, Москва, Россия. E-mail: yulia-erohina@yandex.ru; uerohina@gaugn
Общегосударственная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
Пятницкая ул., 4/2, стр. 1, 150035, Москва, Россия. E-mail: yulia-erohina@yandex.ru; uerohina@gaugn

В статье предпринимается попытка анализа героического эпоса в качестве источника, стержневая идея которого – единое государство и его величие. Используется сравнительный метод, позволяющий выделить основные сходства и различия в некоторых версиях героического эпоса о богатыре Илье Муромце. В ходе исследования автор пришел к выводам о том, что советская власть использовала культурное наследие (былины) как инструмент для формирования нового мировоззрения, соответствующего своим идеологическим установкам. Героический эпос, несмотря на свою художественную ценность и способность пролить свет на отдельные аспекты прошлого, не может считаться самостоятельным историческим источником в современном научном понимании. «Правовое эпосоведение» как перспективное направление гуманитарного знания способствует более глубокому пониманию корней правовой культуры, истоков концепций справедливости и правды, а также значимости культурного наследия в формировании правосознания и основ российской государственности.

Ключевые слова: героический эпос, правовое эпосоведение, Илья Муромец, государство и право, основы российской государственности.

Russian Heroic Epic and Its Role in Shaping Ideas about the State and Law: Case Study of the Epic Poems about Ilya Muromets

Yu. V. Yerokhina

State Academic University for the Humanities
26, Maronovsky Ln, Moscow, 119049, Russia. E-mail: yulia-erohina@yandex.ru; uerohina@gaugn
Saints Cyril and Methodius Institute of Postgraduate Studies
1 Bld, 4/2, Pyatnitskaya St, Moscow, 150035, Russia. E-mail: yulia-erohina@yandex.ru; uerohina@gaugn.ru

The article attempts to analyze the heroic epic as a source reflecting the main content of epics – the interests of the state, as well as the core idea – a single state and its greatness. A comparative method is used to highlight the main similarities and differences in some versions of the heroic epic about bogatyr Ilya Muromets. In the course of the study, the author came to the conclusion that the Soviet government used cultural heritage (epics) as a tool to form a new worldview that corresponds to its ideological attitudes. The heroic epic, despite its artistic value and ability to shed light on certain aspects of the past, cannot be considered an independent historical source in the modern scientific sense. “Legal epic studies” as a promising area of humanitarian knowledge contributes to a deeper understanding of the roots of legal culture, the origins of the concepts of justice and truth, as well as the significance of cultural heritage in the development of legal awareness and the fundamentals of Russian statehood.

Key words: heroic epic, legal epic studies, Ilya Muromets, state and law, fundamentals of Russian statehood.

Правды надо держаться, – истину надо искать.
М. М. Пришвин

Произведения героического эпоса – былины – предоставляют собой уникальную призму, через которую можно изучать отдельные аспекты государства и права. Анализируя эпос, ученые могут получить представление о культурных и социальных контекстах, где формируются и действуют право и государственная власть. Этой проблеме посвящен ряд научных работ отечественных и зарубежных авторов [Коныратбай 2025; Петров, Кибасова 2014; Чорнобай 2014; Chapman 2017; FitzHerbert 2017; Bendix, Hasa-Rokem 2012], но познавательный характер эпоса в изучении истории и теории государства и права, основ российской государственности не входил в число их исследовательских задач.

А. С. Миронов утверждает, что «потенциал героического эпоса не задействован образовательными учреждениями, не реализован в культурно-просветительской деятельности и в деле патриотического воспитания» [Миронов 2021: 4]. Действительно, былины как памятники устного народного творчества служат ценным источником для понимания менталитета, общественных устоев и представлений о справедливости в Древней Руси, дополняющим летописные данные. В связи с этим при ознакомлении с героическим эпосом необходимо выявить стержневую идею, заложенную в былинах, – единое государство, его величие и формирование представлений о праве, долге, справедливости, показать их связь с мифологией и отечественной историей, выявить особенности поэтики фольклорных произведений. Начало русского эпоса обычно определяется X в., т. е. образованием Русского государства. С данного времени следует говорить о русской народности, а до этого речь может идти не о народе, а о группе восточнославянских племен, живущих родовым строем [Пропп 1958: 24].

Нужно отметить, что власть в былинах представлена фрагментарно, единой картины властных отношений нет, их следы относятся к различным периодам и событиям. Прежде всего, замысел былины реализуется во множестве вариантов одного и того же сюжета и может быть установлен только из их совокупности. Речь, по сути, идет о некоем условном подвижном, включающем в себя множество вариантов, иногда и версий, тексте. Из него и проявляется целостная, законченная, хотя и нередко противоречивая, картина общего замысла, присущего данному сюжету, с учетом, однако, всевозможных расхождений, имеющихся в отдельно взятых вариантах.

У данной тематики хороший потенциал для будущих исследований на материале произведений героического эпоса и других жанров устного народного творчества. Поскольку исследования героического эпоса носят междисциплинарный характер (социолингвистика, различные отрасли филологии, фольклористика, культурная антропология, сравнительное литературоведение, юриспруденция и пр. [FitzHerbent 2017]), то возможно формирование нового междисциплинарного направления – «правового эпосоведения», исследующего связь эпоса и права, анализирующего то, как правовые нормы, обычаи и представления отражались в эпосе, и, наоборот, как эпос формировал правовые взгляды и влиял на социальный порядок в древних культурах.

В основу настоящего исследования положен материал былин об Илье Муромце, сыне Ивановиче, богатыре, крестьянском сыне, приехавшем в Киев из города Мурома, из села Карачарова [Козловский 2016]. Важным является христианский хронотоп произведения. Главные события в нем происходят на Пасху, когда родился Илья Муромец [Захарова 1998: 288]. Его канонизировали как местночтимого святого через 500 лет после смерти (по разным данным: в 1643 г. или в 1684–1690 гг.). Общецерковное почитание было установлено указами Святейшего Синода 1762, 1775 и 1784 гг. Он также включен в Собор Муромских святых (Православная энциклопедия 2009).

При рассмотрении правовых аспектов героического эпоса об Илье Муромце нами учитывается исследовательский подход Р. Ю. Почекаева к анализу пословиц и поговорок в юридическом контексте, который «перспективен для иных произведений народного эпоса и фольклора именно с точки зрения отражения действующего права и реальных правовых отношений в исторической памяти различных народов и государств» [Почекаев 2025: 98].

Всего рассмотрено около 100 различных редакций былин об Илье Муромце и о других богатырях, записанных собирателями фольклора в разное время (в XVIII–XX вв.) и в разных регионах России (в основном в Олонецкой и Архангельской губерниях и в Сибири). Предпринята попытка анализа текстов былин с учетом сопоставления некоторых деталей повествования, с определением вероятного периода описываемых в них событий, самих событий и лиц, которые могли явиться прообразами героев эпоса. Однако вопрос о том, в каком году или веке или в каком месте создавалась былина, может оказаться неправильно поставленным, так как процесс образования и развития былины длится столетиями. Утверждение, что отнесение былины к определенному году или десятилетию не всегда возможно, не исключает вопроса о хронологической определимости былин, а ставит его в иную плоскость [Пропп 1958: 24]. В связи с этим проблема времени ее возникновения требует самостоятельного исследования.

В XX в. изучение эпического наследия народов СССР занимало доминирующее положение. Принцип идеологизации коснулся былиноведения в большей степени, чем исследований других жанров, например, сказок, песен или заговоров. За былинным текстом стоит история, которая долгое время «перекраивалась» в духе «классовых интересов общества». Так, сложилась парадоксальная ситуация, когда былинные сюжеты о героях из окружения князя Владимира фольклористы вынуждены были рассматривать с точки зрения выражения в них идеологии крестьянства и городских низов [Русский фольклор 1995: 3].

Во вступительной статье к книге «С того света: Антирелигиозные мотивы народной поэзии», прозвучал призыв о том, что «…нужно решительно выступить против религиозных предрассудков, организовать широкую научно-

просветительную и агитационную пропаганду, в которой большое место может и должна занять наша народная поэзия… В народной поэзии очень ярко отображена борьба трудящихся против своих притеснителей. Так, например, в былинах об Илье Муромце, созданных еще в X веке, этот наиболее популярный народный герой грозится убить “собаку князя Владимира” и “сбить маковки церковные”» [С того света 1959: 10].

Эта цитата, согласно марксистско-ленинской теории, раскрывает суть одной из основных форм классовой борьбы – идеологической. Позитивные или негативные качества былинного героя используются как оружие идеологической борьбы и направлены в нашем случае на дискредитацию главы государства и церкви.

Существует несколько вариантов древнерусских былин о подвигах Ильи Муромца. В них по-разному представлен эпизод, когда богатырь сшибает стрелой, выпущенной из лука, купола со зданий Киева. При этом цитируется именно тот вариант, который якобы поддерживает протестные настроения народа и антирелигиозную политику Советского государства. На самом деле причиной такого агрессивного поведения Ильи Муромца явилось его публичное унижение князем Владимиром, не узнавшим своего богатыря и предложившим ему занять место за столом в кругу челяди. Ссора между Муромцем и князем возникла отнюдь не из-за «борьбы трудящихся против своих притеснителей». Посредством представления неполной либо недостоверной информации в данном случае предпринята попытка убедить аудиторию в противодействии Ильи Муромца христианству и церкви.

Используется несколько редакций былины, в которой богатырь Илья Муромец повздорил с киевским князем Владимиром Красное Солнышко. Например, в одной из версий рассматриваемой истории «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром» этот эпизод описан так:

А Илейко, как повышел на широкий двор.
Тугой лук разрывчатый натягивал,
Каленую стрелочку накладывал,
Сам стреле да приговаривал:
«Ты лети-ка, стрелка, к кровлям златоверхим,
Поснимай-ка золочены маковки!»
Пали на земь золочены маковки,
Закричал Илья да во всю голову:
«Гой вы, голи, голюшки кабацкие,
Доброхоты княжеские!
Собирайтесь-ка на княжеский двор,
Обирайте золочены маковки,
Да несите во царев кабак,
Пейте зелена вина там досыта» (Книга Былин 1880: 153–154).

О маковках церковных здесь ничего не говорится. В былине нет даже намека на борьбу богатыря с христианством. Скорее, наоборот, показано его уважительное отношение к Богу. Беседуя с князем, Илья говорит:

…на сей раз Бог тебя простит
За твою вину да за великую! (Книга Былин 1880: 158).

В других редакциях этой же былины говорится, что Илья, гуляя по Киеву, ломал на церквах кресты, а затем сбивал и маковки золоченные (Онежские былины 1896: 38) или стрелял из лука по «чудным крестам Божьих церквей» и по «золоченым маковкам» (Онежские былины 1894: 322–323).

Богатырь сбивает золоченые маковки, но нигде в былинах не указано, что это церковные купола. Можно предположить, что они сбиты Ильей с княжеских палат или же с домов зажиточных киевлян.

В то же время нельзя оставить без внимания тот факт, что богатырь все-таки стреляет и по Божьим церквам, а затем выламывает кресты. Однако такое поведение Муромца можно объяснить.

Во-первых, для Древней Руси свойственно смешение языческих и христианских мотивов. Славяне верили, что боги служат для поддержания порядка, и у каждого из них свои обязанности. Князь Владимир в 980 г. провел реформу славянского язычества в Киевской Руси. Поставив на холме за теремным двором «деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь» (Повесть временных лет 2012: 54), он пытался создать общегосударственный языческий пантеон. После крещения Руси в 988 г. идолов повергли, и на месте пантеона князь построил церковь святого Василия (Повесть временных лет 2012: 79–81).

Как отмечает К. Е. Сигалов, «с первых лет введения христианства на Руси церковь становится крупным собственником движимого и недвижимого имущества. Это имущество предоставлялось церкви князьями, передавалось и завещалось различными собственниками – от бояр до обычных крестьян» [Сигалов 2014: 29]. Подчиненное положение церкви в Древнерусском государстве объясняется и тем, что церковная организация создавалась по инициативе и с материальной помощью княжеской власти [Бабошина, Гусейнова 2019: 323]. В связи с этим церкви, находящиеся в вотчине князя Владимира, могли восприниматься народом как собственность князя и приближенных к нему лиц. Следовательно, своими действиями Илья Муромец наносил ущерб не христианской церкви, а имуществу посрамившего его сановника.

Во-вторых, в середине XX в. выдвигалась гипотеза о том, что «…сюжет, рисующий открытый бунт Ильи Муромца против князя и его дружбу с “голями”, оформлен был, очевидно, под влиянием социальных настроений XVII века – эпохи массовых народных движений против московского правительства и господствующих классов» [Илья Муромец 1958: 481]. Еще начиная с XVI в., меняется тематика эпоса, ведущей становится тема социальной борьбы. Возможно, именно в этот период создавалась былина о бунте Ильи против Владимира [Пропп 1958: 31]. С большой долей

вероятности можно предположить, что речь в былинах шла о казаке Илейке Муромце из отряда атамана Федора Бодырина. С. Ф. Платонов писал, что этого казака его сотоварищи «надумали назвать… царевичем Петром, сыном царя Федора. Так возник новый самозванец, имя которого должно было прикрыть покушение небольшой шайки на простой разбой» [Платонов 1901: 252]. Погубил он много бояр, воевод и дворян. Страдало от него и духовенство.

Народный богатырь Илья Муромец нигде и никогда не заявлял о своих антихристианских настроениях. В подтверждение этого тезиса приведем слова, сказанные Муромцем царю Калину в былине «Илья Муромец и Калин царь»:

…Постою еще за стольный Киев град,
Постою за церкви за Господния… (Книга Былин 1880: 176).

В былинах Илья Муромец с почтением и трепетом относится к Богу и православному христианству:

…У Ильюши воскова свеча горит,
Сам читает книгу он, евангелие… (Книга Былин 1880: 168).

Илья Муромец, обращаясь к воеводе Самсону Самойловичу и другим богатырям с просьбой защитить Киев от «собаки царя Калина», говорит:

…Хочет разорить собака стольный Киев град,
Хочет чернедь-мужичков повырубить,
Церкви божия на дым пустить,
Князю солнышку да голову срубить
Со княгиней стольной со Апраксией (Книга Былин 1880: 172).

Что же подразумевается под словами «массовые народные движения против московского правительства и господствующих классов»? Как известно, XVII в. для России – это время Смуты, когда был полностью нарушен государственный порядок. Незримо зревшая в течение долгого времени Смута разразилась при наступлении в начале XVII в. трехлетнего голода, когда появился и первый слух о спасшемся от смерти младшем сыне царя Ивана Грозного – царевиче Дмитрии. С этого момента в стране началась общая социальная и моральная дезорганизация.

Н. Н. Фирсов отмечал, что народ ненавидел бояр и считал их причиной всех своих бедствий [Фирсов 1918: 11]. По словам С. Ф. Платонова, не получающие жалования и корма казаки голодали и, кроме как грабежом, не видели возможности добыть себе пропитание [Платонов 1901: 252]. Последовало объединение разбойников в шайки, а затем в крупные преступные сообщества. В результате в 1603 г. появились хорошо организованные отряды под предводительством предшественника казачьих атаманов Смутного времени – Хлопка Косолапа. Не имея никаких политических целей, они занимались грабежами и убийствами. Несколько позже появились такие предводители-бунтари, как Иван Болотников, Степан Разин и др. С. Ф. Платонов считал, что Болотников, используя имя царевича Дмитрия, первый поставил целью народного движения не только политический, но и общественный переворот [Платонов 1901: 246].

Простому народу нужен был заступник, которым, по его мнению, являлся царь (в былинах им стал богатырь). Вот почему Болотников выступал от имени царевича Дмитрия, а Илейка Муромец назвался царевичем Петром – сыном царя Федора.

Илья Муромец неоднозначно относился к княжеской семье, но он не «держит зла» на правителя и не призывает к расправе над ним. Тогда почему появилось утверждение, что Илья Муромец грозится убить «собаку князя Владимира»? В былине «Илья Муромец и голи кабацкие» богатырь, вернувшись из дальних краев в Киев и сильно поиздержавшись, просит чумаков-целовальников отдать ему три бочки вина бесплатно, но получает от них оскорбительный отрицательный ответ. Тогда он сам забирает вино, зовет к себе голь кабацкую и угощает их. Сняв с себя шубу соболиную, обливает ее вином и приговаривает:

Уливайся, моя шуба, зеленым вином.
Судит ли мне Бог волочить собаку царя Галина
Да по этому лужочку зеленому,
А ему от моих белых рук плакати (Онежские былины 1900: 326).

Услышав такие речи из уст Ильи Муромца, обиженные на него чумаки-целовальники отправились к князю Владимиру и сообщили ему о самоуправстве богатыря. Князь в гневе распорядился запереть богатыря в погреб и не давать ему еды и воды 40 дней (Онежские былины 1900: 327).

Первоначально рассматриваемые в былинах события происходят сразу после крещения Руси. Первым законодательным актом того времени стал Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных (Древнерусские княжеские уставы 1976: 12–84). Согласно Уставу, определенные дела находились в ведении церковного суда. Светская власть не имела права вмешиваться в его судопроизводство. В перечень дел, по которым все граждане подлежали церковному суду, относились и дела о преступлениях против веры и церкви. Профессор Я. Н. Щапов отмечал, что право суда по преступлениям, направленным против церкви и религии, принадлежало самой церкви. Таким образом, в качестве судьи здесь выступал истец [Щапов 1972: 81].

Приняв решение о заточении Ильи Муромца в погреб, князь Владимир превысил свои полномочия, поскольку, согласно его же Уставу, рассмотрение таких дел находилось в компетенции церковного суда.

По словам И. Я. Фойницкого, «…в княжеской Руси мы встречаем заключение в порубы или погреба, но не в качестве наказания, а в значении меры предварительного или гражданского заключения…» [Фойницкий 1889: 314]. Получается, что и в этом эпизоде князь Владимир проявил неуважение к действующим правовым установлениям.

После того как вскрылся обман чумаков-целовальников, князь освободил Илью Муромца и попросил у него прощение. Богатырь оставляет обиду в прошлом и соглашается воевать с «собакой царем Калиным» не за наместника, а за веру христианскую и землю Русскую (Онежская былина 1900: 329–330).

В традиционной логике при рассмотрении существующих данных принимаются во внимание только два значения – истина или ложь. Для проведения классификации необходимо расположить данные в привычном порядке, проанализировать их и получить результат. Однако в случае с былинами об Илье Муромце это не тот порядок, поскольку имеющиеся данные не подлежат однозначному классифицированию. В разное время у разных людей были свои восприятие и система ценностей, поэтому одна и та же история по-разному ими и рассказывается.

Так как же соединить в одной точке две непересекающиеся прямые: Илья Муромец – защитник веры христианской и земли Русской и Илья Муромец – разрушитель церквей и организатор массовых неповиновений властям? Ответ один: таких «муромцев» не существует, а есть лишь былинный богатырь Илья Муромец – герой народных сказаний. В былинах подчеркиваются нестабильность и иллюзорность окружающего мира, в котором оказывается богатырь. Происходящие метаморфозы, предчувствие беды и нарастающее чувство беспокойства влияют на его поведение и создают мощный эмоциональный эффект. Вполне возможно, что ключом к пониманию концепции былинных рассказов является их трансформация. Илья Муромец и другие персонажи в каждой новой версии былины переосмысливают свои ценности и взгляды на жизнь. То есть их можно рассматривать как метафору духовного роста, пути к самопознанию и вере, проходящие через боль и испытания. В результате они вызывают размышления о религии и власти; праве, законе и политике; свободе и человеческой сущности и т. д.

На основании вышеизложенного мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, следует констатировать, что любая кодификация текстов былины, проводимая в соответствии с антирелигиозной советской идеологией, изменение смысла и перспективы повествования имели целью переформатирование и полное изменение образа мышления людей.

Во-вторых, с учетом современного состояния методологии научных исследований, героический эпос не может являться самостоятельным историческим источником. Он позволяет определить некоторые пути для истолкования неясных моментов социальной практики, зарождения обычаев, мировосприятия, менталитета, общественных устоев и представлений о справедливости, праве, государственной власти.

В-третьих, «правовое эпосоведение» сегодня можно оценивать как перспективное направление гуманитарного знания. В рамках этого направления с научной точки зрения представляется интересным изучение следующих вопросов: какие правила поведения, моральные нормы, обычаи и даже прото-правовые установки содержатся в эпосе; как эпические герои и их поступки демонстрируют идеалы справедливости, возмездия, ответственности, влияющие затем на формирование реального права; как эпос воздействовал на формирование правовой и социальной идентичности народов через их героические деяния и моральные дилеммы. Современное «правовое эпосоведение» поможет глубже понять корни правовой культуры, истоки концепций справедливости и правды, а также роль культурного наследия в формировании правосознания, представлений об основах российской государственности.

Список источников

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.
Книга Былин. Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии. Спб., 1880.
Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Спб., 1894. – Т. 1.
Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Спб., 1896. – Т. 2.
Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Спб., 1900. – Т. 3.
Повесть временных лет. СПб., 2012.
Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22. URL: https://www.pravenc.ru/text/389413.html.

Литература

Бабошина Е. В., Гусейнова И. С. Правовые основы взаимодействия Российского государства и Церкви в IX–XVII вв. / Образование и право. – 2019. – № 5. – С. 322–327.
Илья Муромец. Подготовка текстов, статья и комментарии А. М. Астаховой. М.; Л., 1958.
Козловский С. В. Илья Муромец и его время: историография и перспективы изучения образа былинного героя / Палеоросия. – 2016. – №5. – С. 177–189.
Коныратбай Т. А. О познавательной природе ногайлинского эпоса / Эпосоведение. – 2025. – № 2(38). – С. 51–59.
Миронов А. С. Аксиосфера русского эпоса и ценностный выбор его героев : культурфилософский анализ. – Волгоград, 2021.
Петров А. В., Кибасова Г. П. У истоков формирования русского правового сознания (культурологический аспект) / Logos et Praxis. – 2014. – № 2. – С. 39–46.
Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Спб.,1901.
Почекаев Р. Ю. Тюрко-монгольские пословицы и поговорки как отражение средневекового права и политико-правовых реалий / Юрислингвистика. – 2025. – № 38. – С. 94–101.
Пропп В. Я. Основные этапы развития русского героического эпоса. М., 1958.

Русский фольклор. Эпические традиции. Материалы и исследования. СПб., 1995. – Т. 28.
С того света: Антирелигиозные сказки народов СССР. Харьков, 1959.
Сигалов К. Е. Представления о характере собственности и способах ее закрепления в средневековой России / Общество и право. – 2014. – № 1(47). – С. 27–31.
Фирсов Н. Н. Смута и народ на Руси в начале XVII века. М., 1918.
Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. Спб.,1889.
Чорнобай Е. Феноменологический смысл функций фольклорного права / Вісник Національного університету «Львівська політехніка». Серія «Юридичні науки». – 2014. – № 782(1). – С. 96–101.
Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XIV вв. М., 1972.
Bendix R. F., Hasan-Rokem G. (eds). A companion to folklore. Chichester, 2012.
Chapman A. A. The legal epic: "Paradise lost" and the early modern law. Chicago, 2017.
FitzHerbert S. G. Law and the Gesar Epic / Cahiers d'Extrême-Asie. – 2017. – № 26. – P. 61–86.

References

Baboshina, E. V., Huseynova, I. S. (2019). Legal foundations of interaction between the Russian state and the Church in the 9th–17th centuries. Education and law, 5, 322–327 (in Russian).
Bendix, R. F., Hasan-Rokem, G. (eds) (2012). A companion to folklore. Chichester (in English).
Chapman, A. A. (2017). The legal epic: "Paradise lost" and the early modern law. Chicago (in English).
Chornobay, E. (2014). Phenomenological meaning of the functions of folklore law, Visnik of the National University "Lviv Field Engineering". Seruya "Legal i Sciences", 782(1), 96–101(in Russian).
Firsov, N. N. (1918) Smut and the people in Russia at the beginning of the XVII century. Moscow (in Russian).
FitzHerbert, S. G. (2017). Law and the Gesar Epic. Cahiers d'Extrême-Asie, 26, 61–86 (in English).
Foinitsky, I. Ya. (1889). Doctrine of punishment in connection with prison science. St. Petersburg (in Russian).
From the Other World: Anti-Religious Fairy Tales of the Peoples of the USSR (1959). Kharkiv (in Russian).
Ilya Muromets (1958). Preparation of texts, article and comments by A. M. Astakhova. Moscow, Leningrad (in Russian).
Konyratbay, T. A. (2025). On the cognitive nature of the Nogaila epic. Epic studies, 2(38), 51–59 (in Russian).
Kozlovsky, S. V. (2016). Ilya Muromets and his time: historiography and prospects for studying the image of the epic hero. Paleorosia, 5, 177–189 (in Russian).
Mironov, A. S. (2021). The axiosphere of the Russian epic and the value choice of its heroes: cultural philosophical analysis. Volgograd (in Russian).
Petrov, A. V., Kibasova, G. P. (2014). At the origins of the formation of Russian legal consciousness (cultural aspect), Logos et Praxis, 2, 39–46 (in Russian).
Platonov, S. F. (1901). Essays on the history of troubles in the Moscow state of the XVI–XVII centuries. St. Petersburg (in Russian).
Pochekaev, R. Yu. (2025). Turkic-Mongolian proverbs and sayings as a reflection of medieval law and political and legal realities, Jurislinguistics, 38, 94–101 (in Russian).
Propp, V. Ya. (1958). The main stages of the development of the Russian heroic epic. Moscow (in Russian).
Russian folklore. Epic traditions. Materials and research (1995). St. Petersburg, 28 (in Russian).
Shchapov, Ya. N. (1972). Princely charters and church in ancient Russia. XI–XIV centuries. Moscow (in Russian).
Sigalov, K. E. (2014). Ideas about the nature of property and how to consolidate it in medieval Russia. Society and law, 1(47), 27–31(in Russian).

Citation:
Ерохина Ю. В. Русский героический эпос и его роль в формировании представлений о государстве и праве: на примере былин об Илье Муромце // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 107-112.
Yerokhina Yu. V. (2026) Russian Heroic Epic and Its Role in Shaping Ideas about the State and Law: Case Study of the Epic Poems about Ilya Muromets. Legal Linguistics, 40, 107-112.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 40, 113-119, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4019

ЯЗЫК И ПРАВО *УДК 340+82-34, ББК 67, ГРНТИ 10.097, Код ВАК 5.1.1*

Государство и право Магической Великобритании: опыт теоретико-правового анализа произведений Дж. К. Роулинг

К. А. Ситников[1], В. И. Попов[2]

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
Государственный академический университет гуманитарных наук
ул. Академика Волгина, д. 12, 117997, Москва, Россия. E-mail: [1]kirillsa@mail.ru,
[2]popov.vitaliy.law@gmail.com

В настоящей статье представлен теоретико-правовой анализ государственного и правового устройства Магической Великобритании, реконструированного на основе произведений Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Авторами обосновывается эвристический потенциал фэнтезийного нарратива как эмпирической базы для изучения как реально существующих, так и альтернативных моделей публичной власти и правопорядка. В работе последовательно анализируются структура и принципы функционирования Министерства магии как органа, сосредоточившего исполнительную, законодательную и судебную власть. На основе реконструкции ведомственной структуры выявляются специфические черты магической бюрократии. Особое внимание уделяется проблемам легитимности власти, коррупции, отсутствию демократических процедур и независимого правосудия, подавлению свободы слова и печати. Отдельно авторами представлена общая характеристика правовой системы Магической Великобритании.

Ключевые слова: сказочный нарратив, фэнтезийный нарратив, Гарри Поттер, теория государства и права, история государства и права, Министерство магии.

The State and Law of Magical Britain: the Experience of Theoretical and Legal Analysis of J.K. Rowling's Works

K. A. Sitnikov[1], V. I. Popov[2]

Kikot Moscow University of the Ministry of the
Interior of Russia, State Academic University of Humanities
12 Akademika Volgina str., 117997, Moscow, Russia. E-mail: [1]kirillsa@mail.ru, [2]popov.vitaliy.law@gmail.com

This article presents a theoretical and legal analysis of the state and legal structure of Magical Great Britain, reconstructed on the basis of J.K. Rowling's works about Harry Potter. The authors establish the heuristic potential of the fantasy narrative as an empirical basis for studying both real-life and alternative models of public authority and law and order. The paper consistently analyzes the structure and principles of functioning of the Ministry of Magic as a body that concentrates executive, legislative and judicial power. Based on the reconstruction of the departmental structure, the specific features of the magical bureaucracy are revealed. Special attention is paid to the problems of the legitimacy of government, corruption, lack of democratic procedures and independent justice, suppression of freedom of speech and the press. Separately, the authors present a general description of the legal system of Magical Great Britain.

Key words: fairytale narrative, fantasy narrative, Harry Potter, theory of state and law, history of State and Law, Ministry of Magic.

Введение

Современный ученый-правовед А. Париз в одной из своих работ, посвященных осмыслению юриспруденции сквозь призму сказочных нарративов, отмечает, что «волшебные сказки, если их понимать как руководства по поведению, которыми делятся в семье, могут служить средством изучения и понимания права в определенное время и в определенном месте» (*здесь и далее перевод наш – Авт.*) [Parise: URL].

Потенциал подобных литературных произведений в контексте юридической науки, на наш взгляд, в самом общем виде может быть сведен к двум генеральным диалектически взаимосвязанным аспектам:

1) будучи элементом культуры того или иного общества, они представляют собой уникальное эмпирическое поле для исследований, отражающее, словно в «зеркале», особенности социального устройства, менталитета (в том числе правового), доминирующие идеи и т. д., выступившие в роли истоков для рождения сказочного сюжета;

2) сам нарратив, отдельные его части могут быть применимы в качестве наглядных примеров для иллюстрации изучаемых в рамках юридического образования сложных конструкций и категорий.

Последний аспект и представляет наибольший интерес для настоящего исследования. Теоретико-правовые дисциплины, выступающие в качестве фундамента всего юридического образования, чрезвычайно насыщены абстракциями, традиционно вызывающими сложности у обучающихся при освоении материала, а их механическое заучивание не ведет к полноценному пониманию сущности политико-правовых явлений и процессов. Проблема же изучения историко-правовых дисциплин, которые, напротив, отсылают к конкретным примерам из прошлого (связанным как с отечественным, так и зарубежным опытом), обусловлена необходимостью погружения обучающегося в культурно-исторический контекст. При этом текущий уровень знаний вчерашних школьников (в подавляющем их большинстве) в данной сфере невозможно признать удовлетворительным (Более трети российских: URL; Помни свои корни: URL).

Обращение к ярким и красочным сказочным сюжетам при обсуждении теоретико-исторической правовой проблематики, как нам представляется, призвано стимулировать интерес обучающихся к изучению действительной (настоящей) реальности через реальность вымышленную. При этом наибольшим методическим потенциалом в этой связи обладают именно фэнтезийные произведения, поскольку они отличаются от классических сказок большей проработанностью вселенных/миров, в которых происходит развитие сюжета [Попов, Ситников 2025б]. Как следствие, в куда большей степени завершенным выглядит и социальное, политическое (государственное) и правовое устройство, с которым читатель попутно знакомится на страницах такого произведения. Так, англо-американский поэт У. Х. Оден справедливо отмечал, что «…вымышленный мир требует логики, ибо это мир порядка, а не произвола. Для читателя (он) должен быть не менее правдоподобным, чем мир реальный» [Оден 2001: 561–562]. Именно требование внутренней логики мира позволяет рассматривать фэнтези не просто как иллюстрацию, но как модель, содержащую в себе богатый эмпирический материал и пригодную для теоретико-правового экспериментирования [Попов, Ситников 2025а].

Одним из таких уникальных фэнтезийных миров, обращение к которому может позволить глубже проникнуть в сущность политико-правовых явлений, стоит признать результат творчества британской писательницы Дж. К. Роулинг, представленный, в первую очередь, в серии книг о Гарри Поттере [Попов, Ситников 2025а; Попов, Ситников 2025б].

Общая характеристика государственного устройства Магической Великобритании

В первую очередь, произведения о мальчике, который выжил, могут быть использованы при изучении теории государства (в рамках первых тем курса «Теория государства и права»), а также как сравнительный материал для большего понимания функционирования государственных систем прошлого (в рамках курсов «История государства и права России», «История государства и права зарубежных стран»). Так, в контексте настоящего исследования, наибольшего внимания заслуживает Министерство магии, поскольку анализ его структуры и функционирования позволит составить некоторое представление о:

- государственном механизме в волшебном мире;
- некоторых особенностях политического режима рассматриваемого государства.

Как отмечают некоторые исследователи, Магическая Великобритания не признает разделения властей [Кирикова 2018: 18–26; Barratt 2012: 20]. Министерство магии, которое не раз упоминалась в литературных произведениях и их экранизациях, сосредотачивает в своих руках исполнительную, законодательную и судебную ветви власти.

Попытаемся разобрать структуру данного правительственного учреждения. Возглавляет министерство, что вполне очевидно и закономерно, Министр магии. В «Кратких историях из Хогвартса о власти, политике и противных полтергейстах» Дж. К. Роулинг отмечает, что «министр магии избирается демократическим путем, хотя история знает кризисные времена, когда пост просто предлагался кому-нибудь без выборов (Альбусу Дамблдору такое предложение делалось не раз, и каждый раз он отказывался)» (Rowling: URL). Однако если мы посмотрим на центральные художественные произведения поттерианы, то они не дают нам ответа на вопрос о том, кто назначает и на какой срок, а также увольняет Министра магии. Ни разу не встречалось и само упоминание выборов или учреждений по избранию министров. Напротив, если и существуют какие-либо электоральные институты, то назвать их демократическими достаточно сложно.

Наиболее вероятно, что глава всего магического государственного аппарата в Британии избирается по классовому принципу из числа знатных, богатых, влиятельных и магически одаренных людей. Подобное положение дел нередко приводило к злоупотреблениям властью, принятию непоследовательных и даже волюнтаристских решений. Как отмечал Римус Люпин, министр «вошел во вкус власти и стал гораздо самоуверенней. Ему очень нравится быть министром магии, он убедил себя, что он самый умный…» (Ролинг 2004: 92).

Об отсутствии демократических выборов свидетельствует кризисный для магического сообщества туманного Альбиона период повторного возвышения Лорда Волан-де-Морта. Именно правительство Корнелиуса Фаджа во многом было виновно в том, что тоталитарная секта злого волшебника вновь смогла набрать свои силы и (как покажет в дальнейшем сюжет саги) захватить власть во всей стране. Очевидное большинство волшебников было

согласно с тем, что из Альбуса Дамблдора вышел бы несравненно лучший Министр магии. Однако этот пост занимает сначала кризис-менеджер из структур по обеспечению безопасности Руфус Скримджер, а после мы можем наблюдать имеющее немало схожего с Вишистским правительством Франции 40-х гг. прошлого столетия, марионеточное руководство Пия Толстоватого.

Напрямую подчиняются Министру его заместители, среди которых, судя по сведениям о Долорес Джейн Амбридж, предусмотрена должность как минимум одного Первого заместителя[1]. Обеспечивает работу «вспомогательный аппарат» (Ролинг 2007: 215).

В целом Министерство магии функционирует по тому же принципу, что и министерства внутри правительственного аппарата любого современного государства. О задачах, стоящих перед Министерством, можно говорить на основе анализа его структуры, которая, помимо высшего руководства, включала в себя ряд отделов (департаментов), выполняющих различные функции в области государственного управления.

«Первое, что следует отметить в Министерстве магии Роулинг, это то, что она создала правительственную структуру, которая, кажется, на 100% бюрократическая», – пишет известный американский ученый-правовед Б. Х. Бартон [Barton 2006: URL]. На следующем после Министра уровне, по мнению исследователя, существует множество должностей и комитетов, «однако каждая из этих структур… представляет собой классическую бюрократию внутри бюрократии, где каждую возглавляет младший министр со своей собственной сферой ответственности» [Barton 2006: URL].

Четкой схемы структуры Министерства Дж. К. Роулинг на страницах поттерианы не дает, однако внимательное прочтение произведений позволяет воспроизвести некоторую «принципиальную схему» (Ролинг 2004).

Основу учреждения составляют семь отделов. Первый, и как представляется, наиболее значимый во всей системе государственного управления – Отдел обеспечения магического правопорядка, которому, по сути, подчинены все остальные (кроме Отдела тайн). Данное структурное звено было создано исторически первым во всем Министерстве и по своему функционалу схоже с ведомствами внутренних дел. В него входят:

- Сектор борьбы с неправомерным использованием магии (основное учреждение по обеспечению общественного порядка в Великобритании);

- Сектор незаконного использования изобретений магглов (деятельность направлена на обеспечение безопасности немагического сообщества и сохранение в тайне существования волшебного мира);

- Сектор выявления и конфискации поддельных защитных заклинаний и оберегов (создан в условиях очередного возвышения лорда Волан-де-Морта);

- Штаб-квартира мракоборцев (наиболее элитное подразделение Отдела, деятельность сотрудников которого сочетает в себе элементы функциональных обязанностей традиционных спецслужб; главная задача – борьба с темной магией);

- Административные службы Визенгамота.

Последнее из вышеперечисленных звеньев, по нашему мнению, требует особого внимания. Визенгамот – это Верховный магический суд. Он представляет собой единственный публичный орган судебной системы Магической Великобритании. Помимо него полным правом суда феодала в отношении своих домовых эльфов обладают законные владельцы соответствующего недвижимого имущества, остальные споры решаются во внесудебном порядке. Здесь стоит согласиться с предположением Б. Х. Бартона о том, что, скорее всего, британское магическое сообщество достаточно мало для того, чтобы не иметь значительной потребности в более сложной системе судов.

Можно предположить, что в функции Визенгамота входит, помимо непосредственного отправления правосудия, осуществление надзора за Министерством магии и его государственной политикой в отношении магического сообщества Великобритании. В некоторой степени он имеет немало общего с реально функционировавшей Звездной палатой[2].

Наибольшая проблема заключается, очевидно, в том, что Визенгамот в значительной степени контролируется Министром магии, а потому не представляет собой института реального независимого контроля за властью Министерства. Яркое подтверждение тому – события произведения «Гарри Поттер и Орден Феникса»: Альбуса Дамблдора увольняют с должности Главного колдуна Визенгамота из-за его критики политики правительства; против самого Гарри Поттера Визенгамотом под руководством Министра выдвигаются сфабрикованные обвинения в нарушении законодательства и т. д. (Ролинг 2004: 92–94).

Особо секретным звеном системы управления магическим сообществом, о котором мы обладаем крайне незначительным объемом информации, является Отдел тайн. Предположительно, сотрудники Отдела хранят и исследуют самые могущественные и опасные магические артефакты, занимаются изучением магии как таковой. Значимостью их деятельности объясняется и неудачность попытки одного из Министров расформировать Отдел: распоряжение было проигнорировано, а сам глава магического сообщества вскоре серьезно заболел и подал в отставку (Rowling: URL).

[1] В оригинальном тексте - Senior Undersecretary to the Minister for Magic, что может быть переведено также как «Старший заместитель Министра Магии». В седьмой части саги ошибочно переведено как «Вторая заместительница министра» (Ролинг 2004: 135; Ролинг 2007: 219).

[2] Высший административно-судебный трибунал в Англии, учрежденный в конце XV в. Генрихом VII в качестве комитета королевского Тайного совета [История государства 2024: 271].

В период между 1798 и 1811 гг. Артемисия Лафкин учредила Отдел международного магического сотрудничества, включающий в себя:

- Международный совет по выработке торговых стандартов;
- Международное бюро магического законодательства;
- Британский филиал Международной конфедерации магов.

Очевидно, данный Отдел представляет собой аналог ведомства иностранных дел и обеспечивает представительство Великобритании в международном сообществе (в частности, в главной международной организации), проведение (и создание их правовых оснований) внешнеторговых операций, а также участие государства в выработке норм международного права и их последующее применение на территории самой страны.

Вероятно, исторически следующим был Отдел магических игр и спорта, включающий в себя:

- Штаб-квартиру Британско-ирландской лиги квиддича (главного вида спорта среди волшебников);
- Официальный клуб игроков в плюй-камни (еще одна популярная спортивная игра магического сообщества);
- Сектор патентов на волшебные шутки (что собой представляют «шутки» на страницах произведений Дж. К. Роулинг, не раскрывается).

Одним из немаловажных учреждений является и Отдел магического транспорта, подразделения которого обеспечивают поддержание безопасности и функциональности всех магических способов передвижения, а также соблюдение законодательства в соответствующей сфере:

- Центр Сети летучего пороха;
- Сектор контроля за метлами;
- Портальное управление;
- Трансгрессионный испытательный центр.

Условным аналогом ведомств по чрезвычайным ситуациям является Отдел магических происшествий и катастроф, который включает в себя:

- Группу аннулирования случайного волшебства (устраняют нежелательные последствия, возникшие в результате неосторожного или непрофессионального колдовства);
- Штаб-квартиру стирателей памяти (изымают из памяти участников различных инцидентов, в первую очередь маглов, свидетельства о возникших происшествиях с целью обеспечения общественной безопасности и порядка);
- Комитет по выработке объяснений для маглов (также обеспечивает поддержание режима тайны существования волшебников путем придания магическим событиям в сознании маглов образов обыденного / научно объяснимого[1]).

Волшебный мир, созданный Дж. К. Роулинг помимо обладающих и не обладающих волшебными способностями людей, населяет значительное количество иных видов созданий: оборотни, призраки, полтергейсты, кентавры, гоблины и т. д.[2] Взаимоотношения с ними у магического сообщества крайне сложны: от открытой длительной вражды (напр., войны с гоблинами и великанами) до порабощения (напр., установленный правовой статус домашних эльфов) или взаимосогласия (напр., большинство призраков). Немало проблем вызывает классификация существ на «тварей» и «созданий». В этой связи представляется вполне оправданным функционирование еще одного важного элемента государственного аппарата – Отдела регулирования магических популяций и контроля над ними. В него входят:

- Подразделение тварей (напр., кентавры, оборотни (вопросы отлова), упыри, драконы, вредители и т. д.);
- Подразделение созданий (напр., гоблины, оборотни, домовые эльфы);
- Подразделение духов (в первую очередь, призраки).

Вся система здравоохранения Магической Британии представлена, по сути, лишь одним учреждением – Больницей Святого Мунго для лечения магических заболеваний и травм (Ролинг 2004: 451). Персонал учреждения осуществляет помощь при травмах от рукотворных предметов, ранениях от живых существ, волшебных вирусах, отравлениях растениями и зельями, а также недугах от заклятий (Ролинг 2004: 453, 454).

Кроме того, медицинскую помощь оказывает больничное крыло Хогвартса, являющееся одним из обеспечительных структурных подразделений школы чародейства и волшебства и состоящее, соответственно, на ее балансе.

Из вышеприведенного анализа государственного механизма уже можно сделать немало выводов о наличествующем в Магической Великобритании политическом режиме. Достаточно лаконично и вместе с тем ярко описал его Б. Х. Бартон в своем риторическом вопросе: «Что бы вы подумали о правительстве, допускающем следующие тиранические действия: применяющему пытки к детям за ложь; специально создавшему тюрьму, чтобы высасывать всю жизнь и надежду из заключенных; помещающему граждан в эту тюрьму без суда; приказывающему о применении смертной казни без судебного разбирательства; позволяющему влиятельным, богатым или известным лицам контролировать государственную политику; избирательно преследующему преступления (власть имущие остаются безнаказанными, а непопулярные сталкиваются со сфабрикованными обвинениями); проводящему уголовные процессы без участия защитника; использующему сыворотку правды для принудительных признаний; осуществляющему постоянное наблюдение за всеми гражданами; не проводящему выборов и не имеющему демократического механизма законодательства; а также контролирующему прессу?» [Barton 2006: URL].

[1] «Так, сделанные м[а]глами бесчисленные снимки келпи озера Лох-Несс усердными стараниями отдела дезинформации все-таки удалось выдать за фотомонтаж, хотя изначально ситуация выглядела безнадежной» (Ролинг 2015: XXXII–XXXIII).

[2] Социальное устройство магической Великобритании, в целом, представляет собой отдельную и достаточно сложную проблематику, требующую, на наш взгляд, самостоятельного подробного изучения.

Действительно, системе государственного управления Магической Британии можно предъявить немало претензий. В первую очередь, стоит отметить затронутое нами ранее (вытекающее из первоначального, изложенного в романах о Гарри Поттере канона) полное отсутствие демократии и подотчетности государства перед магическим сообществом. Может сложиться впечатление, что Дж. К. Роулинг через художественные образцы пытается выразить наиболее значимые недостатки централизованной системы организации власти как таковой. Сначала путем сатирического изображения, а в дальнейшем и путем мрачного описания она создала образ правительства как недемократического, неэффективного с максимально коррумпированной бюрократией [Thomas, Smith, Wright, Barton 2005: 441]:

- в ходе прочтения саги складывается впечатление, что Министерство магии – основное, главное место для трудоустройства взрослых волшебников, а подавляющее большинство представителей общества – бюрократы;
- не существует процедур для обжалования действий какого-либо государственного органа или его должностного лица, в том числе по той причине, что отсутствует вообще какой-либо диалог между самим магическим сообществом и его политической организацией (проводя параллели с нашей реальностью следует подчеркнуть, что такой диалог необходим в параметрах взаимоотношений правового государства и гражданского общества [Попов 2023]);
- должности можно получить благодаря своему социальному статусу, давлению, непотизму, фаворитизму (так, один из ярко выделенных фаворитов Корнелиуса Фаджа – пожиратель смерти Люциус Малфой) или иным формам проявления коррупции;
- всему обществу характерна высокая степень распространенности коррупции («Не спрашивайте меня, как, но от обвинения по туалетному делу он отвертелся, – хмуро сказал мистер Уизли. – Нетрудно догадаться, что кое-кого подмазали» (Ролинг 2004: 457));
- в «Гарри Поттер и Орден Феникса» наглядно демонстрируются усилия правительства по полной ликвидации автономии школы Хогвартс и продвижению единственно верной трактовки происходящих событий через детей (Ролинг 2004);
- массовые нарушения законов и использование должностного положения в личных интересах со стороны самих сотрудников Министерства магии (например, даже один из самых положительных персонажей, кажущийся безупречно нравственным Артур Уизли регулярно преступает написанные им же законы: стоить вспомнить хотя бы летающий Форд Англия, разбившийся об Иву (Ролинг 2011: 93–122)).

Очевидно полное отсутствие свобод слова и печати. Одно из немногих средств массовой информации, газета «Ежедневный пророк» оказывается абсолютно подконтрольной правительству. Профессор Римус Люпин объяснял сложившуюся ситуацию Гарри Поттеру следующим образом: «К тому же Министерство сильно давит на «Ежедневный пророк» – запрещает писать о том, что оно называет фальшивками Дамблдора. Поэтому рядовые волшебники большей частью не знают о случившемся ровно ничего...» (Ролинг 2004: 93).

Еще одной важной чертой Министерства магии стоит признать полную административную неэффективность, неспособность обеспечить соблюдение собственных законов. Если первоначально это можно проследить на примере незначительных, но одновременно с тем регулярных сбоев в функционировании государственного механизма в «мирное время», то с началом «войны» государственный аппарат и вовсе не смог оказать никакой помощи рядовым членам общества.

Исходя из вышесказанного, считаем абсолютно справедливым утверждение Б. Х. Бартона о том, что волшебный мир Гарри Поттера для его создательницы стал способом дать художественный комментарий сущности современного западного правительства и общества [Thomas, Smith, Wright, Barton 2005: 443].

Правовая система Магической Великобритании

Правовые явления, с которыми можно встретиться на страницах произведений Дж. К. Роулинг, представляют интерес для освоения учебного материала в части вопросов, связанных с рассмотрением таких проблем, как механизм правового регулирования, правотворчество и законотворчество, система права и система законодательства и т. д. Процедура правотворчества в волшебном мире не описана в книгах с детальной точностью, однако на основе ряда примеров можно реконструировать ее общие черты.

Во-первых, Министр магии, как и представители Отделов, имеет право законодательной инициативы, кроме того, он может утверждать и отменять нормативные правовые акты. Нет никакого другого органа или должностного лица, которое было бы вправе наложить вето на решение Министра магии и изменить уже принятые нормативные правовые акты.

Во-вторых, разработкой нормативных правовых актов в зависимости от сферы компетенции, занимаются соответствующие Отделы Министерства. Подтверждением тому могут быть слова Люциуса Малфоя об Артуре Уизли: «[Он] подрывает репутацию Министерства. Вне всяких сомнений, его нельзя допускать к составлению законов, а его смехотворный Акт о защите маглов следует незамедлительно упразднить» (Ролинг 2011: 304).

В-третьих, отсутствует любое упоминание о полноценных консультациях с магическим сообществом или об особых структурных подразделениях Министерства, обладающих должными специальными юридическими знаниями и проводящих правовую экспертизу проектов актов.

Традиционно, в рамках характеристики права в юридических работах говорится о принципе верховенства закона. Однако для магического сообщества, демонстрируемого Дж. К. Роулинг, он чужд. «Каждый начинающий волшебник должен понять, что, вступая в наш мир, он обязуется соблюдать наши законы» (Ролинг 2010: 282), – говорил Дамблдор, но с реализацией такого постулата, как показывает практика, все значительно сложнее.

Какова иерархия между различными источниками нормативных предписаний в Магической Великобритании не ясно, но на страницах книг и в их экранизациях встречаются: Руководящие принципы по обращению с немагической частью общества, Закон о запрещении экспериментального разведения магических существ, Декрет об оправданной конфискации, Декрет о разумном ограничении использования магии несовершеннолетними, Акт о защите маглов и т. д.[1]

Нельзя обойти стороной и тот факт, что среди упомянутых в произведении нормативных правовых актов числятся и имеющие кодифицированный характер и действующие еще со времен, когда не существовало самого Министерства (в связи с чем возникает и вопрос о процедуре их подготовки и утверждения).

Таким образом, несмотря на свою уникальность, правовая система мира Магической Великобритании имеет определенные параллели с действительно существующими правовыми традициями, однако она адаптирована к специфическим условиям волшебной вселенной, что делает ее объектом особого научного интереса. Полагаем, что это позволило Дж. К. Роулинг в рамках фрагментарного раскрытия на страницах произведений особенностей функционирования правовой системы Магической Великобритании, равно как и в случае с описанием политической системы, сформулировать свои основные взгляды, идеи и опасения относительно сложившегося (действующего) порядка вещей в окружающем ее реальном мире (в первую очередь в Великобритании).

Заключение

Таким образом, осуществив анализ государственного и правового устройства Магической Великобритании, мы можем прийти к следующим выводам о его особенностях, которые могут выступить в качестве наглядных примеров в рамках организации и проведении учебных занятий по теоретико-историческим правовым дисциплинам.

1. Политическая организация британского волшебного сообщества не признает разделения властей. Вся полнота власти сосредоточена в Министерстве магии. Судебная система (как структурный элемент Министерства) также институционально не развита, что в некоторой степени объясняется и малочисленностью населения. Среди органов Министерства магии можно встретить аналоги различных органов исполнительной власти, которые характерны и для существующих в реальном мире государств: внутренних дел, иностранных дел, чрезвычайных ситуаций, транспорта, спорта. Многие из них отличаются от привычных нам ведомств лишь тем, что в их структуре обязательно предусмотрено подразделение, обеспечивающее взаимодействие с немагическим миром. В Министерстве магии не существует (или в книгах на это прямо не указывается) структурных частей (отделов), занимающихся вопросами социальной защиты, сельского хозяйства, природопользования, промышленности и внутренней торговли, а также налогообложения. Говоря о последнем, налоги и сборы вовсе ни разу не упоминаются в произведениях Дж. К. Роулинг, что, с одной стороны, вызывает вопросы с точки зрения возможности функционирования всей государственной системы в таких условиях [История государства 2024; История государства 2023][2]. С другой стороны, это объясняется отмеченным выше фактом об отсутствии государственной финансово-кредитной системы.

2. В целом, вся политическая система Магической Великобритании представляет собой пример максимально бюрократизированного и неповоротливого механизма, не отвечающего интересам (вымышленного) современного ему общества, а также неспособного дать должный ответ возникающим вызовам и угрозам. Как закономерный итог неэффективного функционирования государственного механизма на страницах произведений мы видим установление тотальной диктатуры секты Волан-де-Морта, массовые пытки и казни неугодных режиму людей, притеснения значительной части магического сообщества (в том числе волшебных созданий) и т. д.

3. Обобщая и развивая далее представленные выше соображения относительно правовой системы Магической Великобритании, мы можем заключить, что она также представляет собой яркий негативный пример. Законотворческий процесс волшебников явно страдает пороком отсутствия разработанного механизма обнародования нормативных правовых актов. Новые законы нередко вводятся без должного уведомления. Применение норм в отношении рядовых членов общества происходит еще до того, как человек может узнать об изменении в правовом регулировании. Законы в магическом мире нередко отличаются расплывчатостью, отсутствием ясности в формулировках. Не отличается рассматриваемая правовая система и стабильностью. Действия властей ввиду чрезвычайной коррумпированности, бюрократизации и вседозволенности нередко сами расходились с действовавшими законами.

В рамках настоящего исследования была представлена наиболее общая, схематичная характеристика государства и права Магической Великобритании, которая охватывает далеко не все их формальные и содержательные особенности. Тем не менее, именно эта незавершенность и эскизность, как нам представляется, призвана породить широкое поле для дальнейших изысканий. Дальнейшая разработка избранной нами проблематики видится прежде всего в направлении детального анализа отдельных отраслей права Магической Великобритании, правового статуса личности и отдельных социальных групп волшебного сообщества, специфики пенитенциарной системы, а также проблемы соотношения магии и религии в таком общества.

Список источников

[1] Вместе с тем стоит помнить и о специфике перевода.

[2] Недаром еще во времена древневосточной деспотии для всех подобных государств было характерным наличие трех классических ведомств: военного, общественных работ и финансового.

Более трети российских школьников плохо знают отечественную историю / ТАСС. URL: https:/tass.ru/obschestvo/7070620.
Помни свои корни / ВЦИОМ. URL: https:/wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pomni-svoi-korni.
Ролинг Дж. К. Гарри Поттер и Дары Смерти / пер. с англ. С. Ильина и др. М., 2007
Ролинг Дж. К. Гарри Поттер и Кубок огня / пер. с англ. [М. Д. Литвиновой и др.] под ред. М. Д. Литвиновой. М. 2002.
Ролинг Дж. К. Гарри Поттер и Орден Феникса / пер. с англ. В. Бабкова [и др.]. М., 2004.
Ролинг Дж. К. Гарри Поттер и принц-полукровка / пер. с англ. М. Лахути и С. Ильина. М., 2010.
Ролинг Дж. К. Гарри Поттер и Тайная комната / пер. с англ. М. Д. Литвиновой. М., 2011.
Роулинг Дж. К. Фантастические твари и где они обитают. М., 2015.
Rowling J. K. Short Stories from Hogwarts of Power, Politics and Pesky Poltergeists. URL: https://www.pottermore.com.

Литература

История государства и права зарубежных стран: Классический учебник / Н. В. Михайлова, А. И. Клименко, Т. Л. Матиенко [и др.]. - Четвертое издание, переработанное и дополненное. М., 2024.
История государства и права зарубежных стран: Хрестоматия. Том 1. Воронеж, 2023.
Кирикова А. А. Магия в праве: Гарри Поттер и право Магической Великобритании / Glossa: Вестник студенческой науки. Издание кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета. - 2018. - № 2. - С. 18-26.
Оден У. Х. В поисках героя / Толкин Д. Сильмариллион: пер. с англ. М., 2001. С. 561–562.
Попов В. И. Право в обеспечении коммуникации государства и гражданского общества. М., 2023.
Попов В. И., Ситников К. А. Волшебное зеркало права и государства: сказочно-фэнтезийные нарративы как инструмент современного юридического образования / Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2025. - № 4(165). - С. 21-31.
Попов В. И., Ситников К. А. К вопросу об осмыслении государственно-правовых явлений через призму сказочно-фэнтезийных нарративов / Вестник Воронежского института МВД России. - 2025. - № 3. - С. 268-278.
Barratt B. The politics of Harry Potter. New York, 2012.
Barton B. H. Harry Potter and the Half-Crazed Bureaucracy / Michigan Law Review. - 2006. - Vol. 104. URL: https:/ssrn.com/abstract=830765.
Parise A. Legal science through the lens of fairy tales / Maastricht University Blog, 28.10.2022. URL: https:/www.maastrichtuniversity.nl/blog/2022/10/legal-science-through-lens-fairy-tales.
Thomas J.E., Smith J.C., Wright D., Barton B.H. Harry Potter and the Law, 12 Tex. Wesleyan L. - Rev. 427 (2005). - Pp. 428–483.

References

History of the state and law of foreign countries: A Classic textbook (2024). N. V. Mikhailova, A. I. Klimenko, T. L. Matienko [and others]. Fourth edition, revised and expanded. Moscow (in Russian).
The history of the state and the law of foreign countries: A textbook (2023). Volume 1. Voronezh (in Russian).
Kirikova, A. A. (2018). Magic in Law: Harry Potter and the Law of Magical Britain. Glossa: Bulletin of Student Science. Publication of the Department of Theory and History of State and Law of Kursk State University, 2, 18-26 (in Russian).
Auden, W. H. (2001). In search of a Hero. Tolkien, D. Silmarillion: translated from English. Moscow, 561-562 (in Russian).
Popov, V. I. (2023). Law in ensuring communication between the state and civil society. Moscow (in Russian).
Popov, V. I., Sitnikov, K. A. (2025). The magic mirror of law and the State: Fabulous fantasy narratives as a tool of modern legal education. Bulletin of the Saratov State Law Academy, 4(165), 21-31 (in Russian).
Popov, V. I., Sitnikov, K. A. (2025). On the issue of understanding state-legal phenomena through the prism of fairy-tale and fantasy narratives. Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3, 268-278 (in Russian).
Barratt, B. (2012). The politics of Harry Potter. New York (in English).
Barton, B. H. (2006). Harry Potter and the Half-Crazed Bureaucracy. Michigan Law Review, 104. Available from: https:/ssrn.com/abstract=830765.
Parise, A. (2022). Legal science through the lens of fairy tales. Maastricht University Blog, 28.10.2022. Available from: https:/www.maastrichtuniversity.nl/blog/2022/10/legal-science-through-lens-fairy-tales.
Thomas, J. E., Smith, J. C., Wrigh,t D., Barton, B. H. (2005). Harry Potter and the Law, 12 Tex. Wesleyan L, 427, 428-483.

Citation:
Ситников К. А., Попов В. И. Государство и право Магической Великобритании: опыт теоретико-правового анализа произведений Дж.К. Роулинг // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 113-119.
Sitnikov K. A., Popov V. I. (2026) The State and Law of Magical Britain: the Experience of Theoretical and Legal Analysis of J.K. Rowling's Works. Legal Linguistics, 40, 113-119.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 24.06.2026 г.

Дата публикации издания 01.07.2026 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2026